

88.5
С 91.

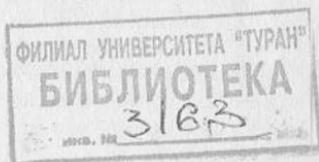
СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

А. Н. СУХОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Допущено

*Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов учреждений среднего
профессионального образования, обучающихся по специальности
0322 — Организация воспитательной деятельности*

Москва

ACADEMIA
2002

УДК 301.151(075.32)

ББК 88.5я723

С914

Рецензенты:

кандидат психологических наук, профессор *И. И. Купцов*;
кандидат психологических наук, зав. кафедрой педагогики
и психологии РязГМУ *Н. В. Яковлева*

Сухов А. Н.

С914 Социальная психология: Учеб. пособие для студ. учрежде-
ний сред. проф. образования. — М.: Издательский центр «Ака-
демия», 2002. — 240 с.

ISBN 5-7695-1048-X

В учебном пособии раскрываются теоретические основы социальной психологии и основные направления прикладной социальной психологии. Рассматривается широкий круг вопросов: социально-психологические теории личности, социальная психология общения, характеристика социальных общностей и социальных институтов, социальная психология конфликтов, основные направления прикладной социальной психологии (основы социально-психологической диагностики и воздействия).

Книга может быть интересна психологам, социологам и социальным работникам.

УДК 301.151(075.32)

ББК 88.5я723

ISBN 5-7695-1048-X

© Сухов А. Н., 2002

© Издательский центр «Академия», 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курс «Социальная психология» введен в учебную программу средних профессиональных учебных заведениях относительно недавно, поэтому учебно-методическое обеспечение этого курса отсутствует. И преподавателям, и студентам приходится пользоваться учебниками и учебными пособиями по социальной психологии, изданными для вузов.

Между тем существуют серьезные различия как структурного, так и содержательного плана между курсами социальной психологии, читаемыми в вузах и средних профессиональных учебных заведениях. Этим обстоятельством и объясняется подготовка и издание специального учебного пособия по социальной психологии для ссузов.

В настоящее время потребность в социально-психологических знаниях велика. Нельзя представить современного специалиста, не знающего основ социальной психологии.

По мере возникновения благоприятных социально-политических условий отечественная социально-психологическая теория стала превращаться из мифологии, своеобразной социальной «служанки» в науку как таковую. Но кризис в социально-психологической теории преодолеть непросто. Дело здесь не только в отказе от одних принципов, теорий, терминов и переходе к использованию других — это лишь смена вывесок, не более того. Например, можно легко заменить слова «марксистская психология» на «гуманистическую психологию», однако суть проблемы останется прежней. Кризис связан с глубинными процессами в обществе, с заостренным менталитетом. Необходимо освобождение общества и науки от догм, изменение взглядов на жизнь и отношение к человеку, понимание его непреходящей ценности. Нельзя в современных социально-исторических условиях исходить из сложившихся в прошлом теоретических схем.

В настоящее время не обойтись без выделения тех факторов, зачастую социологических, которые определяют содержание социально-психологических явлений. Вместе с тем тонкий и корректный социально-психологический анализ возможен лишь тогда, когда произойдет смена социальных институтов, сложится новая система отношений, утвердятся новый образ жизни. Пока обстоятельства позволяют создать лишь «каркас» социально-пси-

хологической теории, адекватной сегодняшней действительности, вычленив круг проблем, относящихся к ее компетенции.

В то же время надо очистить, говоря образно, «авгиевы конюшни», которые, к сожалению, есть в нашей науке, т. е. освободить социально-психологическую теорию от идеологического хлама и вместо этого наполнить ее конкретным содержанием. Псевдонаучными, а точнее несостоятельными, оказались многие принципы, целые так называемые научные школы, получившие свою известность в прошлом в результате политических спекуляций. Но, к сожалению, и сегодня теория социальной психологии не готова дать исчерпывающий ответ на «кричащие» вопросы социальной практики.

Так получилось, что из поля зрения социальной психологии выпал ряд явлений, без учета которых нельзя понять ни личность, ни общество, в числе этих явлений глобальный общественный и экологический кризис и как производное — социальная напряженность, в условиях которой вынуждено существовать как общество в целом, так и отдельная личность в частности.

Значительный урон теории отечественной социальной психологии в начале 90-х гг. XX в. нанесла внутрицеховая борьба, которая привела социальных психологов к размежеванию. В ее основе лежало политическое противостояние представителей отдельных научных школ. Вместо консолидации усилий, конструктивного взаимодействия, так необходимого для преодоления теоретического кризиса, возникла конфронтация, не позволившая плодотворно работать ведущим социальным психологам.

Кроме того, резко обозначилась конфронтация между теоретиками и практиками из числа социальных психологов. Надо признать, что виной этому во многом является скомпрометировавшая себя в прошлом социально-психологическая теория. Говоря точнее, не теория, а оторванные от жизни теоретизирование, схоластика, предосудительный академизм, боящийся практики и отгораживающийся от ее запросов. Но это не значит, что нужно отказаться вообще от всякой социально-психологической теории. Наоборот, без тесной связи с теорией невозможно нормальное развитие прикладных направлений социальной психологии: социально-психологической диагностики, социально-психологического консультирования и помощи. Без фундаментальной теории неосуществимы и плодотворное исследование социально-психологических явлений в области политики, экономики, национальных отношений, управления, и развитие таких психологических отраслей, как политическая психология, этнопсихология, экономическая психология.

В первой части предлагаемого учебного пособия охарактеризовано состояние социально-психологической теории, проведена «инвентаризация» понятий, очерчен круг проблем, относящихся

к предмету социальной психологии, освещаются социально-психологические явления — причем не только в нормальных, но и в более сложных условиях и в разных сферах, предпринимается попытка профилировать социально-психологическую теорию в отношении криминогенных проблем.

Во второй части учебного пособия изложены основы прикладной социальной психологии, знание которых необходимо специалистам любой квалификации и уровня, в особенности тем, кто работает с людьми: экономисту, менеджеру, учителю, врачу, инженеру. Здесь представлены методики диагностирования, консультирования и воздействия на социально-психологические явления. Социальная ориентированность кадров — одно из условий успеха реформ, проводимых в России. Предлагаемое пособие отражает состояние социальной психологии при «дрейфе» нашего общества от тоталитаризма к нормальному устройству жизни. Естественно, что его автору, профессиональное сознание которого тоже претерпевает перестройку, не все социально-психологические явления, связи между ними, а также причины, их порождающие, удалось проанализировать достаточно глубоко и полно. Особенность пособия состоит в его практической направленности и его главное назначение в том, чтобы помочь читателю разобраться во всем многообразии психологических процессов в общественной жизни.

И последнее. Учебное пособие в отдельных случаях напоминает психологическую публицистику, что объясняется стремлением отказаться от академической манеры изложения, сложившейся в отечественной социальной психологии. Это не противоречит традиции мировой социальной психологии. Напротив, именно в таком стиле уже подготовлено и опубликовано немало книг по вопросам психологии.

Часть I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Раздел I. ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ, ЗНАЧЕНИЕ И МЕСТО ТЕОРИИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Глава I. ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Практически любой учебник по психологии начинается с расшифровки понятия «психология». При этом непременно указывается, что оно греческого происхождения и состоит из двух слов: *psyche* — душа и *logos* — учение. Что означает слово «учение», ясно, с понятием же «душа» дело обстоит гораздо сложнее. Есть масса его толкований. Материалисты рассматривают «душу» как психику. Что же касается идеалистического понимания души, то оно трактуется представителями этого направления в буквальном, божественном, теологическом смысле. Но такое понимание психологии, основанное на четком разграничении ее материалистической и идеалистической трактовок, осталось в прошлом.

Вновь, как и когда-то, встала во весь рост проблема души, духовности. Сегодня понятие «духовность» приобрело междисциплинарное и принципиальное значение. Сложилось несколько подходов к пониманию духовности:

- традиционно материалистическое понимание духовности;
- подмена материалистического понимания «души» идеалистическим, религиозным;
- использование религиозного опыта в психологической практике.

Наша позиция в данном случае состоит в отходе от вульгарного понимания связи психологии с религией, признании сложных отношений между ними и в то же время недопустимости подмены психологии религией. Связь между ними существует реально. Она должна быть признана полезной, но в определенных рамках, а не во всех без исключения случаях.

В. В. Знаков и А. В. Брушлинский правы, когда говорят о том, что «дух, душа, духовное, духовность и т.д. — это не надпсихическое». Если использовать традиционный подход к пониманию социальной психологии, то получается, что это учение о соци-

альной душе, или о психике. Таким образом, и здесь все понятно, за исключением слова «социальный». В данном случае нужно иметь в виду следующее. Любое социальное явление возникает в результате взаимодействия человека и человека, человека и общности, общности и общности. Именно в этом состоит природа социального.

Для объяснения природы социального взаимодействия созданы теории обмена, символического интеракционизма и др. Сущность первой состоит в том, что в процессе взаимодействия проявляется тенденция вознаграждения и затрат, обуславливающая ее устойчивость. Суть второй заключается в расшифровке значимого жеста, являющегося символом чего-либо.

В результате взаимодействия возникают социально-психологические явления, т.е. взаимодействие образует тот круг явлений, который в конечном счете составляет предмет социальной психологии. Известный отечественный ученый К. К. Платонов подчеркивал, что далеко не все профессиональные психологи понимают, чем отличается социальная психология от других отраслей. Говоря о специфике социальной психологии, он имел в виду те *эффекты* («плюс» или «минус»), т.е. *фасилитацию* (от англ. *facilitate* — облегчать, т.е. повышение продуктивности деятельности) или *ингибицию* (от лат. *inhibere* — сдерживать, останавливать, т.е. понижение продуктивности деятельности), *которые получают в результате взаимодействия*. Знания индивидуальных различий людей недостаточно для понимания сути социальной психологии. Сущность последней нашла широкое выражение в житейской психологии, народной мудрости, являющейся результатом многолетних наблюдений, поговорок, пословиц. Например: «На миру и смерть красна», «С кем поведешься, от того и наберешься», «Яблоко от яблони недалеко падает», «Как аукнется, так и откликнется», «Ум хорошо — два лучше», «Каков поп, таков и приход», «Рыба гниет с головы» и др. Глубокое постижение социально-психологических явлений продемонстрировали классики русской литературы А. П. Чехов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Но предмет социальной психологии был сформулирован далеко не сразу.

Процесс уточнения предмета происходил на всех этапах становления социальной психологии как науки:

— в период накопления социально-психологических знаний в сфере философии и общей психологии (VI в. до н.э. — середина XIX в.);

— в ходе выделения описательной социальной психологии из философии, социологии и общей психологии в самостоятельную область знания (50—60-е гг. XIX в. — 20-е гг. XX в.);

— во время оформления социальной психологии в науку как таковую со всеми присущими ей атрибутами (20-е гг. XX в.).

¹¹ Условной датой рождения социальной психологии считается 1908 г., когда одновременно вышли работы Мак-Даугалла и Росса, в названия которых был включен термин «социальная психология».

Процесс формулирования предмета социальной психологии можно рассматривать в хронологическом и концептуальном порядке. Впрочем, ретроспективный анализ процесса уточнения предмета социальной психологии целесообразнее производить в хронологико-концептуальном плане. Такой взгляд на предмет социальной психологии позволяет рассмотреть процесс его шлифовки во времени и в рамках различных научных школ.

Первоначально социальная психология не могла точно обозначить свой предмет. Одни авторы, считая ее отраслью социологии, ограничивали социальную психологию задачами дополнительной психологической интерпретации изучаемых социологами явлений. Другие полагали, что социальная психология является частью общей психологии, сведя ее назначение к привнесению социальных поправок в общепсихологическое знание. Третьи утверждали, что социальная психология — это промежуточное, связующее звено между социологией и общей психологией. Такое толкование предмета социальной психологии нашло отражение в ее положении среди других наук. В частности, в США секция социальной психологии входит как в Американскую социологическую ассоциацию, так и в Американскую психологическую ассоциацию. Подобная ситуация сложилась и в отечественной социальной психологии. Не случайно защита диссертаций по социологии и социальной психологии проходила в рамках одной и той же научной специальности. Все это говорит о том, что предмет социальной психологии однозначно до сих пор не определен.

¹² Признание факта, что социальная психология основывается, с одной стороны, на социологии, с другой — на общей психологии, никак не проясняет понимание ее предмета.

¹³ В зарубежной социальной психологии каждая научная школа старалась по-своему определить ее предмет, исходя из собственного понимания вопроса. Своеобразный подход к выделению основной проблематики социальной психологии проявили представители таких научных направлений, как психология народов и масс, теория инстинктов социального поведения и групповой динамики, социал-дарвинизм и бихевиоризм (от англ. *behaviour* — поведение как реакция организма на стимулы внешней среды), гештальтпсихология (от нем. *gestalt* — образ, форма; направление в психологии, рассматривающее психику с точки зрения целостных структур) и психоанализ, интеракционизм (от англ. *interaction* — взаимодействие; научная школа в социальной психологии) и когнитивизм, экзистенциальная психология (от лат. *existentia* — су-

ществование; одно из направлений гуманистической психологии, которое изучает проблемы смысла жизни) и транзактный анализ (одно из направлений социальной психологии — теория эго-состояний, под которыми понимаются три основных роли: «Родитель», «Ребенок» и «Взрослый» — и анализ «игр») и др.

В отечественной социальной психологии можно выделить несколько этапов, которые связаны с дискуссией о ее предмете. Наиболее остро эта дискуссия происходила в 20-е гг. XX в., в результате которой оформилось псевдонаучное понимание социальной психологии. Для судьбы отечественной социальной психологии особое значение имела точка зрения Г. И. Челпанова, предложившего разделить психологию на две части: социальную и собственно психологию. Социальная психология, по его мнению, должна разрабатываться в рамках марксизма, а собственно психология обязана оставаться эмпирической психологией. Не отрицая значения марксизма для социальной психологии, тем не менее нельзя его фетишизировать. В эти годы свое понимание предмета социальной психологии выразили представители коллективной реактологии (от лат. *re* — против, *actio* — действие и греч. *logos* — учение; направление в отечественной социальной психологии, которое имело место в начале XX в.) и рефлексологии (от лат. *reflexus* — отраженный и греч. *logos* — учение; направление в отечественной социальной психологии в начале XX в.). Так, предмет коллективной рефлексологии определялся следующим образом: «Изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ... проявляющих свою соборную соотносительную деятельность как целое благодаря взаимному общению друг с другом входящих в них индивидов».

В 50—60-е гг. XX в. вновь была развернута дискуссия о предмете социальной психологии. В то время имелись три подхода к решению этого вопроса. Представители первого понимали под социальной психологией науку о «массовидных явлениях психики», второго — видели в качестве основного ее предмета личность, третьего — пытались синтезировать два предыдущих, т. е. социальная психология рассматривалась ими как наука, изучающая и массовые психические процессы, и положение личности в группе.

Странно, но факт, что ни в одном опубликованном учебнике по социальной психологии нет определения ее предмета. Авторы, как правило, добросовестно перечисляли точки зрения других ученых на этот счет, но сами уходили от ответа на вопрос: что изучает социальная психология? Во многом это объяснялось тем, что социальные психологи в силу объективных причин не могли откровенно высказываться по поводу предмета своей науки. Над ними довлел партийно-классовый подход, который рассматривал исторический материализм (истмат) и политическую эконо-

мию в качестве ведущих наук в области изучения социальных явлений. Что же касалось социальной психологии, то она при рассмотрении многих вопросов строго следовала историческому материализму. Социальная психология обязана была «знать» свое место и конкретно заниматься изучением общественной психологии как явления менее значимого, чем идеология. Не случайно была опубликована брошюра под названием «Что изучает общественная психология?» Отдельные области социальной психологии превратились в своеобразный катехизис, мифологию. Это прежде всего касалось больших социальных групп. Социальная психология ограничивалась в основном изучением школьных коллективов. Выходить за рамки дозволенного было небезопасно, рискованно.

Ясно, что идеологический подход суживал, ограничивал предмет отечественной психологии, уводил ее в сторону от исследования социальных явлений, входящих на самом деле в сферу ее компетенции, и способствовал мутации теории.

В значительной степени затрудняло определение предмета социальной психологии то обстоятельство, что она долгое время развивалась как описательная наука в русле житейских представлений. Отсюда вместо четкого понятийного аппарата в социальной психологии сложился терминологический конгломерат на основе некритического заимствования из социологии, общей психологии и других наук. Все это затуманивает вопрос о предмете социальной психологии. Однако главная трудность в определении ее предмета связана с неоднозначным пониманием парадигмы, единицы анализа.

В психологии *под единицей анализа* подразумевается универсальное понятие, общая составляющая различных психических процессов. В общей психологии за единицу анализа берутся ощущение, образ и др. В социальной психологии к единице анализа относят различные явления: одни ученые — совместную деятельность, другие — общение, третьи — личность, и т. п.

Однако, как отмечалось, самым универсальным понятием считается «взаимодействие», в результате которого и образуются социально-психологические явления. По существу, они есть эффекты взаимодействия. И именно они выступают в качестве универсального понятия социальной психологии, единицы ее анализа.

Социально-психологические явления — это такие феномены, которые возникают в результате взаимодействия субъектов (индивидумов и общностей) в определенных условиях, отражают их в различных формах, выражают отношение к ним, побуждают и регулируют поведение людей, осуществляют обмен сообщениями и переживаниями, а также способствуют организации как социально полезной, так и преступной деятельности. В силу того, что природа социально-

психологических явлений двойственна (объективно-субъективная), они представляют собой специфические феномены.

К числу основных социально-психологических явлений относятся: общение, мнение и настроение, общность, стратификация, стереотип, конфликт, образ жизни и пр. Социально-психологические явления находят свое отражение в соответствующем понятийном аппарате, тезаурусе, феноменологии социальной психологии. Имеющиеся словари социально-психологических понятий устарели. Поэтому требуются издания, в которых бы отражались и содержательно сопоставлялись, в частности, базовые понятия европейской, американской и восточной социальной психологии.

Социально-психологические явления классифицируются по различным основаниям: содержанию, устойчивости и т. д.

По содержанию они бывают *нормальными* и *деформированными*. Следует отметить, что произвести их оценку весьма не просто. Критериями нормальных социально-психологических явлений выступают их позитивные, стабилизирующие влияния на состояние политики, экономики и общества, на жизнеощущения и деяния личностей. Что же касается деформированных социально-психологических явлений, то их отличия состоят в негативных, дестабилизирующих, дезорганизирующих влияниях. Это обстоятельство создает предпосылки для создания экстремальной социальной психологии. В зависимости от субъекта возникновения различаются следующие социально-психологические явления: межличностные, групповые, межгрупповые, массовидные. Выделяются осознаваемые и неосознаваемые социально-психологические явления.

По степени устойчивости социально-психологические явления подразделяются на *динамичные* (например, различные виды общения), *динамико-статичные* (например, мнения и настроения) и *статичные* (например, традиции, обычаи). Обычно в динамике и статике рассматривались только групповые явления. Эта традиция восходит к школе «групповой динамики» К. Левина. Между тем такие явления наблюдаются не только в рамках малых групп.

Д. Майерс выделяет американскую и европейскую социальную психологию, а также — развивающихся стран.

Отечественная социальная психология называлась по-разному: просто социальной психологией, общественной психологией, марксистской социальной психологией.

Марксистская социальная психология имеет право на существование, но не в качестве истины в последней инстанции. Ее рамки должны быть ограничены концептуальным полем. Поэтому можно сказать, что марксистская социальная психология — одна из версий отечественной социальной психологии, но не более

того. Есть гуманистическая, когнитивная социальная психология, есть социальный психоанализ и т. д. Свое место в этом ряду должна занять и марксистская социальная психология без претензий на монополию. Здесь содержится ряд правильных в методологическом отношении постановок вопросов о социальных конфликтах и пр.

Социальная психология имеет право называться наукой в том случае, если она обладает возможностью освещения закономерностей возникновения, развития и проявления социально-психологических явлений. Проблема закономерностей социально-психологических явлений связана с пониманием парадигм (основных теорий) социальной психологии.

В социальной психологии существуют различные, несоизмеримые между собой парадигмы, представленные разными психологическими школами (бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ и др.). В данном случае социально-психологические теории выполняют функции парадигм. Поэтому о закономерностях можно говорить, по существу, только в рамках какой-либо теории. Позитивистский подход объективизирует социально-психологическую теорию и позволяет вести речь о закономерностях социально-психологических явлений с научной, а не житейской точки зрения. В отечественной социальной психологии часть закономерностей основана лишь на умозрении. Полностью преодолеть этот недостаток пока не представляется возможным.

В настоящее время можно с полной уверенностью сказать о выявленных закономерностях в области социальной перцепции (от лат. *perceptio* — восприятие и *socialis* — общественный; восприятие людьми социальных явлений), т. е. при формировании различных общностей, создании общественного мнения, возникновении конфликтов и пр. Однако здесь больших успехов социальная психология пока не достигла, поскольку усилия социальных психологов долгое время были сфокусированы не на исследовании социально-психологических аспектов, относящихся к обществу, экономике, политике, а на решении второстепенных задач.

Поле деятельности социальной психологии старательно «отгораживалось» от явлений, связанных с большими и малыми конфликтами, законами «перевернутого мира», деформации. Эти законы деформации социально-психологических явлений, приобретающая все более уродливый и масштабный характер, оставались «запретной зоной», были недоступными для социальной психологии, что обедняло ее предмет. Нормальные социальные законы действуют лишь в истинно демократическом обществе, в тоталитарном государстве они не учитываются, ибо власть в нем не зависит от общественного мнения.

Впервые попытался сформулировать законы социальной психологии А. Г. Ковалев в «Курсе лекций по социальной психологии».

Однако его попытку нельзя в целом признать удачной, так как при этом были повторены законы исторического материализма: закон детерминации социально-психологических явлений (общественное бытие определяет общественное сознание) и др. В 1988 г. аналогичную попытку предприняли авторы «Теоретической и прикладной социальной психологии»*. Но их постигла та же участь. Дело в том, что при отсутствии достаточно большого массива эмпирических исследований определить закономерности социально-психологических явлений практически невозможно. Умозрительно законы не построить. Для этого нужны широкомащтабные исследования, в результате которых и в учебниках по социальной психологии появится возможность в качестве иллюстрации излагать статистический материал в виде графиков, диаграмм и таблиц, как, например, в учебнике по социологии Н. Смельзера.

Тем не менее анализ имеющихся данных позволяет сделать предварительный вывод о некоторых закономерностях социально-психологических явлений. Об общей социально-психологической теории говорить еще рано, так как ее каркас лишь возводится на основе разработки частных теорий (социальной перцепции, малых групп, функционирования общественного мнения, стратификации и пр.). Вместе с тем уже сейчас можно с большой долей вероятности утверждать, что законы в области социальной психологии имеют иерархический, субординационный, нелинейный и замкнутый характер, что социально-психологические явления относительно независимы (автономны) и к объяснению их природы подход типа «*S—R*» (стимул — реакция) неприемлем. При этом следует подчеркнуть, что *социально-психологические явления возникают и проявляются на разных уровнях* (макро-, среднем и микро-), *в разных сферах* (государства, экономики, общества, отдельной личности) *и условиях* (нормальных, осложненных и экстремальных).

Один из недостатков социальной психологии в том, что она пытается определить закономерности социально-психологических явлений независимо от уровня, сферы и условий их возникновения и проявления. Так, ею долго не учитывалось, что формирование общественного мнения в нормальных условиях подчиняется одним закономерностям, а в экстремальных — совершенно другим. Не принять во внимание это обстоятельство — значит совершить серьезную теоретическую ошибку.

В качестве основного механизма возникновения социально-психологических явлений выступает **общение**. В результате его формируется личность, образуются малые группы и психология более широких общностей, а также проис-

* См.: Теоретическая и прикладная социальная психология / Под ред. А. К. Уледова. — М., 1988. — С. 134—151.

ходят различной степени изменения. Если иметь в виду механизм возникновения и распространения социально-психологических явлений, то они подразделяются на *умышленно создаваемые* (слухи, преступные группировки и др.) и *стихийно возникающие и распространяющиеся* (мода и пр.).

Начиная с Г.Тарда и Т.Меде, к универсальным механизмам социально-психологических явлений относят: *подражание* — следование какому-либо примеру, образу; *внушение* — процесс воздействия, связанный со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации передаваемого содержания; *заражение* — процесс передачи эмоционального состояния от одного индивида к другому; *убеждение* — метод воздействия на сознание личности; *идентификацию* — процесс объединения, или, точнее, отождествления.

Именно эти механизмы лежат в основе социального научения и поведения. Яркое описание одного из механизмов социально-психологических явлений содержится в знаменитой сказке Х.Андерсена о голом короле. Эта сказка — пример конформизма, с помощью которого совершается массовый обман. Боязнь быть не «как все», получить наказание за несогласие с общим мнением сохраняет ложь и заставляет воспринимать ее как правду.

Таким образом, *предметом социальной психологии* является изучение закономерностей возникновения, функционирования и проявления социально-психологических явлений на макро-, среднем и микроуровне в различных сферах, в нормальных, осложненных и экстремальных условиях. Собственно говоря, это предмет только одной из частей социальной психологии, ее теоретической области.

Предмет прикладной социальной психологии складывается из закономерностей психодиагностики, консультирования и применения психотехнологий в сфере социально-психологических явлений.

В дальнейшем речь пойдет преимущественно лишь о социально-психологических явлениях, относящихся к компетенции социально-психологической теории.

Глава 2. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Социальная психология состоит из двух частей — *теории и практики*, в связи с чем выполняет соответствующие функции (теоретическую и практическую). Учебные курсы и учебники по социальной психологии обычно так и называются, хотя и не всегда имеют право на это. Они, по существу, отражают только основы социально-психологической теории. Учебников по прикладной социальной психологии в общепринятом смысле не было до выхода в свет таких работ, как «Введение в практическую социальную

психологию» (1996) и «Прикладная социальная психология» под редакцией А. Н. Сухова, А. А. Деркача (1998).

Между тем в зависимости от выполняемых функций курс и учебники «Социальная психология» следует подразделять на «Социально-психологическую теорию» и «Прикладную социальную психологию».

Социально-психологическую теорию нельзя представить без частных в различных сферах, т.е. без таких теоретико-прикладных дисциплин, как «Политическая психология», «Этнопсихология», «Психология управления», «Экономическая психология», «Экологическая психология» и др. Что же касается содержания прикладной социальной психологии, то ее «ядро» образуют социально-психологическая диагностика, консультирование, воздействие и психотехнологии в социальной практике. В этом случае социально-психологическая теория является как бы стволом дерева социальной психологии, а ее ветвями — соответственно перечисленные отрасли.

Главная задача социально-психологической теории состоит в ос­вещении основных характеристик социально-психологических явлений, объяснении причин и механизмов, построении прогнозов их развития, а также в научном раскрытии и обосновании существа приемов оказания социально-психологической помощи.

Структура социально-психологической теории включает следующие компоненты: методологию; феноменологию; закономерности и механизмы; теоретическое обоснование практики (методики применения различных воздействий или их совокупностей с точки зрения их эффективности). Западная социальная психология более свободна от методологии, вместо которой используется профессиональная «идеология».

Отечественная социальная психология имеет давние традиции, хотя и не всегда положительные, по взаимодействию с философией. В прошлом развитие социальной психологии тормозили чрезмерно крепкие «объятия» закостеневшей в своих догматах философии. Сейчас в области философии и социальной психологии ситуация кардинально изменилась.

Следует особо выделить принцип объективности, без соблюдения которого нельзя серьезно говорить о социальной психологии как науке. Он своими корнями уходит к позитивизму, сформулировавшему требования к процессу познания социальных явлений.

Однако в гуманитарных науках все большую популярность приобретает подход к социальным явлениям с позиций понимающей социологии и психологии. Как правильно подметил немецкий философ и историк культуры В. Дильтей, мало фиксировать социально-психологические явления, их нужно еще и «прочувствовать», для того чтобы познать. Социальной психологии необходимо сотрудничество с социальной философией и социологией.

В то же время ей не обойтись и без истории. То направление, которое развивал Б. Ф. Поршнев, должно занять подобающее место в социально-психологической теории*.

Социальную психологию невозможно представить без истории, точно так же, как нельзя понять и объяснить историю без социальной психологии.

Изучение любого социально-психологического явления (личности, общности, социальных институтов, в том числе политических, общественных и экономических) невозможно без учета влияния культурно-исторического контекста.

В России впервые подобный подход применил Л. С. Выготский, затем Б. Ф. Поршнев и др.

В. А. Шкуратов обосновал предмет исторической психологии**. По его мнению, в настоящее время в психологии наблюдается переход от естественно-научных парадигм к иным парадигмам (повествованию, сюжетному мышлению, рассказу). Вряд ли с этим полностью можно согласиться. Но исключать данный подход — значит обеднять социальную психологию.

Учет культурно-исторического контекста при изучении социально-психологических явлений важен в теоретико-методическом плане. Культура, ее элементы, а не что другое, имеют отношение к базовым социально-психологическим явлениям: ментальности, смыслу жизни, социальным ценностям, картинам мира и социальным чувствам.

В свою очередь, знание об историко-культурном развитии социально-психологических явлений позволяет объяснить современное состояние политических, общественных и экономических институтов.

Как уже отмечалось, в настоящее время проблемами власти, общества и экономики занимаются теоретико-прикладные отрасли социальной психологии: политическая, этническая и экономическая психология.

В то же время следует отметить, что предметы указанных отраслей социальной психологии определены нечетко. Данная аморфность связана с отсутствием концептуального подхода к определению предмета политической, этнической и экономической психологии. С точки зрения содержания в данное время эти отрасли представляют собой использование общих положений психологии. Есть достаточно абстрактные рассуждения о психологических аспектах политического лидерства и т. д. Но нет политической, экономической психологии России, т. е. конкретики.

В качестве концептуальной основы теоретико-прикладных отраслей социальной психологии, а именно политической, этни-

* См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. — М., 1979.

** См.: Шкуратов В. А. Историческая психология. — М., 1977.

ческой и экономической психологии (кстати, попутно следует подчеркнуть, что, к сожалению, изучением общественных институтов специально ни одна отрасль не занимается) должны стать современные парадигмы социальной психологии.

С этой точки зрения во главу угла должны быть поставлены культура и социально-психологические явления, связанные с нею.

Выделяют пять базовых определений культуры: как особой сферы и формы деятельности, связанной с мышлением и т.д.; как общего уровня развития общества; как суммы общественных достижений; как специфической системы норм, ценностей и смыслов, отличающей одно общество от другого, и как духовного измерения всякой деятельности.

К элементам культуры можно отнести устное народное творчество (фольклор, фразеологизмы), художественную литературу, живопись, музыку, театр, традиции, обычаи, религию и многое другое.

Презентация культуры происходит через следующие социально-психологические явления: ментальность, смыслы (смысл жизни, жизненные планы и цели), социальные ценности, мотивационная сфера, Я и когнитивные характеристики (картины мира, стереотипы, самооценка, самоотношение), понятие «Мы» и «Они», социально-психологическая компетентность, конфликты, социальные чувства и эмоции, характеристики общения (язык, стиль, диалектные особенности и т.п.).

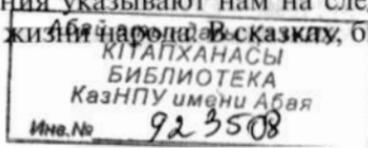
Между элементами культуры и социально-психологическими явлениями существует взаимосвязь, в отдельных случаях границы между ними практически отсутствуют.

История социальной психологии как науки началась с изучения мифов, обычаев, языков, т.е. психолого-исторических, этнопсихологических явлений, проведения кросскультурных, сравнительных исследований.

Но в дальнейшем увлечение позитивизмом без учета историко-культурного контекста при проведении исследования привело к кризису социальной психологии. Это проявилось и в теории, и на практике.

Данный урок должен предостеречь от ошибок в будущем. Впрочем, вряд ли. Удивительно, но история действительно ничему не учит.

Еще в 1880 г. М. Забылин — составитель книги «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» — писал: «Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас. Между тем археологические и этнографические исследования указывают нам на следы и остатки обычаев, обрядов и образа жизни народа». В сказку, были-

нах, повериях, песнях встречается очень много правды о родной старине, и в поэзии их передается весь народный характер века, с его обычаями и понятиями»*.

Объектом социального психоанализа является сфера бессознательного, но применительно к конкретным социальным субъектам: личности, группе, этносу, нации, народу, — на основе изучения «коллективного бессознательного» (К. Юнг) и «социально-бессознательного» (Э. Фромм). Сюда же относятся исследования структуры душевной жизни социума («психологии народной жизни», «души народа», «души России»). Социальный психоанализ в основном может быть использован в качестве методов интерпретации социально-психологических явлений.

Картина мира представляет собой сложное, многоуровневое образование, в которое наряду с научным, понятийным знанием входят и религиозный опыт, и виртуальные построения искусства, и идеологии, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного в духе К. Юнга**.

Картина мира характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности ее составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию.

В психологии исследование картины мира, в том числе и ее политического аспекта, интенсивно развивает психосемантический подход. В психосемантике реализуется парадигма конструктивизма, где картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которые создают единичный или коллективный субъект. В этом плане психосемантика стоит на позиции множественности возможных моделей мира, на идее плюрализма истины и, как следствие, на идее множественности путей развития отдельного индивида, общества, страны, всего человечества.

Дж. Келли ввел понятие «личностный (персональный) конструкт» как элемент этой конструктивной системы на уровне индивида — «имплицитной теории личности». Этот термин может быть расширен и применительно к общественному сознанию, впитавшему в себя личностные конструкты, которые стали достоянием культуры.

Феноменология должна включать как общую, так и частную теорию социально-психологических явлений, а именно: теорию социально-психологических явлений на микро-, среднем и макроуровнях. Что же касается взаимоотношений социальной психологии с ложно понимаемой идеологией, то первой следует оставаться нейтральной, последней же надо уступить место профессиональной этике социальных психологов.

* Забылин М. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1880. — С. 1—3.

** Юнг К. Архетип и символ. — М., 1991.

Вопрос об идеологизации не праздный. Можно говорить и спорить о содержании идеологии, но наивно полагать, что какое-либо общество и гуманитарная наука могут обойтись без идеологии. Еще недавно истмат беспепеляционно выступал в роли истинной теории. Именно это обстоятельство низводило социально-психологическую теорию до «полуфабриката», и всем социально-психологическим явлениям требовалась материалистическая доводка.

В США в 1990 г. национальной ассоциацией социальных работников принят этический кодекс, в котором изложены основные принципы их деятельности, в частности безупречное поведение и компетентность социального работника, его моральная ответственность перед клиентом, коллегами, работодателем, своей профессией и обществом.

В отечественной психологии также разработан и принят этический кодекс. Главное в данном случае заключается в том, что основополагающим принципом отечественной социальной психологии должен стать принцип гуманизма: обеспечение личностного роста, самоактуализации Я, приумножение общечеловеческих ценностей, т.е. критерием оценки теории и социально-психологической практики обязан быть тезис «Человек — мерило всех вещей». Однако при этом нельзя отрицать и сбрасывать со счетов роль политических, идеологических и экономических условий. Не стоит игнорировать и целый ряд положений, сформулированных К. Марксом и его последователями, относительно детерминант, определяющих сущность социально-психологических явлений. Вместе с тем, не подвергая сомнению принципиальную верность их утверждений о социальной детерминации, необходимо сказать и о том, что в качестве методологии отечественной социально-психологической теории более семидесяти лет выступала идеология, превратившаяся из когда-то живого учения в совокупность догм. В этой связи социальная психология как самостоятельная ветвь научного знания должна оперировать собственными понятиями, а не философскими.

Следствием псевдометодологии явилось искажение содержания и структуры социально-психологической теории. Так, вместо анализа реальной дифференциации общества изучалась только его классовая структура — рабочий класс, крестьянство и интеллигенция, а вместо исследования широчайшего спектра общностей — коллективы. В конечном счете это привело к тому, что общество, в котором мы живем, оказалось неизученным и осталось как «terra incognita».

Методология тесно связана с феноменологией (учением о социально-психологических явлениях как уникальном, целостном процессе). Воинствующая и односторонне разрабатывавшаяся методология привела к абсурдному разделению социальной психологии на буржуазную и марксистскую.

Ведь наука — не идеология. Она либо есть, либо ее нет. Поэтому следует говорить не о буржуазной и марксистской, а о зарубежной и отечественной социальной психологии. Идеологическое разъединение социальной психологии повлекло ограничения в области теории, создание деформированного и одновременно рафинированного, профильтрованного психологического тезауруса, содержание которого свелось к формуле: «У них все плохо — у нас все хорошо».

В настоящее время набирает силу критическая социальная психология, пытающаяся подвергнуть коррекции идеологизированный понятийный аппарат, превратить описательную социальную психологию в объяснительную, имеющую пусть развивающийся, но достаточно строгий понятийный аппарат, четко сформулированные задачи, которые она призвана решить, свою систему методов, продуманный порядок планирования и координации научных исследований.

Как ни парадоксально, но, несмотря на обилие в недалеком прошлом публикаций по методологическим проблемам, отечественная социально-психологическая теория оказалась в дистрофическом состоянии, на своеобразном голодном пайке. Длительное соревнование за идеологическую чистоту в исследованиях породило в отечественной социальной психологии монополизм отдельных школ и направлений, выразившийся в одностороннем взгляде на социально-психологические явления и на факторы, определявшие их основные характеристики.

Подобные академические теории оказались мертворожденными. Ни одна из них так и не «заработала» на практике. Однако немало представителей этих псевдотеорий бросились в социальную практику и, забыв про принципы своих школ, занялись бизнесом. Понятно, что такая трансформация не могла обернуться ни чем иным, как шарлатанством. Эклектика, основанная на механическом соединении различных теорий и практических приемов, дискредитирует социальную психологию как науку.

Таким образом, положение сейчас таково, что говорить об общей социально-психологической теории пока преждевременно. Она не имеет единой парадигмы. Ни одна из существующих социально-психологических теорий, если исходить из данного параметра, не может претендовать на этот статус.

Теории социальных институтов, организаций, групповой динамики, нейролингвистического программирования, психоаналитические, когнитивистские, бихевиористские, психосинтетические, интеракционистские, теория гештальтпсихологии и другие не являются универсальной объяснительной моделью. Они носят частный характер и теоретически обслуживают только определенный круг социально-психологических явлений. Причем теория теории — рознь.

Одни социально-психологические теории объясняют закономерности возникновения и протекания социально-психологических явлений, другие делают упор на раскрытии механизмов их взаимодействия, третьи обслуживают прикладные направления психологии: диагностику, консультирование и технику воздействия. Такое разделение сфер приложения этих теорий правомерно. Однако, к сожалению, факт специализации теории далеко не всегда учитывается, что приводит к курьезным последствиям.

Попытки придать какой-либо теории ранг общей, универсальной теории имели место как в отечественной, так и в зарубежной социальной психологии. В данном случае имеются в виду деятельностный, стратометрический подход (теория А. В. Петровского об общности, в основе которой лежат представления о ней как многоуровневом — стратометрическом — явлении), а также психоанализ и другие теории. Указанные теории обладают присущими им возможностями, в рамках которых они действуют, имеют свой конкретный объект приложения. Вне этих границ они превращаются в квазитеории, надуманные, искусственные конструкции, которые их создатели пытаются наложить на все без исключения социально-психологические явления и объяснить их. Если следовать этой логике, то в социальной психологии все очень просто: достаточно знать несколько расхожих положений, например, из области психоанализа или какой-либо другой модной теории, чтобы стать «профи» — социальным психологом-универсалом. С разрушением идеологических догм рухнули и «парадигмы», опиравшиеся на них.

Образовался вакуум, ничем не заполненная методологическая ниша. Сразу же увеличился поток переводной литературы. В результате теоретическая социальная психология по своему содержанию стала представлять конгломерат знаний. Глубоко продуманная интеграция всего ценного, которое, несомненно, есть в каждой из названных теорий, пока не проведена.

Если говорить о том ценном, что было накоплено благодаря своеобразной теоретической моде, то это в основном происходило путем выявления и научного освещения феноменологии на микроуровне. Почти не развивались теории социальных конфликтов, межэтнических отношений, психологии власти. Причем эмпирическая база для социально-психологической теории создавалась главным образом в стенах научных учреждений и учебных заведений, в частности, в результате изучения студентов.

По мере развертывания социально-психологической службы на предприятиях и в других сферах крепла и вставала на ноги прикладная социальная психология. Это нашло отражение в разделении кафедр социальной психологии Санкт-Петербургского университета на кафедры прикладной социальной психологии и со-

циально-психологической теории. Там же открылась и кафедра политической психологии. Факт разделения социальной психологии на теорию и практику способствовал и открытию в Российском педагогическом университете кафедры практической психологии.

В последнее время в области прикладных социально-психологических исследований наблюдается своеобразный бум. В России возникли многочисленные центры прикладных социально-психологических исследований: общественного мнения, международных конфликтов и других явлений. Однако дефицит теории обесценивает их практическое значение. *Прикладную функцию социальной психологии нельзя рассматривать в отрыве от теории.* Проводимые многочисленные опросы общественного мнения, не объединенные какой-либо теоретической конструкцией, мало продуктивны.

В социальной психологии сильны позитивистские традиции. Отличительной чертой западной социальной психологии является сугубо прагматическая направленность. Из отечественных социальных психологов гораздо «ближе к земле» находились представители Санкт-Петербургской школы, проводившие прикладные исследования, которые оказывали конкретную социально-психологическую помощь обществу.

С образованием Ассоциации практической психологии раздел между теоретиками и практикующими психологами (а позже и внутри последних) произошел уже не по территориальному, а по «цеховому» признаку. В связи с этим следует заметить, что отрицать значение эмпирических исследований, оказания психологической помощи нельзя. Однако без разработки хорошей теории ценность всего этого в значительной степени снижается. Здесь важную роль играют научные традиции, ориентации, культура.

Существенным образом возросло значение и теоретического обоснования прапсиологии (учения о практике, т.е. прикладной социальной психологии). Отсутствие солидной теоретической базы не только снижает эффективность социально-психологических диагностики, консультирования и воздействия, но и нередко дискредитирует их. Интерпретация данных не должна проводиться без учета теорий, которые лежат в основе использованных методик. В противном случае, а это бывает еще довольно часто, происходит подрыв авторитета социальной психологии.

Что же касается практики воздействия, то здесь наблюдается такая же пестрая картина, как и в социально-психологической теории, а если сказать односложно, то «всеядность». Стремясь наверстать упущенное время и возможности, социальные психологи спешно обучаются на курсах по овладению технологиями эриксоновского гипноза, нейролингвистического программирования, транзактного анализа, медитации, зомбирования и пр.

В основе повального увлечения прикладными направлениями лежит стремление быть на уровне мировых стандартов, а также нередко и склонность ко всему сенсационному, экстраординарному. Поэтому не случайно у нас немало социальных психологов не являются профессионалами и не работают в рамках какой-либо фундаментальной научной школы.

Малая продуктивность многих прикладных социально-психологических направлений, в частности групповой психотерапии, совершенно очевидна. Тем не менее психологические шоу пользуются успехом и приносят большой доход в отличие от занятий социально-психологической теорией. Но «болезнь роста» не должна дискредитировать прикладную социальную психологию. Бум, наблюдаемый сегодня, пройдет. Вместе с ним канет в Лету непрофессиональный и поверхностный подход, используемый в сугубо коммерческих целях. Гуманная сущность прикладной социальной психологии должна остаться. Гарантом этого могут выступить только профессиональная идеология и высокая общая культура специалистов-психологов.

Потребность в социально-психологической теории в последнее время возрастает и в связи с происходящими переменами в обществе, в сферах экономики, национальных отношениях, экологии и др. Все это сопровождается социально-психологическими изменениями: переоценкой ценностей, ломкой стереотипов, социальными стрессами, утратой смысла жизни, дегуманизацией отношений, сменой ролевого поведения, статуса, резкой дифференциацией общества, этнополитическими конфликтами. Несущая черты экстремальности ситуация в обществе, непривычное содержание и динамика идущих в нем процессов, глобальные перемены в жизни людей всесторонне захватывают их психику до самых глубинных ее основ. Коренной ломке подвергаются взаимоотношения в семье, малых и больших группах. Реальной стала проблема психического нездоровья общества. Используя средства массовой информации, происходит экспансия государства и общества, их различных институтов в область интимного, личного. Когнитивный диссонанс стал атрибутом многих слоев общества. Переход от социальных гарантий и программ в области трудовой занятости, образования, здравоохранения к личной ответственности сопровождается напряженностью. Далеко не каждый может адаптироваться к рыночным отношениям. Все это выдвигает перед социально-психологической теорией совершенно новые задачи, из которых основными являются:

— теоретическое осмысление места и роли человека в изменяющемся мире и выявление социально-психологических характеристик личности, наиболее распространенных ее типов в современных условиях в целях разработки приемлемой ее модели;

— исследование всего многообразия отношений и общения, в том числе их деформации в связи с утверждением в нашем социуме новой системы ценностей и изменениями в формах собственности;

— выработка социально-психологического взгляда на природу государства, политики, экономики и общества на основе объективного анализа социальных институтов и общностей, их реального значения для личности;

— разработка теорий социальных конфликтов (политических, межгосударственных, этнических, криминальных и пр.);

— выработка теоретических основ социально-политических диагностики, консультирования и оказания помощи (психогигиена, социальная реабилитация, психопрофилактика, групповая психотерапия, тренинги, обучение, психологическое просвещение, ролевые игры).

Наряду с необходимостью теоретического освещения названных проблем социально-психологическая наука не должна оставаться безучастной в решении проблем организованной и общеуголовной преступности. Разработка признаков и организация борьбы с преступностью невозможны без обращения к социально-психологической теории. Последняя помогает разобраться в механизмах индивидуального, группового и массового преступного поведения, анализировать конфликты и забастовки, а также устанавливать психологические контакты, доверительные отношения с различными категориями населения, вести переговоры по освобождению заложников, оказывать воздействие в целях пресечения массовых эксцессов. Социально-психологическая теория позволяет также совершенно по-иному взглянуть на природу института наказания и выявить его потенциальные социореабилитационные возможности.

Темы для обсуждения

1. Краткая история формулирования и уточнения предмета социальной психологии.
2. Необходимость определения круга современных проблем, изучаемых социально-психологической теорией.
3. Основные точки зрения на предмет социальной психологии.
4. Проблемы и задачи, стоящие перед современной социальной психологией.
5. Закономерности возникновения, развития и проявления основных социально-психологических явлений на разных уровнях, в различных сферах, в нормальных, осложненных и экстремальных условиях.
6. Переходный период развития социальной психологии. Смена парадигм.
7. Сущность и классификация социально-психологических явлений.
8. Соотношение теоретического и прикладного знания в современной социальной психологии.
9. Современные представления о предмете социальной психологии.

Рекомендуемая литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 2000.
- Артемов В. А. Введение в социальную психологию. — М., 1927.
- Битянова М. Р. Социальная психология. — М., 1994.
- Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. — М., 1923.
- Ковалев А. Г. Курс лекций по социальной психологии. — Л., 1967.
- Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. — Л., 1967.
- Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
- Парыгин Б. Д. Социальная психология. — СПб., 2000.
- Ручка А. А., Тангер В. В. Очерки истории социологической мысли. — Киев, 1992.
- Смелзер Н. Социология. — М., 1994.
- Сорокин Л. А. Социология: Общедоступный учебник. — М., 1994.
- Социальная психология. — Л., 1979.
- Социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 2002.
- Хрестоматия по социальной психологии. — М., 1994.
- Шибутани Т. Социальная психология. — М., 1969.
- Шихарев Л. Современная социальная психология. — М., 2000.

Раздел II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Глава 3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

3.1. Специфика социально-психологических теорий личности

В настоящее время сложился целый ряд подходов к пониманию личности: биологический, социологический, индивидуально-психологический, социально-психологический и др.

В соответствии с первым подходом развитие личности представляет собой развертывание генетической программы. По существу, это фатальный подход к личности, признание неизбежности судьбы человека.

С точки зрения социологического подхода личность представляет собой продукт культурно-исторического развития. В связи с этим уместно привести высказывание К.Маркса о том, что «личность не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, в своей действительности она есть совокупность общественных отношений».

Обоснованием данного подхода служит бихевиористская модель развития личности « $S - R$ », где S — стимул, а R — реакция. Основным недостаток данного подхода заключается в том, что при этом личность лишается активности, субъектности.

С точки зрения индивидуально-психологического подхода на развитие личности оказывают влияние такие особенности, как конституция, тип нервной системы и т.д.

Здесь важно различать близкие, но не тождественные понятия: «индивид», «человек», «личность».

Индивид — понятие, которое изучается в рамках психогенетики, психофизики, дифференциальной психологии и других отраслей науки. **Человек** — понятие биосоциальное. Оно шире и в психологическом, и в юридическом смысле понятия «личность». К. К. Платонов говорил, что «личность — это человек как носитель сознания».

На Западе отрасль психологии, которая занимается изучением личности, называется персонологией. Дело в том, что по-английски личность — это персона.

Этимология слова «личность» помогает разобраться в ее социально-психологической природе. В русском языке слово «личность» означает личину, т. е. маску. Это обстоятельство подчеркивает типическое в личности, что позволяет говорить о ней как о социотипе, архетипе.

Специфика социально-психологического подхода к пониманию личности заключается в следующем: он объясняет механизмы социализации личности, раскрывает ее социально-психологическую структуру, позволяет диагностировать данную структуру характеристик личности и влиять на это.

Социально-психологическая структура личности — это ментальность личности, ценностно-смысловая сфера, мотивационная сфера (направленность, жизненные цели, планы, жизненный путь), когнитивные характеристики (картины мира), Я-характеристики (Я-концепция, Я-образ, самоотношение, самооценка), локус контроля (от лат. *locus* — место; свойство личности, которое определяет понимание причин успеха или неуспеха, т. е. ответственности), социально-психологическая компетентность личности, статусно-ролевые характеристики личности, эмоциональные психические состояния и социальные чувства личности.

3.2. Характеристика социально-психологических теорий личности

Существуют различные социально-психологические теории личности. Выделяют американские, европейские, восточные, отечественные социально-психологические теории личности.

Из числа многих современных социально-психологических теорий личности можно выделить следующие: психодинамические теории личности, бихевиористские теории личности, когнитивные теории личности, гуманистические теории личности, ролевые теории личности, теорию А. Маслоу о самоактуализации Я, теории зеркального (Я-концепцию), экзистенциальные теории личности.

Более подробно содержание этих теорий излагается в книге А. Хьелла и Д. Зиглера «Теории личности» (1997).

Среди отечественных социально-психологических теорий личности можно выделить: теорию отношений В. Н. Мясищева, теорию установки Д. Н. Узнадзе, диспозиционную теорию личности, структуру личности К. К. Платонова, теорию интегральной индивидуальности.

Эти теории позволяют говорить о личности не только как об индивидуальном, но и типичном социально-психологическом явлении. В последнее время активно разрабатывается акмеологический подход к изучению личности (акме — вершина в развитии взрослого человека). Наибольший вклад в разработку данного понимания личности внесли такие психологи, как А. А. Бодалев, А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина и др.

Одним из важных направлений социально-психологического анализа типов личности, в частности поведения в обществе, является сравнение личности по параметру ее отношений к другим людям. Американский психолог А. Маслоу в своих работах о самоактуализации *Я* неоднократно подчеркивал, что один человек может относиться к другому человеку как к самому себе, а этот другой может воспринимать окружающих его людей так же, как он воспринимает вещи, и соответственно с ними обращаться.

Конкретизировав это утверждение А. Маслоу, американский ученый Э. Шостром назвал первый тип личности актуализатором, а второй — манипулятором. Исследуя психические свойства, которые проявляют как в деловом, так и в межличностном общении актуализаторы, с одной стороны, и манипуляторы — с другой, Э. Шостром обнаружил у первых честность и искренность во взаимоотношениях с людьми, устойчиво проявляемый к ним интерес, самостоятельность и открытость в выражении своей позиции, веру в себя и в тех, с кем они общаются. У вторых он нашел тщательно маскируемую фальшь при контактах с людьми, имитацию переживаний при фактическом равнодушии к этим людям, намеренную расчетливость в подборе средств воздействия на них и опять-таки тщательно скрываемый цинизм по отношению к основным ценностям жизни и культуры. Не отрицая существование в жизни социально-психологических типов личности, которые в одних ситуациях ведут себя как актуализаторы, а в других — как манипуляторы, Э. Шостром оценивает ярко выраженных актуализаторов как цельных, самобытных людей.

Манипуляторы, по его мнению, загоняют свою самобытность вглубь и повторяют, копируют, тиражируют чьи-то поведенческие модели.

Сравнивая между собой манипуляторов, взявших на вооружение такие модели, он выявил различия между ними, затрагивающие характерное для каждого из них отношение как к себе, так и к другим людям, а главное — форму выражения данного отношения в повседневном поведении. Исходя из этого Э. Шостром выделил восемь разновидностей манипуляторов, которые обозначил как: «диктатор», «тряпка», «калькулятор», «прилипала», «хулиган», «славный парень», «судья», «защитник».

Для первого, по наблюдениям Э. Шострома, в общении с людьми характерна откровенно силовая манера поведения, для второго — кажущаяся бесконечная игра в поддавки, для третьего — холодная расчетливость, для четвертого — имитация беззащитности и постоянной нужды в опеке, для пятого — терроризирование окружающих в своих интересах, для шестого — разыгрывание «своего в доску» человека, для седьмого — демонстрация по отношению к объектам манипуляции обвинительной позиции, для

восьмого — лицемерное разыгрывание роли их защитника, но опять же с целью получения желаемого от них.

Представляется, что произведенное Э. Шостромом описание основных характеристик актуализаторов и манипуляторов актуально и для нашей действительности. Выдающийся немецко-американский психолог Э. Фромм еще в 50-е гг. XX в. утверждал, что при нацеленности общества на рынок знание потребителя и манипулирование им становится первостепенной задачей момента. По его мнению, из манипулирования рынка логически вытекает желание манипулировать людьми. Это второе по значимости поле психологии и есть те самые человеческие отношения, о которых в связи с личностью идет речь в данной главе. Принадлежность каждого индивида к той или иной группе требует поведения, которое в обществе считается само собой разумеющимся, так сказать, социально нормальным для представителя данной группы — мужчины, учителя, мужа, отца и т. д. Демонстрируя такое поведение, человек постоянно выступает как носитель социальной роли или одновременно нескольких социальных ролей. Социолог И. С. Кон, конкретизируя это положение, писал: «Принадлежность индивида к группе выражается в определенных функциях (ролях), в которых фиксируются его обязанности и права по отношению к группе. Ожидания, определяющие общие контуры социальной роли, не зависят от сознания и поведения конкретного индивида: они даются ему как нечто внешнее, более или менее обязательное, и их субъектом является не индивид, а общество или какая-то конкретная социальная группа»*.

Ролью называется ожидаемое поведение, обусловленное статусом человека. Различаются социальные (безличные) и межличностные роли. Вместе с тем, взаимодействуя друг с другом в учении, труде, в быту и выполняя при этом различные роли, например учителя, банкира, следователя, матери, люди остаются личностями. Поэтому любая социальная роль не означает абсолютно одинаковой для всех поведенческих стереотипов при ее осуществлении. Она всегда оставляет для исполнителя возможность проявлять в ней свою индивидуальность. Вследствие этого социальные (безличные ролевые) отношения становятся межличностными, или, как их назвал В. Н. Мясищев, психологическими.

Результат воздействия на личность со стороны других людей (общностей) зависит не только от особенностей последних, но всегда и от того, какие отношения уже успела «нажить» эта личность, какие потребности, интересы, склонности у нее за этими отношениями стоят, а также как имеющимися у этих людей характеристиками они отвечают на эти потребности, интересы,

* Кон И. С. Социология личности. — М., 1967. — С. 23.

склонности личности. Именно этот последний параметр преимущественно определяет знак и величину субъективной значимости другого человека или общности для личности, результат их влияния на нее.

Понятно, что результат влияния названных факторов, оцениваемый по таким показателям, как характер (содержание), широта, глубина, устойчивость, действенность, не может быть единымобразным для всех людей. Если человек, с которым у личности постоянные контакты, или общность, в которую он входит, для нее положительно значимы и очень авторитетны, то, по исследованию Е. Б. Старовойтенко, они сильнее всего воздействуют на становление внутреннего плана жизнеотношений личности, на ее самодвижение и на появление в ней новых ценностных доминант. Влияние, исходящее от авторитетных и значимых для личности людей (общностей), инициируя в личности самоанализ и саморефлексию, побуждает ее видеть самое себя не только в настоящем, но и в будущем, выстраивать и осуществлять программы движения к этому будущему.

Приобретая в своем развитии большую или меньшую автономность и выходя на более высокий уровень социально-психологической зрелости, личность может перерастать те или иные общности, членом которых она до этого была, и осуществлять поиск общностей или создавать такие из них, которые своими характеристиками отвечали бы ее возросшим запросам.

Необходимо заметить, что в результате воздействия личности на личность или общности на личность не всегда происходит продвижение личности по прогрессивному пути развития. Ведь ее потребности, интересы и склонности могут носить и негативный характер, и тогда она испытывает тяготение к тем людям (общностям), о которых можно сказать, что они с этой личностью «одного поля ягоды».

Таким образом, отношения личности к воздействиям извне присущи избирательность и, как правило, активно нешаблонный характер познавательных, эмоциональных и поведенческих ответов на них. К. А. Абульханова-Славская, А. А. Деркач и Е. Б. Старовойтенко, разбираясь в этой сложной проблеме, выявили наиболее часто встречающиеся формы ответов личности на обращенные к ней из общества воздействия, когда она в условиях социального благоприятствования:

— осознанно и творчески активно реализует имеющиеся и создает новые возможности собственного развития и развития других людей;

— только стихийно и, так сказать, фотографически воспроизводит транслируемое ей из социума позитивное общественное содержание;

— оказывается неспособной воспринять их и усвоить.

Эти исследователи описали и другую группу ответов, когда личность в условиях социального неблагоприятия:

— занимает позицию «выше наличного», самостоятельно, осознанно ищет и находит, обращаясь к себе и другим, общественные средства высокого индивидуального развития;

— стихийно воспроизводит наличное общественное содержание, выступая его носителем и выразителем;

— осознанно принимает и утверждает негативные тенденции, активно вовлекая в их воспроизводство других людей;

— пытается им противостоять, но, не имея для этого достаточных общественных и индивидуальных средств, саморазрушается.

В связи с изложенным важнейшим аспектом социальной психологии личности, без освещения которого не понять существо этой психологии, выступает психологическое образование, получившее обозначение в науке как *Я*-концепция, или Зеркальное *Я*. Ведь понятно, что каждый человек не только отображает внешний по отношению к нему мир, дает на него всегда определенный эмоциональный отклик и проявляет себя в нем более или менее активно, совершая различной социальной значимости поступки. Вместе с этим он постоянно отображает в образно-понятийной форме и себя самого и так или иначе относится к себе, и все это выливается у него в действия, объектом которых сам оказывается.

Другими словами, у него всегда есть какая-то концепция о своем организме, о себе как о личности и, конечно, как о субъекте деятельности.

Содержание деятельности людей либо в целом, либо в отдельных ее компонентах, как правило, в разной степени адекватно свойственным им действительным характеристикам. Это в конечном счете обусловлено широким социально-культурным контекстом, в котором протекает их жизнь, обмен деятельностью между ними. При этом человек накапливает о себе запас впечатлений, которые помогают ему ответить на вопросы: кто он есть? почему он такой? чего он может и должен достичь и каким образом?

Более глубокое проникновение в *Я*-концепцию, имеющуюся у каждого человека, помимо обнаружения в ней *Я* реального (того, как человек отображает себя, относится к себе и обращается с собой), выявляет у него также наличие Идеального *Я* (каким бы он хотел стать, ориентируясь на моральные нормы), Динамического *Я* (каким он стремится и старается стать), Фантастического *Я* (каким бы он желал стать, если бы это оказалось возможным при особенно благоприятных условиях). Следует отметить, что люди очень сильно отличаются друг от друга «расстояниями», разделяющими их реальное, идеальное, динамическое и фантастическое *Я* (если сравнивать их по специфичности и выраженности различных качеств, составляющих их содержание). Впрочем, столь же сильно

они отличаются друг от друга степенью доминирования их *Я* над другими *Ты* и *Вы* в ситуациях взаимодействия и принятия совместных решений.

Рассматривая другие характеристики *Я* у человека, нельзя также не видеть, что у одних людей их *Я* обладает большей автономностью по отношению к воздействиям извне и большей способностью отстраняться от переживаний, которые у них возникают в ответ на эти воздействия. У других людей их *Я* плохо или совсем не дистанцируется от этих переживаний. В результате у первых всегда более ярко выступает способность к саморегуляции и самоконтролю своих поступков и действий в природной и социальной среде, а у вторых эта способность оказывается очень слабо развита и выражена. И это, конечно, обуславливает бóльшую способность у первых и, наоборот, бóльшую импульсивность этого поведения у вторых.

Психоанализ Зигмунда Фрейда (1856—1939). Зигмунд Фрейд, безусловно, оказал революционизирующее влияние на всю психотерапию и психиатрию: можно сказать, что он открыл новую эпоху в этих науках и оказал совершенно невероятное влияние на всю западную культуру.

З. Фрейд был последовательным детерминистом (от лат. *determinare* — определять; причинная обусловленность), он считал, что все в душевной жизни имеет свою причину, каждое душевное событие вызывается сознательным или бессознательным намерением и определяется предшествующими событиями. Главная заслуга Фрейда в том, что он впервые ввел в науку понятие бессознательного и создал методы работы с неосознаваемыми мотивами.

Он выделяет три сферы психического: сознание, предсознание и бессознательное. Именно в бессознательном находятся основные детерминанты личности, психической энергии, побуждения и инстинкты. Существуют два основных инстинкта: либидо, или стремление к сексуальному удовлетворению, и инстинкт агрессии и стремления к смерти. В структуре личности, по З. Фрейду, также существуют три основных компонента: *Оно* (Ид), *Я* (Эго) и *Сверх-Я* (Супер-Эго). Нет точного соотношения между уровнями сознания и компонентами личности, но что касается Ид, то эта основная, первоначальная и центральная часть личности почти целиком бессознательна. Она включает в себя психические формы, которые никогда не были сознательными, и те, которые оказались неприемлемыми для сознания и были вытеснены из него. Ид не знает ценностей, добра и зла, не знает морали. *Я* (Эго), с одной стороны, следует бессознательным инстинктам, а с другой — подчиняется требованиям реальности, эта часть личности отвечает за произвольное поведение, может контролировать и подавлять инстинкты, стремится к их ослаблению, вытеснению в область бессознательного или предсознания при любом современном направлении психотерапии.

Для того чтобы вытесненный материал не проник снова в сознание, *Я* использует разнообразные способы защиты, кратко охарактеризованные в предыдущей главе. З. Фрейд указывал в основном на такие формы защиты, как рационализация, сублимация, проекция и избегание.

Однако, несмотря на наличие защиты, вытесненные желания (в основном они связаны с сексуальными переживаниями) прорываются в сознание в форме сновидений, фантазий, «случайных» оговорок, неожиданных для самого себя действий и т.п. Подавленные мотивы продолжают действовать и существенным образом влияют на поведение человека. Более того, они усиливаются и уходят из-под контроля сознания.

Когда сильный, но подавленный мотив прорывается в сознание, человек, не выдерживая этого, может впасть в истерический припадок или повести себя каким-то другим невротическим образом.

По З. Фрейду, причины любого невроза кроются в вытесненных в область бессознательного воспоминаниях о той или иной травмирующей ситуации, связанной обычно с сексуальными чувствами, неприемлемыми с позиций моральных установок. Например, известны случаи истерии у девушек, связанные с сексуальными посягательствами со стороны отца.

Огромное значение З. Фрейд придает детским сексуальным переживаниям. Общеизвестен предложенный им комплекс Эдипа, основу которого составляет (у мальчиков) запретная любовь к собственной матери и ненависть к собственному отцу. В своем психосексуальном развитии человек проходит различные фазы развития, которые З. Фрейд подробно рассматривает в контексте формирования характера будущих психологических проблем индивида. «Застревание» на одной из этих фаз (оральной, анальной, фаллической и генитальной) может сохраняться в бессознательной форме и во взрослом состоянии. Во всех случаях невротических расстройств оказывается, что либидозная энергия «неверно» привязана (катектирована) к образу той или иной личности, идеи или вещи (сравните с моделью фрустрации, от лат. *frustratio* — разрушение планов, обман; психическое состояние, вызываемое трудностями, т.е. преградами на пути к достижению цели). Психоанализ помогает освободить неверно катектированную энергию, которая может быть использована более позитивно.

Психоанализ Карла Юнга (1875—1961). Главной идеей, предложенной К. Юнгом, можно считать идею существования наряду с индивидуальным бессознательным коллективного бессознательного, содержанием которого являются так называемые архетипы, т.е. некие общие формы мысленных представлений, наполняемые в ходе индивидуальной жизни личным эмоциональным и образным содержанием. Коллективное бессознательное существует, конечно, в голове каждого отдельного индивида, коллективное оно только потому, что является одним и тем же у многих людей и тем самым объединяет их в народы, нации и человечество в целом. Архетипами содержание коллективного бессознательного называется потому, что это идущие из древних времен формы психических реалий, отражаемые в мифологии того или иного народа, а также потому, что они носят достаточно обобщенный, абстрактный характер, конкретизирующийся в индивидуальной жизни человека. Например, архетип матери имеет некоторые обобщенные черты у данного народа, отличные от черт, приписываемых матери у других народов. Есть и более обобщенный архетип матери — один и тот же для всего человечества, в жизни индивида он наполняется конкретным эмоциональным и образным содержанием, связанным с взаимоотношениями с собственной матерью.

К. Юнг выделяет несколько основных (для понимания структуры личности) архетипов: Персона, Эго, Тень, Анима и Анимус, Самость.

Персона — это то, какими мы представляем себя миру, это характер, который мы принимаем; она включает наши социальные роли, одежду, которую мы предпочитаем носить, наш индивидуальный стиль выражения.

Эго — центр сознания, он создает ощущение последовательности и направления в нашей сознательной жизни.

Тень — центр личного бессознательного, фокус для материала, который был вытеснен из сознания; он включает тенденции, желания, воспоминания и переживания, которые отрицаются индивидуумом как несовместимые с его персоной или противоречащие социальным стандартам и идеалам.

Анима и Анимус — это идеальные бессознательные структуры, отражающие представление об образе женственности и, соответственно, мужественности. Все отношения с противоположным полом находятся под сильным влиянием этих архетипов.

Самость — центральный архетип, архетип порядка и целостности личности. По К. Юнгу, сознание и бессознательное не обязательно противостоят друг другу, они дополняют друг друга до целостности, которая и есть самость.

С точки зрения К. Юнга, архетипом является и знаменитый Эдипов комплекс, не случайно нашедший свое отражение в древней мифологии.

Другой известнейшей идеей К. Юнга было понятие об интроверсии и экстраверсии, характеризующей человека, чья энергия преимущественно направлена соответственно либо к внутреннему, либо к внешнему миру. Никто не является чистым интровертом или экстравертом, однако каждый индивидуум более склонен к одной из этих ориентаций.

Психоанализ Альфреда Адлера (1870—1937). Основные принципы А. Адлера — холизм (принцип целостности), единство индивидуального стиля жизни, социальный интерес или общественное чувство и направленность поведения на достижение цели. Адлер утверждал, что цели и ожидания больше влияют на поведение, чем прошлый опыт, он полагал, что каждый мотивирован прежде всего целью превосходства и овладения средой.

А. Адлер создал термин «комплекс неполноценности», он полагал, что все дети глубоко испытывают чувство неполноценности вследствие их малых физических размеров и недостатка сил и возможностей.

Чувство неполноценности вызывает стремление к превосходству, которое направляет помыслы и действия к «цели победы». А. Адлер подчеркивал важность в жизни человека агрессии и борьбы за власть. Однако агрессию он понимал не как стремление к уничтожению, а как сильную инициативу в преодолении препятствий.

Позже А. Адлер рассматривал агрессию и волю к власти как проявления более общего мотива — стремления к превосходству и самосовершенствованию, т. е. побуждения улучшать себя, развивать свои способности и свою потенциальность. Цель превосходства может быть как позитивной, так и негативной. Если она включает в себя общественные заботы и заинтересованность в благополучии других, то она развивается в конструктивном и здоровом направлении. Она принимает форму стремления к росту, к раз-

виту умений и способностей, к работе ради более совершенного способа жизни. Однако некоторые люди борются за личное превосходство, они пытаются господствовать над другими, унижать их, а не становиться полезными другим. По А. Адлеру, борьба за личное превосходство — это невротическое извращение, результат сильного чувства неполноценности и отсутствия социального интереса.

Самосовершенствование невозможно без формирования конкретных жизненных целей. Их формирование начинается в детстве как компенсация чувства неполноценности, небезопасности, неуверенности и беспомощности в мире взрослых. Например, многие врачи избрали эту профессию в детстве как средство справиться с ощущением небезопасности и страхом смерти. У невротика всегда имеется весьма значительное расхождение между сознательными целями и бессознательными, играющими роль защит, которые вращаются вокруг фантазий личного превосходства и самопочитания.

Каждый индивидуум выбирает свой жизненный стиль, т.е. уникальный способ следования своей жизненной цели. Кажущиеся независимыми друг от друга привычки и черты поведения получают свое значение в полном контексте жизни и целей индивидуума, так что психологические и эмоциональные проблемы не могут рассматриваться изолированно, они включены в общий стиль жизни. А. Адлер подчеркивал творческий, активный характер личности в формировании собственной жизни, а также социальный характер человеческого поведения. Он говорил о чувстве общности, ощущении родства со всем человечеством.

Одним из важнейших аспектов общественного чувства является развитие кооперативного поведения. А. Адлер полагал, что только посредством сотрудничества с другими мы можем преодолеть нашу действительную неполноценность или чувство неполноценности. Конструктивное стремление к совершенству плюс сильное общественное чувство и кооперация — основные черты здорового индивидуума.

Бихевиористский подход к пониманию личности. Слово «бихевиоризм» происходит от англ. *behaviour* — поведение. Бихевиоризм использует для объяснения поведения два основных понятия: «стимул» (*S*) и «реакция» (*R*), «сознание» и прочие субъективные понятия отрицаются. Бихевиоризм стремится иметь дело только с наблюдаемыми фактами. В этом смысле поведение, насколько бы оно ни было сложным, может быть исследовано, как и любой другой наблюдаемый феномен.

По Б. Скиннеру, личности как изолированной самости нет места в научном анализе поведения. Личность определяется им как сумма паттернов поведения. Паттерном поведения называется некоторая целостная совокупность поведенческих реакций.

Различные ситуации вызывают различные паттерны реакций. Каждая индивидуальная реакция основана исключительно на предыдущем опыте и генетической истории.

Если И. П. Павлов открыл механизм образования условных реакций при сочетании безусловного рефлекса с некоторым услов-

ным сигналом, то Б. Скиннер существенно расширил эту схему, предложив модель так называемого оперантного обусловливания. Упрощая, это принцип награждения за желаемые и наказания за нежелательные реакции.

Подкрепляющий стимул дается после получения желаемых реакций, что способствует их закреплению и повторению. Наказание (или негативный подкрепляющий стимул) уменьшает вероятность определенных реакций. Позитивные и негативные подкрепляющие стимулы регулируют поведение и управляют им.

Первичные подкрепители — прямые физические вознаграждения. Вторичные подкрепители — нейтральные стимулы, которые ассоциируются с первичными подкрепителями, так что сами начинают действовать как награды. Деньги или обещание денег — один из примеров вторичного подкрепления.

Автономный человек, свобода, достоинство, творчество, с точки зрения Б. Скиннера, только тонкие объяснительные фикции, также он отрицает спонтанность и источники поведения, лежащие вне жизненного опыта.

Б. Скиннера больше интересует управление поведением, чем его предсказание. Он считает, что «мы не можем принимать мудрые решения, если мы продолжаем притворяться, что человеческое поведение неуправляемо, или если мы отказываемся заниматься управлением, когда могут быть достигнуты ценные результаты. Такие меры перы только ослабляют нас, оставляя силу науки в руках других. Первый шаг к защите от тирании — это максимально возможное обнаружение техники управления...»

Понимание личности с позиции гуманистической психологии. Позитивные силы, направленные к здоровью и росту, естественным образом присущи организму. К. Роджерс полагает, что в каждом из нас есть стремление становиться компетентным и способным настолько, насколько это возможно для нас биологически, становиться целостным, полным, самоактуализирующимся человеком.

Решающую роль в жизни и развитии человека играет его представление о самом себе, его Я-концепция. Человек, по К. Роджерсу, склонен поступать в соответствии с тем, что он сам о себе думает, тем более что он не может судить о самом себе, каков он «на самом деле». Не существует объективного образа самого себя, который может быть использован в качестве эталона.

Однако есть актуальный жизненный опыт, который может противоречить сложившейся Я-концепции, и тогда возникает, по К. Роджерсу, неконгруэнтность (т. е. несоответствие, противоречие) между представлением о себе и актуальным опытом, которая может быть разрешена либо путем изменения поведения, ведущего к изменению актуального опыта, либо путем модификации представления о себе. К. Роджерс постулирует естественное стремление к разрешению этого внутреннего конфликта позитивным образом.

К. Роджерс убежден, что тенденция к здоровью усиливается благодаря межличностным отношениям, в которых один из участников достаточно свободен от неконгруэнтности, чтобы быть в соприкосновении со своим самокорректирующим центром. Принятие собственной самости — предпосылка к более подлинному и более легкому принятию других. С другой стороны, быть принятым другими — возможность с большей готовностью принять себя. Такой цикл самокорректировки и усиления себя — основной способ личностного роста.

А. Маслоу — один из основателей гуманистической психологии, всю свою работу связывал с проблемами личностного роста и развития. Он внес значительный теоретический и практический вклад в создание альтернативы бихевиоризму и психоанализу, фактически отрицавших творчество, любовь, альтруизм и другие великие ценности человечества.

А. Маслоу считал, что психоанализ З. Фрейда представляет нам больную часть психологии, которую надо дополнить ее здоровой частью. Центральным понятием для гуманистической психологии является самоактуализация.

А. Маслоу начал с изучения выдающихся людей, которые казались ему наиболее душевно здоровыми и творческими. В этот список попали А. Линкольн, Т. Джефферсон, А. Эйнштейн, Ф. Рузвельт, А. Швейцер и др.

А. Маслоу называет следующие характеристики самоактуализирующихся людей: более эффективное восприятие реальности и более комфортное отношение к ней; принятие себя, других, природы; спонтанность, простота, естественность; центрированность на задаче (в отличие от центрированности на себе); некоторая отъединенность и потребность в уединении; автономия, независимость от культуры и среды; постоянная свежесть оценки; межличностность и опыт высших состояний; чувство сопричастности, единение с другими; более глубокие межличностные отношения; демократическая структура характера; различение средств и целей, добра и зла; философское невраждебное чувство юмора; самоактуализирующееся творчество; сопротивление аккультурации (т.е. культурным изменениям) — транспортирование (навязывание) любой частной культуры.

А. Маслоу отмечал, что самоактуализирующиеся личности отнюдь не совершенны, они тоже могут испытывать досаду, раздражение, быть вздорными, эгоцентричными, злыми или переживать депрессию.

Самоактуализация — это не отсутствие проблем, а движение от проблем кажущихся и простых к проблемам реальным и сложным.

А. Маслоу описывает восемь путей, которыми индивидум может самоактуализироваться:

- 1) самоактуализация — это полное, живое и беззаветное переживание с повышенным сознаванием и интересом;
- 2) самоактуализация — значит в каждом жизненном выборе решать в пользу личного роста, даже если это связано с риском, прежде всего с риском оказаться в неизвестном;
- 3) актуализироваться — значит становиться реальным, существовать фактически, а не только в потенциальности;
- 4) честность и принятие ответственности за свои действия — существенные моменты самоактуализации; ответы надо искать внутри себя;
- 5) развитие способности «лучшего жизненного выбора», мы научаемся верить своим суждениям и интуиции и действовать в соответствии с ними;
- 6) самоактуализация — процесс развития своих потенциальных возможностей;
- 7) для самоактуализации характерны «пик переживания», когда мы наиболее интегрированы, больше сознаем мир и себя, думаем, действуем и чувствуем наиболее ясно и точно;
- 8) самоактуализация — это обнаружение своих «защит» и работа по отказу от них.

Другой кардинальной идеей А. Маслоу была концепция иерархии фундаментальных потребностей, которые развиваются от низших к высшим. Это физиологические потребности (пища, вода, сон и т.п.), потребность в безопасности, потребность в любви и принадлежности, потребность в уважении, потребность в самоактуализации.

Понимание личности с точки зрения транзакционного анализа.

Э. Бёрн постулирует три возможных состояния *Я* человека — это состояние Родителя, Взрослого и Ребенка. Человек в процессе взаимодействия (транзакции) с другим в каждый момент времени обнаруживает одно из этих состояний. Пояснить это можно так:

1) у каждого человека были родители, и каждый независимо от возраста хранит в себе набор состояний *Я*, повторяющих состояния *Я* его родителей (как он их воспринимал);

2) все люди (не исключая детей) способны на объективную переработку информации при условии, что активизированы соответствующие состояния их *Я*. На обыденном языке это звучит так: «В каждом человеке есть Взрослый»;

3) любой человек был раньше ребенком, поэтому он несет в себе впечатления прежних лет, которые при определенных условиях могут активизироваться. Можно сказать, что каждый таит в себе маленького мальчика или девочку.

Транзакцией называется единица общения, которая может быть транзакционным стимулом (обращение к другому человеку) или транзакционной реакцией (ответом на это обращение). При анализе транзакций используются специальные диаграммы взаимо-

действий*. Э. Бёрн утверждает, что большинство людей в своей жизни в основном занимаются играми, очень мало времени посвящая подлинной жизни, искренней человеческой близости, дающей истинное удовлетворение.

Как правило, игра усваивается в детстве, и в дальнейшем человек не осознает подлинных причин своего поведения, действуя по заранее заданной схеме. Главной неосознаваемой целью игры является пребывание в том или ином состоянии *Я*, которое приносит внутреннее удовлетворение, иногда «патологическое».

Например, взрослый, привыкший в детстве получать внимание от собственной матери в форме критики и наказаний, может и во взрослом состоянии «как бы нечаянно» совершать поступки, вызывающие гнев со стороны женщины (это может быть жена, начальница на работе и т. д.), что будет приносить ему неосознаваемое удовлетворение от переживания своего детского состояния, оказанного ему пусть негативного внимания и испытываемого при этом чувства вины.

Э. Бёрн составил целую картотеку подобных игр, которые часто повторяются в психотерапевтической практике. В качестве примера можно привести описание игры «Если бы не ты», довольно типичной для супружеских отношений:

«...Миссис Уайт жаловалась на то, что ее муж всегда очень строго ограничивал ее светскую жизнь, поэтому она так и не научилась танцевать. После того как она прошла курс лечения у психотерапевта, что повлияло на ее установку, ее муж стал чувствовать себя менее уверенно и стал больше ей разрешать».

Миссис Уайт могла теперь расширить поле своей деятельности и записалась на уроки танцев. И вдруг она обнаружила, к своему ужасу, что смертельно боится танцевать на глазах у людей, и ей пришлось отказаться от своей затеи.

Это неприятное происшествие, так же как и целый ряд ему подобных, пролило свет на некоторые особенности брака миссис Уайт. Из всех своих поклонников она выбрала в мужа *самого деспотичного претендента*. Это в дальнейшем дало ей возможность сетовать на то, что она могла бы заниматься различными делами, «если бы не он». У многих ее подруг мужа тоже были деспотичными, так что, собираясь за чашечкой кофе, они подолгу играли в «Если бы не он».

Однако вопреки ее жалобам выяснилось, что на самом деле муж оказывал ей большую услугу, запрещая делать то, чего она *сама очень боялась*. Более того, он фактически даже не давал ей возможности догадаться о своем страхе. Это, наверное, и была одна из причин, по которой ее Ребенок весьма прозорливо выбрал такого мужа...»

* См.: Бёрн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. — Л., 1992.

Таким образом, миссис Уайт занимается игрой, подлинные причины которой (избегание пугающих ее ситуаций) не осознаются. Игра предполагает наличие двух ролей: мужа-тирана и подавляемой им жены.

Для того чтобы выйти на свою проблему и решить ее, необходимо отказаться от игры, игра создана как средство избегания проблемы.

Понимание личности в рамках экзистенциальной психологии. Экзистенциализм — одно из интереснейших и глубоких направлений западной философии. Впервые термин «экзистенция» («существование», «сущность») был употреблен С. Кьеркегором (1813—1855), труды которого легли в основу этой философии. Другим источником экзистенциализма считается феноменология Гуссерля. Крупнейшими философами-экзистенциалистами являются Ж. П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс, М. Хайдеггер и др. Объектом исследования экзистенциалистов является человек как субъект и его субъективное переживание своего существования. Естественно, что психология и психотерапия XX в. не могли не подвергнуться воздействию этого учения.

Представителями экзистенциальной психологии можно считать В. Дильтея, Э. Фромма, В. Франкла и др. Ф. Перлз считает гештальттерапию ветвью экзистенциальной психотерапии.

Покажем основные черты экзистенциальной психотерапии на примере психотерапии крупнейшего ее представителя В. Франкла. Основным сугубо человеческим стремлением, по В. Франклу, является стремление обрести смысл своего существования, и человек ощущает фрустрацию, или экзистенциальный вакуум, если это стремление остается нереализованным.

Не человек ставит вопрос о смысле жизни — сама жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится постоянно отвечать на него не словами, а действиями. Этот смысл в принципе доступен любому человеку, независимо от пола, возраста, интеллекта, характера, среды и религиозных убеждений. Этот смысл всегда уникален, ему нельзя научить, но человек может его создать и несет ответственность за осуществление своего уникального смысла жизни. Причем человек свободен найти и реализовать смысл жизни всегда, смысл жизни может быть найден при любых обстоятельствах.

В поисках смысла жизни человека направляет его совесть, совесть — это орган смысла. Этот феномен, эту способность В. Франкл называет самотрансценденцией человека. Этот смысл человек находит вне себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Чувство найденного смысла жизни дает человеку огромные душевные силы для преодоления жизненных трудностей. В. Франкл,

сам прошедший Освенцим и Дахау, утверждает, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать.

Наоборот, отсутствие смысла жизни, так сказать экзистенциальный вакуум, ведет к развитию невроза, делает человека беспомощным перед лицом трудностей. В. Франкл пишет о том, что 90 % алкоголиков и 100 % наркоманов страдают ощущением утраты смысла жизни. Также он считает, что агрессивные импульсы разрастаются прежде всего там, где налицо экзистенциальный вакуум.

Нормальное чувство счастья, по В. Франклу, представляет собой скорее просто сопутствующее явление, сопровождающее достижение цели, следование смыслу жизни. Когда же у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он может попытаться добиться его «в обход», например с помощью химических препаратов (алкоголь, наркотики), стремления к сексуальным и другим наслаждениям. Однако чем более человек стремится к наслаждению и счастью, тем больше оно от него ускользает и требует все большей искусственной и изощренной стимуляции. Таким образом, обращение на себя, свои удовольствия, т. е. рефлексия, имеющая целью личное счастье, ведет к потере этого счастья.

Восточно-психологические теории личности. В настоящее время усиливается интерес к изучению восточно-психологических теорий личности. Данное обстоятельство прежде всего связано с террористическими актами, произошедшими 11 сентября в США. Поразному объясняют данное событие. В известной мере, по мнению ряда экспертов, они объясняются наличием конфликта между Западной и Восточной культурами. Как бы там ни было, но существует настоятельная необходимость в изучении восточной психологии. Дело в том, что ментальность восточных людей во многом определяется влиянием восточной философии, культуры и религии. В некоторых случаях исламские движения носят экстремистский характер. Поэтому нужно знать данные психологические особенности, чтобы успешно бороться с мировым терроризмом. Но дело не только в этом. Социальная психология россиян как бы двойственна. Она впитала в себя влияние и Европы, и Востока. И с этой точки зрения знания о восточной психологии крайне ценны, потому что помогают понять психологию российского менталитета.

Медитация (от лат. *meditatio* — размышление) — это метод работы со своей психикой, пришедший к нам из восточных систем совершенствования человека: йоги и буддизма. Как таковая отдельно медитативная психотерапия обычно не выделяется, метод медитации используется в рамках той или иной психотерапевтической системы.

Однако значение этого метода столь велико, различных техник медитации так много, что можно говорить о существовании отдельного медитативного направления психотерапии.

Чрезвычайно легко и в то же время трудно дать определение медитации, легко — потому что таких определений множество, трудно — потому что все они не отражают этого понятия в его полноте.

Яснее оно может стать после сравнения его с другими базовыми понятиями психотерапии: деятельностью и общением. Если *деятельность* — это всегда взаимодействие субъекта с объектом, где всегда вся активность (познающая, использующая, преобразующая и т.д.) принадлежит субъекту, то в случае *общения* происходит взаимодействие субъекта с равноправным ему субъектом и активность в равной мере принадлежит обоим сторонам. В случае же медитации нет второй стороны, нет деятельности и нет общения, субъект не рефлексирует, беседуя с самим собой, он просто становится собой.

Мы часто занимаемся медитацией, хотя сами себе не отдаем отчет в этом. Когда мы задумываемся, уходим в себя, то в этом неопределенном состоянии вдруг приходит неожиданный, совершенно новый ответ на нашу проблему — происходит инсайт (озарение, просветление), всегда сопровождаемый яркой эмоциональной реакцией: радостной улыбкой, восклицаниями и т.д. Так Архимед вскричал: «Эврика!»

В восточной практике также считается, что медитация ведет к озарению, просветлению, интуитивно — к мгновенному постижению, т.е. к развитию и инсайту. Во время медитации происходит развитие самого субъекта как «инструмента» познания, благодаря чему достигается новое, более совершенное знание, недостижимое прежними средствами познания.

В чань-буддизме процесс медитации осуществляется при сосредоточении сознания, лишённого каких-либо образов или идей (мыслей), в одной точке, которое сочетается с максимальной релаксацией и стабилизацией состояния, снятием психического напряжения и достижением предельно уравновешенного состояния.

Сосредоточенность сознания в данном случае вовсе не означает, что его нужно жестко фиксировать на определенном объекте. В дальнейшем медитирующий должен выработать в себе способность к несознательной концентрации внимания, когда сознание свободно движется от одного объекта к другому, течет, как вода, не задерживаясь ни на одном объекте и вместе с тем отражая его с максимальной адекватностью.

Медитация — это такое состояние сознания, когда все духовные силы находятся в равновесии, так что ни одна мысль, ни одна склонность не может доминировать над другими. Это можно

сравнить с тем, как на бурлящем море выливают масло: волны больше не режут, пена не кипит, брызги не летят — остается лишь гладкое блестящее зеркало. И именно в этом совершенном зеркале сознания мириады отражений появляются и исчезают, никак не нарушая его спокойствия.

Темы для обсуждения

1. Обзор основных социально-психологических теорий личности в США, Европе и на Востоке.
2. Традиции в исследованиях личности в отечественной социальной психологии.
3. Понятия «роль», «статус» и «позиция» личности. Я-концепция, Я-образ. Теория А. Маслоу об актуализации личности.
4. Подход к изучению личности с позиции когнитивизма, гуманистической психологии, гештальтпсихологии, экзистенциализма.

Рекомендуемая литература

- Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического анализа. — М., 1988.
- Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. — М., 1994.
- Кон И. С. Социология личности. — М., 1967.
- Майерс Д. Социальная психология. — СПб., 1997.
- Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М., 1994.
- Смелзер Н. Социология. — М., 1994.
- Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
- Современная психология. — М., 1999.
- Социальная психология личности. — М., 1974.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. — М., 1990.
- Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. — СПб., 1997.

Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

4.1. Понятие, стадии, институты и механизмы социализации личности

Известна история семьи старообрядцев Лыковых, которые долгое время одни жили в глухой тайге. Встреча с людьми обернулась для этой семьи трагедией.

Другой пример. С 1913 г. в одном из уругвайских департаментов изолировано от влияния цивилизации проживает секта русских староверов. В деревне нет ни радио, ни телефона, ни телевизора, несмотря на то что в находящихся рядом населенных пунктах это все есть.

В основе приведенных случаев лежит нарушение того, что в психологической литературе называют *социализацией*. Было время, когда этот термин признавали не все социальные психологи. Теперь он узаконен, хотя расхождения в его понимании остались.

Социализация, согласно наиболее распространенному определению, это аккумулятивное индивидом на протяжении жизни социальных ролей, норм и ценностей того общества, к которому он принадлежит.

Разработка теории социализации личности связана с такими учеными, как Г. Тард, Т. Парсонс и др. В частности, Г. Тард в основу своей теории положил принцип подражания, а отношения «учитель — ученик» провозгласил моделью социального поведения, т. е. социализации. Собственно, так оно и есть. Имитация составляет сущность обучения социальным ролям. В работах Т. Парсонса процесс социализации объясняется несколько иначе. Он полагал, что индивид в процессе общения со значимыми для него ценностями вбирает в себя общие из них. Однако, если пренебречь нюансами, то можно сделать вывод, что в основе теорий социализации лежат классическая формула бихевиоризма «*S—R*» и теория Л. С. Выготского об интериоризации (от лат. *interior* — внутренний; формирование внутренних структур психики) внешнего опыта, его культурно-историческая концепция.

В отечественной социальной психологии существует узкое и широкое толкование социализации. Такой подход к ее пониманию предложен Б. Д. Парыгиным. Социализация в узком смысле — это процесс вхождения в социальную среду, приспособления к ней, в широком — исторический процесс, филогенез.

Наряду с понятием «социализация» есть и другие, довольно близкие с ним по значению, например «воспитание» и «адаптация».

Профессор Г. М. Андреева полагает, что, по существу, между понятиями «социализация» и «воспитание» нет различий. При этом под воспитанием понимается целенаправленное воздействие на личность всего общества. Но даже и такая трактовка воспитания не дает оснований ставить знак равенства между этими явлениями. Социализация в любом случае шире воспитания. Это во многом стихийный процесс и не всегда осознаваемый.

Понятия «социализация» и «адаптация» тесно связаны. Адаптация приспособления может рассматриваться и как составная часть социализации, и как ее механизм. Различают два вида адаптации: психофизиологическую и социально-психологическую — находящиеся во взаимосвязи. *Социально-психологическая адаптация* представляет собой овладение личностью роли при вхождении в новую социальную ситуацию. По своим результатам социально-психологическая адаптация бывает позитивной и негативной, а по механизму осуществления — добровольной и принудительной. Процесс социально-психологической адаптации распадается на

несколько стадий: ознакомление, ролевая ориентация и самоутверждение.

Таким образом, социально-психологическая адаптация — это конкретный процесс социализации.

Согласно сложившейся традиции, социализация имеет следующую структуру: *содержание* (с этой точки зрения о социализации и асоциализации говорят как о приспособлении к негативному опыту) и *широту*, т.е. количество сфер, в которых смогла приспособиться личность. Выделяют также и такие характеристики социализации, как ее механизм, социальные институты, факторы и стадии.

При рассмотрении содержания социализации важное значение имеет определение того, что предлагается личности в качестве социального и культурного «меню», какие картины мира, установки, стереотипы, ценности формируются у индивида в процессе социализации.

Кроме этого, большую роль играет и *локус контроля*. Существуют два крайних типа данного понятия, предложенного американским психологом Д. Роттером: *интернальный* и *экстернальный*. В первом случае человек убежден, что результаты его деятельности зависят от личных качеств: компетентности, целеустремленности, интеллектуальных способностей, во втором — считает, что его успехи (неудачи) обусловлены действием внешних сил: помощи или давления окружения и т.п. Лocus контроля является особой личностной характеристикой, в зависимости от которой индивиды делятся на тех, кто более чувствителен к внешним воздействиям, и тех, чье поведение определяется внутренней стратегией. В итоге человек может воспринимать социальное безобразие как нормальное явление и быть вполне адаптированным к нему, и наоборот. Поэтому оценивать содержание социализации следует не с позиции приспособленности личности к конкретным условиям (в конце концов, можно к чему угодно привыкнуть), а с точки зрения мировых стандартов, цивилизации и культуры, общечеловеческого образа и стиля жизни.

Содержание социализации — не прямой результат того, что человек видит и слышит. Ведь он видит одно, слышит другое, говорит третье, думает четвертое. Содержание социализации определяется, с одной стороны, всей совокупностью социальных влияний (политических программ и доктрин, средств массовой информации, культуры), с другой — отношением индивида ко всему этому. Причем эти отношения зависят не только от особенностей самой личности, но и от социальной ситуации, в которой она оказывается: материальных условий или, скажем, соображений, связанных с карьерой. Поэтому человек может лишь внешне демонстрировать законопослушание, лояльность к политическим и правовым институтам, зная, что в области политики существу-

ют двойные стандарты, а за отклонение от правил игры, предписываемых норм придется «платить». Иными словами, о содержании социализации нельзя судить только по вербальному поведению.

Содержание социализации личности, по мнению Т. Шибутани, проявляется в шаблонах поведения, привычках, формировании общих значений, т. е. взглядов.

Наиболее ярко содержание социализации в особенностях национальной психологии: этностереотипах, эмоциональных оценках. При экспансии определенных культур эти различия стираются, однако видеть в такой унификации только одно благо неверно. Цивилизация выигрывает от культурных различий. Человечество должно освобождаться от варварского образа жизни, приобщаться к цивилизации, но не за счет утраты национальных культур. Современная тенденция — интеграция человечества в различных отношениях. Большую роль в этом играет процесс социализации личности, расширение ее содержания через приобщение к мировым социальным институтам.

Истинный смысл цивилизации заключается в актуализации Я, раскрытии потенциалов личности, ее возможностей, креативной природы, что может быть только при настоящей демократии. В тоталитарном государстве все обстоит совершенно иначе. В этих условиях, по мнению Э. Фромма, наблюдаются такие способы социализации, как мазохизм, садизм, деструкция и конформизм.

Мазохизм — стремление к подчинению, отказ от Я, слияние его с кем-нибудь или чем-нибудь, иначе говоря, это бегство от одиночества, свободы.

Социализация в виде садизма осуществляется путем постановки других людей в зависимое положение от себя и приобретения над ними неограниченной власти, эксплуатации других, запугивания окружающих.

Деструкция — один из способов социализации, заключающийся в избавлении человека от чувства собственного бессилия посредством разрушения окружающего мира. Как считал Э. Фромм, разрушить мир является для человека последней, отчаянной попыткой в их противоборстве.

Конформизм (от лат. *conformis* — подобный) в его крайнем выражении означает отказ от собственного Я и превращение человека в робота, т. е. подмена подлинной личности псевдоличностью.

В результате жесткой социализации в условиях тоталитарного общества формируется «одномерный» («массовый») человек («человек организации»), «извне ориентированная личность» («автоматически ориентированная личность», «автоматически конформная личность»).

Автором данной концепции является Г. Маркузе (1898 — 1979). Одномерному человеку свойственны: некритическое отношение

к действительности, к поведенческим и пропагандистским стереотипам, отсутствие индивидуальности, манипуляция, консерватизм, искаженное видение мира (сугубо потребительская ориентация, унификация Я).

Всесторонний и глубокий анализ проблемы, связанной с содержанием социализации, показывает, что сегодня ни в функционировании государственной системы массовой коммуникации, ни в действиях педагогического корпуса всех звеньев системы образования, ни в просветительской деятельности различных общественных организаций и социальных институтов не просматриваются глубоко продуманные, целенаправленные и хорошо скоординированные попытки реализации убеждения, что главный итог социализации: усвоение того, что человек — это высшая ценность.

Столь же определенно можно утверждать, что во всех общественно-государственных институтах, призванных формировать объективную картину мира, нет четкой программы, осуществление которой вооружало бы людей действительно системой научных знаний о человеке. Тем не менее если в структуре отношений личности окажется доминирующим гуманистическое по характеру отношение, то ему будут подчинены и все другие отношения этой личности.

Естественно, реализовать эту цель в теперешней социальной ситуации чрезвычайно трудно.

Личность усваивает социальный опыт посредством определенных механизмов. Со времен Г. Тарда по этому поводу практически нет разногласий среди социальных психологов. *Механизм социализации* включает в себя имитацию (подражание); идентификацию, руководство.

Однако этот механизм гораздо богаче и разнообразнее. Социализация личности осуществляется в процессе различных видов общения (массового, группового, межличностного, делового, неформального), влияния средств массовой информации, культуры. Особую роль в структуре механизма социализации выполняет конформизм, характерные свойства которого подробно изучались С. Ашем, К. Осгудом и Ф. Крачфильфом, а из отечественных социальных психологов — И. С. Коном, А. П. Сопиковым, учениками А. В. Петровского и др.

Для обеспечения нужных результатов социализации имеются эффективные приемы манипулирования людьми, или, иначе говоря, «модификации» их поведения, например: внушение, гипноз, дезинформация, умолчание, запуск слухов, «промывка мозгов», «оболванивание», осуществляемые в целях формирования нормотипической личности, удобной правящему меньшинству. Помимо гласной психологической обработки, тоталитарный режим поддерживается посредством глобальной слежки за людьми, с помощью страха за отклонение от принятых стандартов, остра-

кизма (изгнания, гонения) за инакомыслие, психического насилия, включая использование психотропных средств.

Необходимо иметь в виду, что социализация не пассивный процесс, а активный, где важную роль играют установки, обуславливающие избирательность личности как объекта социализации. Поэтому традиционную структуру механизма социализации следует дополнить, это можно сделать с помощью теории социального обмена. В процессе обменных сделок, определения выгоды складывается вектор, направленность социализации личности и в конечном счете ее самоопределение.

Содержание социализации зависит и от такого важного параметра, как социальные институты, экономические, общественные, в том числе семья, детские дошкольные учреждения, школы, неформальные группы, официальные организации и др. Эффективность социализации обуславливается их нравственным, культурным и экономическим состоянием.

В споре о значимости названных институтов для социализации личности (сила влияния социальных институтов на личность зависит от их авторитетности, т.е. референтности) предпочтение обычно отдается семье. Действительно, по сравнению с влиянием других социальных институтов она занимает особое место в социализации личности. Ее нельзя ничем заменить, что подтверждают судьбы детей, воспитывающихся вне семьи. Как правило, они страдают из-за неадаптивности, нарушенных эмоциональных контактов, групповой идентичности.

Драматичный характер приобретает процесс социализации в период ломки социальных институтов, отсутствия законов, что вызывает когнитивный диссонанс.

Кроме социальных институтов социализации, следует выделить и факторы, ее определяющие. К числу факторов, создающих трудности в области социализации, можно отнести состояние экономики, т.е. качество жизни, экологическую обстановку, экстремальные ситуации (вооруженные конфликты, природные стихийные бедствия, крупные аварии и т.п.).

Во многом на социализацию личности влияет и такое социально-психологическое явление, как **идентичность**.

В отечественной психологии прослеживается стремление многих авторов при анализе процесса социализации учитывать не только объективные показатели (изменение социального статуса индивида, освоение им новых социальных ролей), но и субъективные, в том числе идентичность. Это понятие введено в науку Э. Эриксонем, который определяет *идентичность как субъективное чувство, а также объективно наблюдаемое качество личной самоощущенности и непрерывности (постоянства), соединенное с определенной верой в тождественность и непрерывность некоторой картины мира, разделяемой с другими людьми.*

Идентичность рассматривается Э. Эриксеном в двух аспектах: во-первых, как идентичность, которая, в свою очередь, состоит из двух компонентов: органического и индивидуального, т.е. непреложной данности физического внешнего облика, задатков, тождественности, подлинности и целостности человеческого индивидуального бытия; во-вторых, в социальном аспекте, вследствие чего идентичности подразделяется на групповую и психосоциальную. *Групповая идентичность* — это включенность личности в различные общности (историческую, географическую, классовую, национальную и др.), подкрепленная субъективным ощущением внутреннего единства и неразрывности со своим социальным окружением. Каждый индивид является частью различных сообществ людей, разделяет их ценности и представления о мире, о месте человека в нем. *Психосоциальная идентичность* — ощущение человеком значимости своего бытия для общества.

Каждый из аспектов идентичности имеет два полюса: положительный (то, каким человек должен быть с точки зрения социального окружения) и отрицательный (то, каким человек не должен быть).

Формирование идентичности всегда сопровождается противоборством этих двух сторон. В кризисные моменты борьба обостряется и отрицательная идентичность может взять верх. Для позитивного и поступательного развития личности необходим перевес положительной идентичности над отрицательной.

Таков в общих чертах подход Э. Эриксона к проблеме идентичности, выдвинутой им в качестве основополагающего момента развития личности.

Общечеловеческий уровень идентичности понимается как осознание себя представителем биологического вида, человечества или как видение и понимание глобальных проблем человечества, ответственность перед будущими поколениями за жизнь на Земле. Групповой уровень идентичности выступает через осознание своей принадлежности к различным группам (половым, возрастным, расовым, религиозным и т.д.). Общности среднего уровня (группы) конструируются как системы оппозиций. Они, как правило, противопоставлены друг другу и вне «своего другого» не могут быть определены. Таковы, например, родители и дети, мужчины и женщины, «правые» и «левые», и т.д.

Индивидуальный уровень идентичности есть осознание собственной неповторимости, стремление к развитию своих способностей, понимание своего жизненного пути как неповторимого.

Среди ученых нет единого мнения о том, развитие какого уровня идентичности является наиболее важным для успешной социализации личности. Можно предположить, что актуализация, доминирование определенного уровня идентичности личности и успешности ее социализации детерминирована временем. При этом

фактор времени понимается двояко: как общественное время — специфика исторического развития данного общества и как индивидуальное время — этап жизненного цикла личности.

Личность не может сразу с момента рождения усвоить весь социальный опыт. *Социализация* — процесс длительный, протяженный во времени и пространстве, даже постоянный. При этом она имеет индивидуальный аспект и связана с определенными циклами в области физического, анатомо-физиологического, сенсорного, эмоционального, познавательного и социального развития личности. Стадиальность социализации объясняется соотношением развития человека и спецификой социальной ситуации, в которой он оказывается в разные периоды жизни.

Существуют различные подходы к выделению стадий социализации.

Социологический акцентирует внимание на процессах усвоения человеком репертуаров социальных ролей, ценностей и норм, культуры, завоевания положения в той или иной общности. Примером социологического подхода является точка зрения Г. М. Андреевой, которая делит социализацию на три стадии: дотрудовую, трудовую и послетрудовую. Такие стадии, конечно, выделять можно, но данный подход односторонен, или, точнее, односторонен.

Социологическому подходу противоположен психоаналитический, с позиции которого стадии социализации увязываются с проявлением биологических влечений, инстинктов и подсознательных мотивов человека. З. Фрейд — основатель психоанализа — выделял, как мы уже упоминали, три компонента человеческой психики: *Оно* (Ид), *Я* (Эго) и *Сверх-Я* (Супер-Эго). Содержание *Оно* составляют либидо, т.е. позитивные любовные, сексуальные импульсы, и танатос, т.е. деструктивные, разрушительные импульсы. *Я* — сознательное начало. *Сверх-Я* возникает на основе *Я* и воплощает в себе интериоризованные (от лат. *interior* — внутренний) индивидом «родительские образы», моральные запреты. Это и так называемая моральная цензура. *Я* и *Оно* находятся в постоянном конфликте. Их отношения можно сравнить с неестественным отношением между всадником и лошадью: не он управляет ею, а она управляет им. Поэтому всадник всячески вынужден сдерживать и направлять лошадь, иначе он может погибнуть. Вместе с тем *Я* подвергается нажиму со стороны *Сверх-Я*, морального сознания, совести. Нарушение требований *Сверх-Я* вызывает у человека чувство вины. Этот конфликт, по мнению З. Фрейда, является неразрешимым, и в нем лежит ключ ко всем проблемам личности и общества.

Влияние бессознательного на процесс социализации личности трудно переоценить. Тем не менее реальным подходом к рассмотрению стадий социализации является компромиссный, который

учитывает как социологические, так и психоаналитические взгляды на этот счет. Вследствие этого можно выделить первичную, маргинальную, устойчивую социализации, а также стадию, обусловленную необходимостью адаптации к новой ситуации, например в связи с выходом человека на пенсию и другими обстоятельствами.

Первичная стадия ребенка, согласно утверждениям З. Фрейда, распадается на оральную (от рождения до 2 лет), когда мир ребенка сосредоточен вокруг рта, и анальную (от 2 до 3 лет), в течение которой ребенку прививают навыки туалета. По мнению З. Фрейда, данная стадия во многом определяет более позднее развитие человека — фаллическую стадию (от 4 до 5 лет). На этой стадии у детей впервые появляется симпатия к родителям противоположного пола. Связанные с этими чувствами конфликты З. Фрейд назвал Эдиповым комплексом (у мальчиков) и комплексом Электры (у девочек). Дети, успешно преодолевшие эту стадию, начинают идентифицировать себя с родителями.

З. Фрейд утверждал, что основные личностные характеристики формируются на этих стадиях.

В то же время нельзя абсолютизировать роль бессознательного в процессе социализации личности (патологические случаи не следует распространять на здоровых людей). Решающее значение здесь имеют процессы познания и овладения ребенком социальными ролями в игровой деятельности, упражнения его в самоидентификации, возникающая и закрепляющаяся у него система ожиданий и характер их удовлетворения, требования к нему со стороны родителей, практика их обращения с ним.

В одной из казахских семей родились девочки-близнецы, но одна из них на пять минут раньше, которая затем стала выполнять роль старшей сестры со всеми вытекающими последствиями. К ней предъявлялись жесткие требования, в том числе по уходу за младшей сестрой. «Старшая», превратившаяся в антипод «младшей», сформировалась волевым, а младшая — инфантильным человеком. Маргинальная (промежуточная, или псевдоустойчивая) социализация — социализация подростка. Известно, что подростковый возраст являет собой ступень полового созревания, продолжающийся до момента становления человека взрослым. Это переходный возраст от детства к юношеству, связанный главным образом с самоутверждением личности, групповой идентичностью.

Устойчивая социализация совпадает с достижением определенного статуса и выполнением широкого спектра социальных и межличностных ролей. Эта стадия связана со стабильным положением человека в обществе или какой-либо общности. Она свидетельствует о социально-психологической адаптированности личности, ее социальной идентичности.

И наконец, последняя стадия социализации сопряжена с утратой статуса, ряда ролей после выхода человека на пенсию. В это время он дезадаптируется и, как правило, болезненно реагирует на то положение, в котором он оказался. Нередко тяжелые переживания вызываются утратой близких и смысла своего существования, необратимыми процессами старения организма, чувством одиночества и ненужности. Но такое душевное состояние во многом может компенсироваться за счет любви к внукам, которая придает человеку жизненные силы, создает ощущение полезности и повторения жизни.

Э. Эриксон выделяет восемь стадий человеческого развития:

- доверие — недоверие (грудной возраст);
- автономия — стыд и сомнение (1—2 года);
- инициатива — чувство вины (3—5 лет);
- трудолюбие — иждивенчество (юношество);
- становление индивидуальности;
- интимность — одиночество (начало взрослого периода);
- творческая активность — застой (средний возраст);
- умиротворение — отчаяние (старость).

Социализацию можно рассматривать в виде типичного и единичного процессов. Типичность определяется социальными условиями и зависит от классовых, расовых, этнических и культурных различий.

Социализация как *типичный процесс* означает похожесть ее протекания для представителей типичных социальных или возрастных групп, имеющих одинаковые религию, культуру, одно и то же положение. Социализация безработных типична для них и отличается от социализации преуспевающих бизнесменов. То же самое можно сказать о бродягах, хронических больных, инвалидах. Совершенно по-особому, но все равно типично проходит социализация эмигрантов, связанная с вынужденной необходимостью адаптироваться к чужой языковой среде, культуре. Своеобразна социализация национальных меньшинств.

Социализация как *единичный процесс* возникает благодаря свойственной лишь ей окраске (способности, внешние данные, степень конформности, коммуникабельность личности, ее индивидуальный уровень идентичности), т. е. стремлению к развитию своих способностей, осознанию своего жизненного пути как уникального и т. д.

Человек может внешне демонстрировать свою социализированность, в связи с чем встает вопрос о внешних и внутренних критериях этого процесса. Критериями социализированности личности являются: содержание сформированных установок, стереотипов, ценностей, картин мира; адаптированность личности, ее нормотипическое поведение, образ жизни; социальная идентичность (групповая и общечеловеческая).

Главным критерием социализированности личности выступает не степень ее приспособленчества, конформизма, а сте-

пень ее независимости, уверенности, самостоятельности, раскрепощенности, инициативности, незакомплексованности. Основная цель социализации личности не в ее унификации, превращении в послушный «винтик», а в удовлетворении потребности в самореализации (А. Маслоу) и в развитии способности для успешного осуществления этой цели. В противном случае процесс социализации лишается гуманистического смысла и становится инструментом психологического насилия, направленного не на личностный рост и не на достижение единственной в своем роде индивидуальности, а на унификацию, стратификацию, нивелировку Я.

4.2. Асоциализация, десоциализация и ресоциализация личности

Понятие «социализация» означает сопричастность, соединение с обществом, в то время как приставка «а» в понятии «асоциализация» означает антиобщественный характер такой связи, как бы социализацию личности с противоположным знаком и целями. Если сущность процесса социализации, рассмотренного ранее, в общем и целом сводится к усвоению личностью социальных норм, ценностей, ролей, одобряемых обществом и направленных на его стабилизацию и нормальное функционирование, то термин «асоциализация» означает процесс усвоения личностью антиобщественных, антисоциальных норм, ценностей, негативных ролей, установок, стереотипов поведения, которые объективно приводят к деформации общественных связей, к дестабилизации общества.

Наряду с понятием «асоциализация личности» в то же время широко используется термин «социальная дезадаптация».

Говоря об асоциализации, нельзя не упомянуть еще о двух связанных с данной проблемой терминах: «десоциализация» и «отставание в социализации». Первый означает, что на определенной стадии нормальной социализации личности происходит ее некоторая деформация, когда она попадает под влияние (стихийное или целенаправленное) отрицательной микросреды — дворовой компании сверстников, преступной группы и т. п. В результате этого у личности происходит разрушение прежних позитивных норм и ценностей, взамен которых ею усваиваются новые антиобщественные нормы и ценности, образцы поведения. Таким образом, термин «десоциализация» близок по содержанию понятию «асоциализация», однако отражает несколько иную грань этого процесса в общественном контексте.

Отставание в социализации означает несвоевременное, с опозданием усвоение личностью тех позитивных норм, образцов поведения, которые предписываются обществом для каждого этапа социализации. Этот термин кажется далеким по смыслу от поня-

тия асоциализации, но тем не менее он связан с ним следующим образом. Отставание в социализации, не будучи антиобщественным, все же может со временем привести (и часто приводит) к усвоению личностью негативных норм или к бездумному подчинению такой отставшей в социализации личности воле других антиобщественных элементов.

Асоциализация личности происходит в те же хронологические периоды (детство, отрочество, юность), что и социализация, в то время как десоциализация может осуществляться и в зрелом возрасте. Правда, в этом случае чаще речь идет о частичной десоциализации, когда личность порывает одну или несколько положительных связей с обществом, государством, в то время как другие остаются позитивными. Например, человек зрелого возраста, вставший на путь хищения государственной собственности под влиянием группы скрытых преступников, одновременно может оставаться хорошим отцом семейства, быть культурным, вежливым, нормально выполнять все другие социальные роли.

Что касается классификации асоциализированных личностей, то их можно расположить на шкале, где на одном полюсе будут находиться лица, в минимальной степени асоциализированные, «порвавшие» один или два «жизненных нерва» с обществом и государством, а на другом — лица, практически разорвавшие большинство основных связей с обществом, для которых преступный образ жизни стал источником существования и естественной жизнедеятельностью.

Каков же социально-психологический механизм асоциализации (десоциализации) личности, каким образом она встает на антиобщественный путь поведения? На раннем этапе асоциализации главным является механизм подражания, когда дети или подростки, неосознанно или частично осознавая, перенимают у взрослых, ведущих асоциальный образ жизни, негативные образцы поведения, определенную субкультуру. При этом основным мотивом у них выступает желание быть взрослыми, получить одобрение в данной отрицательной микросреде. Последняя стимулирует закрепление таких образцов поведения и, напротив, осуждает общепринятые нормы поведения. Иначе говоря, здесь осуществляется социальный контроль за личностью, в ходе которого к ней применяются или позитивные санкции (похвала, одобрение, поддержка и т. п.) при условии «нормального» с точки зрения среды поведения данной личности, или негативные (осуждение, неодобрение, угрозы избиения и т. п.) в случае отступления от выполнения установленных в этой среде правил поведения. Например, могут быть высмеяны доброта, милосердие, трудолюбие и, наоборот, одобрены жестокость, презрение к честному труду.

Процесс асоциализации личности хотя и осуществляется в основном стихийно, неосознанно, тем не менее он, как и социализация, может проходить и целенаправленно. Ведь родители и лидеры преступных группировок могут научать подростков (а в случае десоциализации — и взрослых) преступному поведению вполне осознанно, путем постепенного вовлечения в преступную деятельность, используя тот же механизм поощрений и наказаний. Учитывая влияние более широкой социальной среды, других институтов социализации, такой «учитель» может мотивировать преступное поведение обучаемого позитивными, одобряемыми обществом ценностями, например честностью, справедливостью, заботой о ближнем, скрывая истинные мотивы.

В основе многих теорий о личности преступника лежит постулат о генетической, психофизиологической и прочих предрасположенностях человека к агрессии, совершению преступлений. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов данные обстоятельства. Разумеется, есть факторы, причем не только аномального свойства, которые способствуют совершению преступлений, в том числе встречаются так называемые безмотивные преступления, деяния, совершаемые в состоянии аффекта, по неосторожности, в пределах самообороны, но имеют место и умышленные убийства.

Как нет абстрактных преступлений, так нет и абстрактных преступников, которые были бы одинаковы во всем. Поэтому есть основания говорить по крайней мере не просто о личности преступника, а о следующих ее разновидностях: социотипе, связанном с деятельностью организованной преступности, и личности, имеющей отношение к общеуголовной преступности.

С точки зрения индивидуальных различий представители организованной и общеуголовной преступности (уличной, бытовой и т.п.) значительно отличаются между собой.

Собственно говоря, многие теории о личности преступника строились на материале общеуголовной преступности. Связь психического нездоровья с совершением преступлений наиболее ярко обнаруживается при анализе общеуголовной преступности. Имеются в виду различные психические расстройства, начиная от хромосом и кончая акцентуациями характера.

Подобное нельзя сказать о представителях организованной преступности, заниматься которой вряд ли возможно без наличия интеллекта и соответствующей саморегуляции.

Однако сложившиеся стереотипы по-прежнему уводят в сторону индивидуальных различий негативного плана при попытке объяснить природу личности преступника.

Между тем есть нечто общее как у представителей организованной, так и общеуголовной преступности. Это социальная психология. Вот что. Не более и не менее.

Подход к объяснению личности преступника только с позиции индивидуальных различий (психофизиологической, дифференциальной, возрастной, клинической психологии) недостаточно продуктивен. Однако именно этот подход лежит в основе криминальной психологии, точнее говоря, ее раздела о личности преступника.

Вспоминается такой случай. Однажды автор кандидатской диссертации, которая была посвящена влиянию типологических особенностей на коммуникативную активность и статус осужденных, в откровенной беседе признался, что в группе с низким статусом осужденных отмечался большой разброс с точки зрения индивидуальных различий: там оказались лица и с «сильными» и со «слабыми», если можно так сказать, типологическими характеристиками. Но этот факт противоречил исходной гипотезе и соискателю пришлось «подчистить» результаты. На самом деле осужденные попали в группу «изгоев» под влиянием не индивидуальных, а социально-психологических явлений.

Приведенный пример говорит о значении социальной психологии для объяснения индивидуального криминального поведения. При социально-психологическом подходе к анализу личности преступника следует учитывать следующие ее характеристики: ментальность, ценностно-смысловую сферу, мотивационную сферу, когнитивные и Я-характеристики (самоотношения, самооценка и т.д.), статусно-ролевые характеристики, социальные чувства и эмоции (эмпатия, одиночество, агрессия и пр.).

С точки зрения социально-психологического подхода к личности преступника становится ясным, что в основе ее лежит деформация ментальности, архетипа и социотипа, ценностно-смысловой и мотивационной сферы, когнитивных, статусно-ролевых и Я-характеристик, социальных чувств и эмоций.

Причины криминального поведения личности связаны с ее социально-психологической природой, деформированной когнитивной, ценностно-смысловой сферой. В этом случае «перевернутый мир» становится нормальными картинами мира, конструктами, «воровские законы» — единственными законами, которые следует соблюдать.

Например, стали привычными такие объявления в газетах, как «Куплю диплом об окончании медуниверситета с печатью. Дорого». По этому поводу никто не возмущается, не начинает расследование. «Все продается — все покупается» стало законом жизни.

Таким образом, индивидуальное криминальное поведение есть следствие деформированного восприятия мира, его понимания и оценивания, а также отношения личности к самой себе, т.е. Я-образа, Я-концепции. Например, дети, воспитанные в мире телевизионного и реального (семейного, уличного и школьного)

насилия не представляют жизнь без насилия, насильственного общения.

Следует иметь в виду, что в ряде случаев девиантное поведение может означать «норму», например поведение «диссидентов».

В данном случае речь в основном идет о личности преступника, являющегося представителем общеуголовной преступности. Что же касается представителей организованной преступности, то они пока мало изучены в психологическом плане.

В отношении личности, вставшей на криминальный путь поведения, общество в лице своих институтов социализации, органов социального контроля осуществляет ресоциализацию, т.е. процесс социального восстановления личности, усвоения ею повторно (в случае десоциализации) или впервые (в случае асоциализации или отставания в социализации) позитивных с точки зрения общества социальных норм и ценностей, образцов поведения. Приставка «ре» в понятии «ресоциализация» означает демонтаж, разрушение усвоенных личностью в процессе асоциализации (десоциализации) негативных, антиобщественных норм и ценностей и привитие ей позитивных норм и ценностей, одобряемых обществом.

Термин «ресоциализация» достаточно широко используется представителями не только социологии и социальной психологии, но и педагогами, юристами. Так, некоторые педагоги считают, что «перевоспитание осужденных направлено на их ресоциализацию и возвращение к честной трудовой жизни на свободе» (т.е. в данном случае ресоциализация рассматривается как результат процесса перевоспитания). Юристы также используют этот термин, в частности, при исследовании вопросов уголовно-исполнительной политики применительно к молодежи, отмечая «большую способность к ресоциализации субъекта молодого возраста по сравнению со взрослым» (здесь ресоциализация рассматривается не только как результат, но и как процесс).

Процесс ресоциализации включает в себя, как правило, три этапа — допенитенциарный, пенитенциарный и постпенитенциарный. Общество, социальные институты, занятые социализацией и социальным контролем, могут зафиксировать вступление личности на асоциальный путь и принять соответствующие ресоциализирующие меры, не прибегая к пенитенциарному этапу. При этом задействуются те же социальные институты, которые осуществляют процесс социализации: семья, школа, трудовые, воинские, учебные коллективы, общественные организации, профилактические структуры правоохранительных органов. Нередко посредством таких мер процесс ресоциализации личности можно осуществить без лишения свободы.

Однако если асоциализация (десоциализация) осуществлялась скрытно от общества, если в деятельности названных институтов

социализации допускались определенные сбои, рассогласования и личность совершила уголовно наказуемое социально опасное деяние, то она, минуя допенитенциарный период, может по приговору сразу же оказаться на пенитенциарном этапе ресоциализации. Суть его — в восстановлении и развитии у личности социально полезных связей с обществом, в разрушении асоциальных поведений и ролей, в усвоении, закреплении позитивных образцов поведения, социальных ценностей. В этом случае ресоциализацию осуществляют такие ее специальные институты, как воспитательно-трудовые колонии несовершеннолетних осужденных, исправительно-трудовые колонии общего, строгого и особого видов режима и тюрьмы (для взрослых осужденных). Главной целью этих социальных институтов является исправление и перевоспитание осужденных, т. е. их ресоциализация.

Проблема ресоциализации связана не только с исправлением осужденных. Она выходит на проблему включения в нормальный процесс социализации (для осужденных это постпенитенциарный этап ресоциализации) и ряда других категорий лиц: больных, наркоманов, лиц, переживших стресс во время аварий, боевых действий, природных стихийных бедствий. Поэтому в настоящее время наряду с понятием «социальная адаптация» в социальной психологии широко используется термин «социальная реабилитация». Во многом эти термины синонимичны по отношению друг к другу, во всяком случае они составляют основное содержание социальной работы. Но между ними есть и различия, прежде всего — в объекте социальной работы.

Социальная адаптация необходима как здоровым, так и больным людям. Что же касается социальной реабилитации, то в ней нуждаются лица, для которых характерен посттравматический синдром, в частности: «афганцы», «ликвидаторы чернобыльской аварии», лица, перенесшие природные стихийные бедствия, беженцы из так называемых горячих точек, освободившиеся из мест лишения свободы, инвалиды и др. Эти лица испытывают потребность не только в социальной помощи, но и в психотерапии, психокоррекции (аутотренинге и пр.). Без снятия эмоциональной напряженности (реабилитации) невозможна социальная адаптация. В данном случае важно не только восстановление социальных функций, но и нормализация психических состояний.

На Западе опыт по социальной реабилитации накопили различные фонды, общества милосердия, церковь, Армия спасения и т. п. Аналогичная по содержанию социальная работа разворачивается и в России, о чем свидетельствует создание реабилитационных центров. Это обстоятельство обуславливает необходимость ускорения развития гуманистической психологии, ориентированной на нужды социальной практики.

Темы для обсуждения

1. Социально-психологические и социологические аспекты социализации. Необходимость вычленения собственно социально-психологического подхода к исследованию процесса социализации.
2. Понятие социализации, ее структура.
3. Основные этапы социализации личности. Эдипов комплекс и комплекс Электры.
4. Механизмы и институты социализации личности.
5. Влияние идентичности на социализацию личности.
6. Асоциализация, десоциализация и ресоциализация личности.

Рекомендуемая литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 2000.
- Андреевкова Н. В. Проблемы социализации личности // Социальные исследования. — М., 1970.
- Гименский Л. И. Стадии социализации индивида // Человек и общество. — Л., 1971. — Вып. 9.
- Смелзер Н. Социология. — М., 1994.
- Социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 2002.
- Флейк-Хобсон К., Робинсон Б. Е., Скин П. Мир входящему: Развитие ребенка и его отношений с окружающими. — М., 1992.
- Шнайдер Г. И. Криминология. — М., 1994.

Раздел III. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБЩНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Глава 5. СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОБЩЕНИЯ

5.1. Понятие, виды и функции общения

Когда говорят об общении, то обычно имеют в виду *процесс передачи и приема сообщений с помощью вербальных и невербальных средств*, включающий обратную связь, в результате чего осуществляется обмен информацией, ее восприятие и познание участниками общения, а также их влияние друг на друга и взаимодействие по достижению изменений в деятельности. Схематично общение можно представить следующим образом:

- передатчик, отправитель;
- получатель, приемник, адресат;
- канал связи;
- шум, сигнал;
- код, декодер.

К структуре общения относятся:

- коммуникативно-информационный компонент, означающий прием и передачу сообщений и предполагающий обратную связь, в основе этого компонента лежит психологический контакт;
- познавательный аспект, основанный на процессе восприятия и понимания людьми друг друга;
- интерактивная (контактная) сторона, связанная с процессом воздействия, поведения.

Выделяют следующие виды общения:

- межличностное, групповое и межгрупповое, массовое;
- доверительное и конфликтное;
- интимное и криминогенное;
- деловое и личное;
- прямое и опосредованное;
- терапевтическое и ненасильственное.

Особое значение в последнее время приобретает подход к рассмотрению общения с позиций гуманистической психологии. В связи с этим концепция «ненасильственного общения» вызывает все более возрастающий интерес, так как в ее основе лежит открытость и искренность контактов.

Общение возможно лишь при помощи знаковых систем. Различают *вербальные средства общения* (устная и письменная речь) и *невербальные* (неречевые) *средства общения*.

В межличностном общении обычно применяются два варианта языка: устный и письменный.

Преимущества письменного языка становятся решающими там, где необходимы точность и ответственность за каждое слово. Чтобы умело пользоваться письменным языком, нужно обогащать свой словарный запас, требовательно относиться к стилю.

Устный язык, отличающийся по ряду параметров от письменного, является самостоятельным. Он имеет свои правила и даже грамматику. Основное его превосходство перед письменным языком заключается в экономности, т. е. для устной передачи какой-либо мысли требуется меньше слов. Экономия достигается благодаря другому порядку слов, пропуску концов и других частей предложений. Недостатками устного языка являются речевые ошибки, многозначность. Преимущества устного языка проявляются там, где нужно воспитывать, влиять, воодушевлять, а также в условиях дефицита времени по защите своей чести и достоинства.

Искусство общения предполагает:

первое — безупречное владение письменным языком, что обеспечивается образованием;

второе — хорошее владение устным языком (в этом большего успеха достигают люди, владеющие и образными, и одновременно сложными народными оборотами речи);

третье — умение правильно устанавливать оптимальное отношение устного и письменного языков отдельно для каждой ситуации.

В том случае, когда общение осуществляется с помощью неречевых средств, очень важны жесты рук, особенности походки, голоса, а также выражение лица (мимика), глаз (микромимика), поза, движение всего тела в целом (пантомимика), дистанция и т. п. Причем выражение лица иногда лучше слов говорит об отношении к собеседнику. Известны гримасы, выражающие преданность, доброжелательность, лесть, презрение, страх, зависть и т. п.

Невербальные средства общения нужны, в частности, для того, чтобы регулировать течение процесса общения, создавать психологический контакт между партнерами, выражать эмоции, отражать истолкование ситуации.

Невербальные средства общения, как правило, не могут самостоятельно передавать прямое значение слов, за исключением некоторых жестов. Они точно скоординированы между собой и сло-

весными текстами. Совокупность этих средств можно сравнить с симфоническим оркестром, а слово — с его солистом.

Рассогласование отдельных невербальных средств существенно затрудняет межличностное общение. В отличие от речи невербальные средства общения осознаются как говорящими, так и слушающими не в полной мере. Никто не может все свои невербальные средства подвергать полному контролю.

Невербальные средства общения делятся на три группы:

визуальные — кинесика (движение рук, ног, головы, туловища), направление взгляда и визуальный контакт, выражение глаз, выражение лица, поза (в частности, локализация, смена поз относительно словесного текста), кожные реакции (покраснение, испарина), дистанция (расстояние до собеседника, угол поворота к нему, персональное пространство), вспомогательные средства общения, в том числе особенности телосложения (половые, возрастные) и средства их преобразования (одежда, косметика, очки, украшения, татуировка, усы, борода, сигарета и т.п.);

акустические (звуковые) — связанные с речью (интонация, громкость, тембр, тон, ритм, высота звука, речевые паузы и их локализация в тексте), не связанные с речью (смех, плач, кашель, вздохи, скрежет зубов, «хлопанье» носом и т.п.);

тактильные (связанные с прикосновением) — физическое воздействие (ведение слепого за руку, контактный танец и др.), тактика (пожатие руки, хлопание по плечу).

Проблема человека находится в центре внимания всех аспектов общения. Однако увлечение инструментальной стороной общения может нивелировать его духовную сущность и привести к упрощенной трактовке общения как информационно-коммуникативной деятельности. При этом проблема человека уходит на дальний план и потом редко возвращается на должное место либо решается в логике манипуляторского подхода. Поэтому при неизбежном научно-аналитическом делении общения на указанные аспекты важно не потерять в них человека как духовную и активную силу, преобразующую в этом процессе себя и других. В результате общение по своему содержанию становится сложнейшей психологической деятельностью партнеров.

В рамках *коммуникативного аспекта общения* психологическое взаимодействие партнеров концентрируется вокруг проблемы контакта. Эту проблему не следует сводить только к умениям и навыкам коммуникативного поведения и использования средств общения. Главное в успехе контактов заключается в восприятии партнерами друг друга.

Психологический контакт начинается с конкретно-чувственного восприятия внешнего облика партнеров посредством органов чувств.

В этот момент доминируют психические отношения, пронизанные эмоциональной реакцией друг на друга как на психофизическую данность. Реакции притяжения-непритяжения проявляются в мимике, жестах, позе, взгляде, интонации, которые свидетельствуют о том, нравимся ли мы друг другу или нет. Обоюдные или односторонние реакции отвержения могут выражаться скольжением взгляда, отдергиванием руки при пожатии, отворачиванием тела, отгораживающими жестами, «кислой миной», суетливостью, убеганием и т.д. И наоборот, мы охотно обращаемся к тем, кто улыбается, смотрит прямо и открыто, разворачивается в анфас, отвечает бодрой и веселой интонацией, и т.п.

На стадии возникновения контакта заметная роль принадлежит внешней привлекательности человека, благодаря которой человек приобретает особый, более высокий, коммуникативный потенциал.

Поэтому люди, как правило, ревниво относятся к своему внешнему облику и уделяют ему много внимания.

Субъективная оценка партнеров по внешнему облику происходит по шкале «нравится — не нравится». Если человек нам нравится, то он легче вступает с нами в контакт, если нет — то ему приходится преодолевать наше отрицательное эмоционально-эстетическое отношение к его внешнему облику. На этом пути ему необходимо продемонстрировать другие, столь же ценные для достоинства своей личности качества. Это могут быть как привлекательные психологические качества (ум, доброта, отзывчивость и многие другие), так и деловые качества, социальный статус, которые проявляются в различных формах невербального и вербального поведения. В них происходит выражение всех сторон человеческой привлекательности, которые определяют обаятельность личности.

Обаяние — это нечто большее, чем физическая привлекательность, когда человек может быть красив, но холоден. Это не просто доброта, которая бывает навязчивой, и не фанатическая увлеченность своим делом, и не высокомерное проявление значительного социального статуса личности. Обаяние — это, скорее, таинственный дар достигать психологического расположения окружающих людей, быть притягательным, очаровательным, вызывающим безотчетное положительное отношение.

Обаяние исходит от человека. Оно в искрящихся глазах, в сияющей улыбке, в мягких жестах и ласковой интонации, в юморе и в то же время в оправданных ожиданиях партнера. Обаятельный человек говорит именно то, что мы хотим услышать. Это тот, кто вызывает ответное эмоционально-психологическое отношение, которое является предпосылкой, необходимой для обратной связи.

Обратная связь как процесс взаимонаправленных ответных действий служит поддержанию контакта. Однако ее наличие не все-

гда свидетельствует о прочности и психологической глубине общения. Так, в случаях фактического общения обратная связь порой носит чисто внешний, демонстрационный характер. Партнер поддакивает своему собеседнику, не вникая в то, что ему говорят. Он всего лишь демонстрирует процесс слушания, оставаясь психологически безучастным к содержанию и смыслу разговора. Это свидетельствует об отсутствии или спаде интереса к говорящему, его проблемам, о психологической разобщенности. Такой контакт не является прочным.

Исчезновение психологической взаимности приводит к тому, что говорящий начинает утрачивать нормальную интонацию, повышать голос, убыстрять речь, проявлять агрессивность и другие нарушения коммуникативного поведения.

Психологическая общность партнеров укрепляет их контакты и приводит к развитию взаимосвязи и вместе с тем к преобразованию их личных отношений в сторону осознания группового единства. В процессе поддержания взаимосвязи включаются новые опосредованные и технические средства коммуникации, которые образуют инфраструктурные коммуникативные сети. Внутригрупповые контакты приобретают характер социального взаимодействия в различных формах информационно-коммуникативной деятельности.

В рамках *информационного аспекта общения* происходит расширение круга психологических проблем, связанных с передачей и восприятием сообщений. Информационные потоки в каналах коммуникации являются животворящей силой человеческого общения и общественного прогресса. Информация заключает в себе результаты познания людьми всего, что их окружает, общечеловеческий опыт, в котором соединены индивидуальные достижения всех времен и народов. Она представляет собой общечеловеческое наследие, которое с помощью средств коммуникации передается от поколения к поколению, создавая для каждого из них новые условия жизни и развития.

Информационные функции общения можно трактовать как своеобразный механизм наследования способов адаптивного поведения человека и передачи видового опыта. Поэтому информация приобретает наибольшую ценность в любой сфере человеческой деятельности, а статус знающего человека растет в наших глазах до гения. Информация кодируется в каналах связи в виде знаков и их комплексов (сообщений, слов, жестов и др.), за которыми закреплены определенные значения. Системы знаков образуют естественные и условные языки, с помощью которых и совершается процесс общения.

Знание языков расширяет информационные возможности человека. Количество языков, которыми он владеет, может быть неограниченным в зависимости от его практических потребностей и технических возможностей.

По целям сообщения информация может подразделяться на осведомительную, регуляторную и эмоциональную. Если передаются только сведения об объекте, то информация имеет осведомительное назначение. Если же общение рассчитано на побуждение партнера к действию, то информация приобретает регуляторную нагрузку. Эмоциональная информация адресуется к чувствам и переживаниям реципиентов.

Осведомительная беспристрастность сообщений требует более жесткой логики, лаконичности, лексической выверенности с точки зрения смысловой идентичности, наибольшей однозначности в понимании сообщения партнерами. Побуждающий эффект регуляторной информации в большей степени связан с мотивационной заинтересованностью реципиентов в том или ином сообщении. Эмоциональность информации приобретает в основном за счет экспрессивной аранжировки сообщения. В этом большую роль играют выразительные движения и интонация участников общения.

Эффективность информационных функций общения зависит от успешного решения проблемы соотношения языковых средств со смыслом сообщения, что обеспечивает уровень взаимопонимания партнеров, который осложнен к тому же личностным взаимоприятием корреспондентов и реципиентов. В информационном аспекте общения появляются два направления психологического взаимодействия партнеров. Одно из них связано с восприятием и пониманием смысла сообщения, другое — с восприятием и пониманием личности партнера.

Эти процессы находятся в сложных взаимоотношениях. Известно, что с большим доверием воспринимается сообщение, передаваемое корреспондентом с более привлекательным внешним обликом, профессиональным и возрастным статусом, нежели человеком, который ближе реципиентам по социально-психологической идентичности.

Межличностный характер общения выводит партнеров на проблему взаимопознания, что активизирует когнитивные функции субъектов общения, которые начинают выступать в роли практических психологов. Вопросы о том, кто мой собеседник, что он за человек, чего от него можно ожидать и многие другие, связанные с личностью партнера, становятся главными психологическими загадками для участников общения. Когнитивный аспект общения охватывает не только познание другого человека, но и рефлексивно — самопознание. Обобщающим эффектом этих процессов становятся образы-представления о себе и партнерах. Такие образы формируются через групповую оценку личности и социально-психологическую интерпретацию личности по ее внешним проявлениям.

Содержательная структура данных образов соответствует многообразию свойств человека. В ней обязательно присутствуют ком-

поненты внешнего облика. Это не случайно, так как человек в роли практического психолога прокладывает путь к внутреннему миру партнера через поведенческие сигналы о состояниях и свойствах воспринимаемого. Психологическая характеристика личности прочно связывается с элементами внешнего облика, например: «умные глаза», «волевой подбородок», «добрая улыбка» и т. д.

Конституциональные признаки внешнего облика и особенности его оформления одеждой и косметикой играют роль эталонов и стереотипов социально-психологической интерпретации личности.

Другая особенность этих образов заключается в том, что взаимопознание направлено в первую очередь на понимание тех качеств партнера, которые наиболее значимы для участников общения на данный момент их взаимодействия. Поэтому в образе-представлении о партнере не обязательно выделяется доминирующее качество его личности.

Эталоны и стереотипы взаимопознания формируются через общение с непосредственным окружением человека в тех общностях, с которыми он связан своей жизнью. Прежде всего это семья и этнос, пользующиеся культурно-историческими шаблонами поведения. Вместе с последними личность усваивает национально-этнические, социально-возрастные, эмоционально-эстетические, профессиональные и другие эталоны и стереотипы познания человека человеком.

Практическое назначение взаимных представлений партнеров состоит в том, что понимание психологического облика личности является исходной информацией для определения тактики своего поведения по отношению к участникам взаимодействия. Это означает, что эталоны и стереотипы взаимопознания выполняют функцию регуляции общения людей. Положительный и отрицательный образы партнера закрепляют отношения той же направленности, снимая или возводя психологические барьеры между ними. В расхождениях взаимных представлений с самооценками партнеров скрыты психологические конфликты когнитивного свойства, которые время от времени перерастают в конфликтные отношения между взаимодействующими людьми.

В группах людей индивидуальные представления друг о друге концентрируются в групповые оценки личности, которые функционируют в процессах общения в виде общественного мнения о человеке.

От непосредственного образа партнера мы поднимаемся к знанию о человеке вообще и возвращаемся к самооценке. Совершая эти круги взаимопознания, мы уточняем знания о себе и о том месте, которое можем занимать в обществе.

Аттракция как аспект общения связана с эмоциями, чувствами и настроением в личных контактах партнеров. Они проявляют-

ся в выразительных движениях субъектов общения, их действиях, поступках, поведении. Через них проступают взаимные отношения, которые становятся своеобразным социально-психологическим фоном взаимодействия, предопределяя больший или меньший успех совместной деятельности. Когнитивная (поведенческая) сторона общения как раз и служит целям согласования внутренних и внешних противоречий в позициях партнеров. Когнитивные функции обеспечивают управляющее воздействие на личность во всех процессах жизнедеятельности. Они раскрывают стремление человека к тем или иным ценностям, стимулируют его побудительные силы, регулируют поведение партнеров в совместной деятельности. Универсальным механизмом регуляции поведения людей является установка, во многом определяющая стратегию жизни, пронизывающая все уровни функционирования человека и его психику. Установки всех видов уходят корнями в подсознание и поэтому с трудом поддаются рациональным способам согласования. Партнеры с разными установками не всегда понимают друг друга, плохо сотрудничают, скорее идут на радикальный разрыв. Благоприятному развитию общения способствует совместимость установок партнеров.

Согласование и координация позиций партнеров происходят посредством обмена взглядами, мыслями, чувствами. Этот процесс подчинен целям корректировки планов совместной деятельности. В ходе общения формируются цели, мотивы и программы поведения включенных в него индивидов, а также осуществляется взаимная стимуляция и взаимный контроль этого поведения. Установки, потребности, интересы, отношения в целом, выступая как мотивы, определяют перспективные направления взаимодействия партнеров, в то время как тактика общения регулируется еще и взаимным пониманием личностных особенностей людей, их образами-представлениями друг о друге и о себе. При этом регуляция взаимодействия и взаимоотношения осуществляется не одним, а целой группой образов. Помимо образов-представлений партнеров друг о друге в систему психологических регуляторов общения входят образы-представления о себе — Я-концепция, представления партнеров о впечатлении, произведенном друг на друга, идеальный образ общественной роли, выполняемой ими. Эти образы не всегда четко осознаются людьми в процессах общения. Чаще всего они выступают как неосознанные впечатления и не находят выхода в понятийную сферу мышления. Психологические явления, заключенные в установках, мотивах, потребностях, интересах, проявляются посредством волевых действий в различных формах направленного на партнера поведения.

Когнитивные функции в процессе общения проявляются в рамках проблемы «отношение — поведение», эффективное решение которой предполагает согласованность взаимодействий партнеров.

Большую роль здесь играет аттракция (от франц. *attraction* — притяжение, тяготение; механизм формирования привлекательности привязанностей, симпатии, любви), эмпатия (от греч. *empathia* — сопереживание).

Взаимостремление предполагает столкновение партнеров в процессе согласования позиций, в результате чего они приходят к отношениям «согласия — несогласия» друг с другом. В случае согласия партнеры вовлекаются в совместную деятельность. При этом происходит распределение ролей и функций между ними. Эти отношения вызывают особое направление волевых процессов субъектов взаимодействия.

Оно связано либо с уступкой, либо с завоеванием определенных позиций. Поэтому от партнеров требуется проявление взаимной терпимости, собранности, настойчивости, психологической подвижности и других волевых качеств личности, основанных на интеллекте и высоком уровне сознания и самосознания личности.

В этом процессе происходит постоянное согласование мыслей, чувств, отношений партнеров по совместной жизнедеятельности. Он облекается в различные формы обращения. Одни из них побуждают партнеров к действиям (приказ, просьба, предложение), другие санкционируют действия партнеров (согласие или отказ), третьи вызывают на дискуссию (вопрос, рассуждение). Сама же дискуссия может происходить в форме беседы, диспута, конференции, семинара и целого ряда других видов межличностных контактов.

Однако выбор форм обращения чаще продиктован функционально-ролевыми взаимосвязями партнеров в совместной работе. Например, контрольная функция руководителя побуждает его к более частому использованию приказов, просьб и санкционирующих ответов, в то время как педагогическая функция того же руководителя требует более частого использования дискуссионных форм общения.

Взаимовлияние и его социально-психологическое содержание реализуются в способах и приемах воздействия людей друг на друга при их общении. Посредством взаимовлияния партнеры «обрабатывают» друг друга, стремясь к изменению и преобразованию психических состояний, установок и в конечном счете поведения и психологических качеств личности.

В результате взаимовлияния возникают отношения «подчинения — сопротивления», «следования — избегания», «солидарности — противодействия» и др., основанные на волевых качествах партнеров, признании или отрицании их авторитета, статуса и роли. Влиятельность личности зависит также от ее места в системе общественных и групповых отношений, от тех средств, которыми она располагает в организационной структуре совместной деятельности.

Каждая общность людей имеет свои средства воздействия, используемые в разнообразных формах коллективной деятельности, в которых происходит концентрация социально-психологического содержания образа жизни. Это проявляется в обычаях, традициях, обрядах, ритуалах, праздниках, танцах, песнях, сказаниях, мифах, в изобразительном, театральном и музыкальном искусстве, в художественной литературе, кино, радио- и телепередачах. Все названные массовые формы общения обладают мощным потенциалом взаимовлияния людей. В истории человечества они всегда служили средством воспитания, включения человека через общение в духовную атмосферу жизни.

Одним из видов общения является *доверительное общение*, в ходе которого происходит сообщение особо значимой информации.

Доверительность — это существенный признак всех видов общения, без которого нельзя осуществлять переговоры, решать интимные вопросы.

Следует остановиться на анализе *делового общения*, актуальность которого в последнее время значительно возросла во всех сферах. Оно неоднородно по своей природе. Одно дело — деловое общение в сфере экономики, другое — в правоохранительной области и т. д.

Деловое общение в сфере экономики предполагает знания по ведению телефонных разговоров, проведению совещаний и пр.

Часто первым шагом к деловому партнерству становится *телефонный разговор*, по телефону проводятся переговоры, отдаются распоряжения, излагаются просьбы. Несоблюдение правил ведения служебных разговоров экономически невыгодно. Кроме того, это свидетельствует о серьезных проблемах в профессиональной подготовке специалистов. Недостаточная подготовка к разговору, неумение выделить в нем главное, лаконично и грамотно изложить свои мысли приводит к значительным (до 20—30 %) потерям рабочего времени.

Известно, что большинство плодотворных идей возникает при контакте мнений. Этим объясняется распространенность такой коллективной формы поиска решений, как *совещание*. Однако на их проведение затрачивается слишком много времени, и к тому же это один из самых дорогостоящих видов служебной деятельности.

Последнее обусловлено следующим: совещаются обычно руководители, то есть самые высокооплачиваемые работники; большинство чрезвычайных происшествий случается во время отсутствия руководителя на рабочем месте; некоторых работников совещания расхолаживают.

С другой стороны, совещание является основной и наиболее распространенной формой группового решения проблемы. Зачем тратить столько средств и времени для того, чтобы собрать целую

группу людей? На это есть причины: группы обладают большими знаниями и опытом, которыми отдельный индивидуум не располагает; группой более успешно избегают ошибок и неудач в работе; те, кто должен выполнять решение группы, принимают результаты ее работы более благожелательно, чем решение индивида; если решение группы будут проводить в жизнь сами ее участники, они сделают это более эффективно; существует «групповой эффект», благодаря которому результат работы группы выше суммы вкладов индивидов.

Эффективность проведения совещаний возможна при соблюдении следующих правил.

Каждый участник совещания должен быть поставлен перед необходимостью высказаться, и ему надо предоставлять такую возможность. Председательствующий должен регулировать направленность выступлений: не допускать отклонений от повестки дня, следить за соблюдением регламента, стимулировать реальные предложения. Все участники совещания должны уметь говорить «я» вместо употребления безличной формы, а также избегать оценочных высказываний, неоправданных обобщений.

В большинстве случаев для повышения эффективности группового решения требуется специальная тренировка управленческого персонала.

Для многих людей выступление перед аудиторией представляет собой почти неразрешимую проблему, однако каждому, кто работает с людьми, требуются навыки свободного поведения в различных аудиториях.

Всякое выступление должно иметь стержневую идею, которую необходимо ясно обозначить с самого начала. Когда слушатели знают цели, которые отстаивает выступающий, это усиливает их внимание к докладу. Сформулировать основной тезис — значит ответить на два вопроса: зачем говорить (цель выступления) и о чем говорить (средства достижения цели, или, другими словами, система посылок и умозаключений)?

Классическая композиция выступлений включает: вступление, основную часть и заключение. Рекомендуется следующее примерное распределение времени: на вступление — 10—15 %, на основную часть — 60—65 %, на заключение — 20—30 % от всего времени выступления.

Нередко успех выступления зависит от вступления, поэтому первые фразы должны быть наиболее тщательно подготовлены и отработаны.

При подготовке публичного выступления следует иметь в виду интеллектуальный уровень аудитории; знать, как пробудить и поддерживать интерес к теме; учитывать общее количество слушателей (чем больше их число, тем более простым и доходчивым должно быть выступление — отказ от специальной и иноязычной тер-

минологии, построение речи короткими предложениями и т.п.). Не стоит пытаться «втиснуть» слишком много материала в ограниченное время: просрочка времени или перескакивание с одного на другое в процессе выступления может непоправимо испортить его. Материал должен быть отобран исходя из степени убедительности, об остальном можно только упомянуть и предложить желающим ознакомиться после доклада.

Для облегчения выступления и усвоения слушателями материала желательно использовать рисунки, схемы, графики, однако плохо подготовленный наглядный материал будет только раздражать слушателей и мешать выступающему.

Формирование социально-психологической компетентности предполагает использование таких видов тренинга, как сенситивный (тренинг межличностной чувствительности) и тренинг делового общения.

Выделяются четыре компонента сенситивности:

1) наблюдательная сенситивность — способность наблюдать (видеть и слышать) другого человека и одновременно запоминать, как он выглядит и что говорит;

2) теоретическая сенситивность — способность применять теории для более точных интерпретаций чувств и действий других людей;

3) номотетическая сенситивность — способность понимать типичного представителя той или иной социальной группы;

4) идеографическая сенситивность — способность понимать своеобразие каждого человека.

Тренинг делового общения по своим задачам отличается от сенситивного. Он направлен на формирование знаний и умений общения в сфере экономики и в других областях.

Одним из видов делового общения является так называемое *представительское общение*. В реальной жизни это взаимодействие людей, в котором они выступают не как свободные личности, а как представители тех или иных государств, социальных групп и институтов. Особенность такого общения и устанавливаемых с его помощью отношений состоит в том, что оно осуществляется в виде переговоров. Это общение часто можно наблюдать в телевизионных трансляциях из залов заседаний, репортажах о визитах глав государств и встречах деловых людей. В данном виде общения отношения симпатий — антипатий имеют минимальное значение по сравнению с умением людей представлять свою общность, вести переговоры, организовывать и планировать совместные действия.

Элементы представительского общения иногда переносятся людьми на межличностные контакты, особенно если общаются и взаимодействуют люди разных национальностей, представители отличающихся религиозных течений, гостят друг у друга жители разных государств. Известен факт, что человек, оказавшийся за

границей в целях представительского общения, ведет себя в отношениях с друзьями-иностранцами корректнее, чем с друзьями-соотечественниками, поскольку неосознанно стремится показать себя с лучшей стороны, ощущая принадлежность к общности, которую он представляет.

Специфика данной формы общения наблюдается в речи людей, в их поведении, манерах общения. Она направлена на создание определенных отношений, обеспечение принятия совместных решений, реализации взаимных действий в интересах тех общностей, позиции которых отстаивают участвующие в таком общении их представители.

Общение — многоплановый процесс, необходимый для организации контактов между людьми в ходе совместной деятельности, и в этом смысле относится к явлениям материальным. Но в ходе общения его участники обмениваются мыслями, намерениями, идеями, переживаниями, а не только своими физическими действиями или продуктами, результатами труда, фиксированными в материи.

Следовательно, общение способствует передаче, обмену, координации идеальных образований, существующих у индивида в виде представлений, восприятия, мышления и т.п.

Помимо рассмотренных, существуют и другие виды общения: интимное, ненасильственное, терапевтическое, криминогенное, а так же затрудненное.

Человек с детства учится общению и овладевает разными его видами в зависимости от среды обитания, от людей, с которыми взаимодействует, причем происходит это стихийно, на основе житейского опыта. В большинстве случаев такого опыта бывает недостаточно для овладения некоторыми профессиями (педагога, актера, диктора, следователя). Традиции овладения профессиональными особенностями общения связаны с обучением дипломатов. В настоящее время овладение правилами профессионального общения распространяется на такие профессии, как коммерсант, агент туристического бюро и др. Чтобы понять причины важности обучения профессиональным приемам общения, следует обратиться к тем трудностям, которые встречаются в процессе межличностных контактов.

Трудности общения могут быть рассмотрены с позиций различных отраслей психологии: общей, возрастной и педагогической, социальной, психологии труда, юридической и медицинской психологии индивидуальных различий.

Во время общения у его участников наблюдаются различные состояния, у каждого из них проявляются те или иные психические свойства личности.

Таким образом, стоя на позициях общей психологии, мы вправе не только исследовать типичные для всех нормальных людей фе-

номены общения, закономерности и механизмы его протекания, но и выявлять трудности общения, т.е. те характеристики психических процессов, состояний и свойств личности, которые, объединяясь, имеют своим следствием взаимодействие людей; не отвечающее критериям психологически оптимального общения.

А какое же общение считается психологически оптимальным? По нашему мнению, психологически оптимальное общение имеет место тогда, когда в нем осуществляются цели участвующих в нем людей в соответствии с мотивами, обуславливающими эти цели, и с помощью таких способов, которые не вызывают у партнеров чувства неудовлетворения.

При этом было бы ошибочно полагать, что психологически оптимальное общение — это непременно своеобразное слияние умов, чувств, воли его участников. Психологически оптимальным может быть и общение, в котором партнерам удается сохранить желаемую для каждого из них субъективную дистанцию.

Поскольку общение — это взаимодействие по крайней мере двух людей, то трудности при его протекании (имеются в виду субъективные) могут быть порождены одним участником или сразу обоими. И следствием их обычно оказывается полное или частичное недостижение цели, неудовлетворение побуждающего мотива или же неполучение желаемого результата в той деятельности, которую общение обслуживало.

Функции общения многообразны. Их можно выявить при сравнительном анализе общения человека с разными партнерами, в различных условиях, в зависимости от используемых средств и влияния на поведение и психику участников общения.

В системе взаимосвязей человека с другими людьми выделяют такие функции, как информационно-коммуникативная, регулятивно-коммуникативная и аффективно-коммуникативная.

Информационно-коммуникативная функция общения — это, по сути, передача и прием информации как некоего сообщения. В нем имеют место два составных элемента: текст (содержание сообщения) и отношение к нему человека (коммуникатора). Изменение доли и характера этих составляющих, т.е. текста и отношения к нему сообщающего, может существенно повлиять на характер восприятия сообщения, на степень его понимания и принятия, а следовательно, отразиться на процессе взаимодействия между людьми.

Информационно-коммуникативная функция общения хорошо представлена в известной модели Г.Лассуэлла, где в качестве структурных единиц выделяются такие звенья: коммуникатор (кто передает сообщение), содержание сообщения (что передается), канал (как передается), реципиент (кому передается). Эффективность передачи информации может выражаться степенью понимания человеком переданного сообщения, его принятия (отвер-

жения), включая новизну и актуальность информации для реципиента.

Регулятивно-коммуникативная функция общения направлена на организацию взаимодействия между людьми, а также на коррекцию человеком своей деятельности или состояния. Эта функция призвана соотносить мотивы, потребности, намерения, цели, задачи, предполагаемые способы деятельности участников взаимодействия, корректировать ход выполнения намеченных программ, регулировать деятельность. Общение здесь может быть нацелено на достижение сработанности, спаянности, установление волевого единства действий людей, объединенных как в малые контактные группы, так и большие общности (например, сработавшиеся бригады на производстве, сплоченные воинские подразделения и т. п.).

Показателем эффективности реализации этой функции общения служит степень удовлетворенности совместной деятельностью и общением, с одной стороны, и их результатами — с другой.

Аффективно-коммуникативная функция общения представляет собой процесс внесения изменений в состояние людей, что возможно и при специальном (целенаправленном), и при произвольном воздействии.

В первом случае сознание и эмоции изменяются под влиянием заражения (процесса передачи эмоционального состояния другими людьми), внушения или убеждения. Потребность человека в изменении своего состояния при произвольном воздействии проявляется у него как желание «выговориться», «излить душу» и т. п. Благодаря общению у человека меняется общий настрой, что соответствует информационной теории систем. Само общение может как усиливать, так и снижать степень психологического напряжения.

5.2. Характеристика делового общения

Специфика профессиональной деятельности специалистов в различных областях связана с умением психологически грамотно общаться с гражданами.

В социально-психологической литературе обычно используется понятие «деловое общение», направленное на обеспечение переговоров, ведения совещаний и официальной переписки, на высокую эффективность публичных выступлений. В конкретной профессиональной области деловое общение имеет свою специфику и называется профессиональным, а иногда служебным, должностным, уставным. Под ним понимается такой вид общения, который является нормативно одобренным, жестко регламентированным и функционирующим в какой-либо сфере для решения определенных задач.

Деловое общение в данном случае является родовым понятием по отношению к служебному. Оно может проявляться как в служебной, так и внеслужебной обстановке, например «встреча без галстуков». Что касается профессионального общения, то оно означает, на наш взгляд, прежде всего степень квалификации владения им.

Профессиональному общению присущ ряд признаков, в частности оно строго целенаправленно; регламентировано нормативными документами (положениями, приказами, уставами); носит функционально-ролевой характер, обусловленный необходимостью соблюдения этикета церемоний, процедур, что выражается в определенных правилах «игры», официальной одежде, профессиональной лексике, кастовости, замкнутости, общении в рамках определенных кругов и других элементов; позиционно оформлено, иерархично, субординационно, что отражается в эффекте «над» и «под», т. е. в отношениях между начальником и подчиненным; проявляется в определенных формах общения, стиле; атрибутивно (проходит в специальных помещениях, пространственно оформлено, предполагает соответствующую среду, мебель, оргтехнику, освещение, что создает оптимальную с точки зрения психологии обстановку).

В основе профессионального, как и всякого другого вида общения, лежит процесс передачи и приема сообщений. В качестве единицы общения выступает психологический контакт — акт коммуникации с обратной связью.

Общение, в ходе которого человек доверяет другому свои мысли о важных событиях, чувства, раскрывая те или иные интимные стороны своего внутреннего мира, называется доверительным. Оно определяется значимостью материала, раскрываемого собеседником о себе, и степенью доверия к партнеру. Доверительное общение без установления психологического контакта невозможно.

Признаками *доверительного общения* являются: прочность (устойчивость) психологического контакта; отсутствие формального психологического воздействия партнеров по общению и жесткости контроля в его процессе; уверенность партнеров в том, что доверенная ими друг другу информация не будет использована им во вред; готовность поделиться с партнером чем-либо сугубо личным (конфиденциальным), не опасаясь за последствия; искренность партнеров.

Служебное общение — это процесс взаимодействия, направленный на развитие и поддержание контактов и доверительных отношений в целях решения оперативно-служебных задач. В его содержание входят: изучение гражданина (восприятие и понимание его индивидуально-психологических особенностей), обмен информацией личностного и делового порядка. Проанализируем служеб-

ное общение на материале взаимодействия сотрудников ОВД с гражданами.

В ходе служебного общения приходится преодолевать недоверие, негативное отношение или противодействие со стороны последних. В этой связи необходимо учитывать определенные моменты: цели, задачи, функции, факторы и фазы беседы; приемы установления психологического контакта с гражданами; условия создания и поддержания доверительных отношений с конкретными гражданами; проявления различных субъективных позиций и тактик ролевого взаимодействия при решении оперативно-служебных задач.

Беседы в ходе служебного общения с гражданами в отличие от повседневных бесед характеризуются прежде всего своей целенаправленностью. В таблице 1 обозначены основные признаки, отличающие деловую беседу от повседневной.

Обычно выделяют такие фазы деловой беседы, как ее начало, передача информации, аргументирование, опровержение доводов собеседника, принятие решений.

Таблица 1

**Основные отличительные признаки деловой
и повседневной беседы**

Повседневная беседа	Деловая беседа
Происходит, как правило, случайно и без заранее поставленной цели	Планируется заранее и направлена на достижение определенной цели
Отличается большим разнообразием обсуждаемых тем (личные, социальные, политические аспекты и т.п.)	Число обсуждаемых тем обычно ограничено поставленной целью
Во время беседы часто переходят с одной темы на другую	В ходе беседы стараются придерживаться темы, обусловленной поставленной целью, но при обязательном поддержании психологического контакта и доверительных отношений
Имеет в основном информативно-эмоциональный характер и не связана с необходимостью принятия какого-либо решения	Связана с необходимостью сделать те или иные выводы на основе анализа мнений, высказываний и выработать соответствующие решения

На эффективность служебного общения влияют: субъективные факторы, связанные с личностными особенностями партнера; объективные факторы, связанные с индивидуально-психологическими особенностями партнера; ситуативно-обстановочные факторы, обусловленные ситуативными и содержательными аспектами служебного общения (нормальная или экстремальная обстановка, в которой предстоит общаться; первая или неоднократно повторяющаяся беседа; начало общения с обострением или без такового; общая (текущая) или актуальная тема беседы и т. п.).

В конечном счете результативность беседы зависит от таких обстоятельств, как личность сотрудника ОВД (его авторитетность, профессиональная и коммуникативная компетентность); тематика беседы, ее важность и значимость для гражданина; техника проведения беседы, от которой зависит ее эффективность; особенность личности гражданина, с которым проводится беседа (его типологические свойства, связанные с принадлежностью к той или иной социальной группе, индивидуальные особенности).

Тактика проведения беседы включает в себя определение ее конкретных целей, задач, плана, места и времени; создание обстановки доверия (интонация голоса сотрудника ОВД, дистанция между ним и гражданином, где, кто и как сидит и т. д.); умение слушать, задавать вопросы, держать инициативу в своих руках, придерживаться основной тематики, несмотря на попытки ухода гражданина от ответа на главные вопросы.

Установление психологического контакта с собеседником во многом обуславливается его личностными особенностями, в частности авторитетностью, базирующейся на фактах, единстве слов и дела, профессиональной компетентности; коммуникативной грамотностью (умение слушать, войти в положение другого, понять его, задавать вопросы, владение письменной и устной речью). Нередко для установления психологического контакта и доверительного общения необходимо получение и накопление информации о собеседнике (сильных и слабых чертах, целях, стремлениях), включение собеседника в общение, его согласие на вступление в беседу, использование различных стимулов (похвала), преодоление мотивов ухода от психологического контакта (нейтрализация установки собеседника на противодействие, введение в заблуждение и др.).

Учет и использование данных обстоятельств при установлении психологического контакта позволяет избежать как смысловых, так и эмоциональных «барьеров».

Абстрактного собеседника нет. Беседа проводится с человеком, находящимся в том или ином психическом состоянии.

Поэтому следует также иметь в виду, что в ходе беседы могут наблюдаться игнорирование мнения собеседника, эгоцентриче-

ское выпрашивание — односторонний интерес к информации, связанный с попытками найти у партнера понимание лишь собственных проблем (партнеру остаются неясными цели выпрашивания), поддакивание (реакция типа «угу», «да») на высказывания партнера, перефразирование — передача высказанных мыслей или чувств партнера собственными словами, рефлексия — передача высказанных мыслей или чувств партнера собственными словами с учетом наблюдений за его актуальным состоянием, вербализация — уточнение мыслей партнера для того, чтобы они стали более понятными, умаление личности собеседника (например, один из собеседников заявляет другому: «Ты видишь это в неправильном свете»), ролевая защита личности — сокрытие собственного самочувствия.

Между содержанием беседы и формой поведения существует противоречие (например, произносится общая фраза: «Я вас понимаю» — без расшифровки подробностей и действительного понимания).

При проведении беседы, например, консультанта с клиентом целесообразно придерживаться следующей технологии.

Технология ведения беседы. В ходе приема в основном говорит клиент; реплики, замечания, интерпретации консультанта должны быть по возможности более краткими и редкими. Каким бы молчаливым ни был консультант, он практически всегда рискует сказать что-то «лишнее», что может быть неправильно воспринято клиентом. Так, согласие консультанта с чем-то, выраженное словом «конечно», может стать для мнительного клиента основанием считать, что другие варианты поведения в данной ситуации заслуживают негативного отношения, реплика типа: «Почему вы так о себе говорите?» — может быть понята как выражение крайнего осуждения.

Приближение разговорной речи консультанта к языку клиента. Первым шагом на пути реализации этого требования является освобождение речи профессионала от слов и выражений, которые могут быть неправильно поняты или истолкованы собеседником во время приема.

Следующий шаг — максимальное использование консультантом тех слов и выражений, которые содержатся в речи клиента. Даже если с точки зрения здравого смысла они не совсем точны и удачны, с целью лучшего взаимопонимания и избежания возможного сопротивления клиента консультанту следует придерживаться словарного запаса первого.

Краткость и точность высказываний консультанта. Не следует пускаться в излишние объяснения, почему и как задается данный вопрос или обсуждается данная тема в ходе беседы. Если с клиентом установлен контакт, то многие вещи воспринимаются буквально «с полуслова».

Один из наиболее удобных типов вопросов в консультативном диалоге — краткие вопросы, в которых по возможности опущены все те слова, которые так или иначе могут быть поняты из общего контекста беседы. Такое сокращение вопросов и высказываний приводит к тому, что соотношение времени говорения увеличивается в пользу клиента. Краткие вопросы легче встраиваются в диалог и в итоге начинают восприниматься клиентом как собственная внутренняя речь.

Чаще всего цель вопросов и комментариев консультанта состоит в том, чтобы собрать дополнительную информацию. Чем более проективными, повествовательными и спонтанными будут ответы клиента, тем лучше.

Акцентирование эмоциональных переживаний. В том, что рассказывает клиент о себе и о других, можно условно выделить два плана. Первый — это оправдания, объяснения, логически выстроенные детали рассказа. Независимо от того, будет он к этому стремиться или нет, содержание этого плана направлено на то, чтобы доказать и проиллюстрировать мысли и оценки, которые не раз уже приходили клиенту в голову по поводу себя и окружающих людей. С точки зрения задач консультирования, понимания и анализа более глубоких мотивов поведения человека гораздо больший интерес представляет второй план — эмоции, чувства, переживания, связанные с ситуацией и отношениями. Объяснить, почему те или иные слова были сказаны в определенный момент, можно по-разному, но пережитые при этом чувства останутся неизменными, порожденными определенными факторами.

Эмоции всегда присутствуют в рассказе, причем как поверхностные, легко осознаваемые, так и глубокие, скрытые от самого рассказчика. Своеобразными «знаками» эмоций в речи являются прежде всего наречия и прилагательные, глаголы, обозначающие отношение к чему-либо, а также качество действия. Поясним это на примерах.

Использование парадоксальных вопросов. Общеизвестные истины типа: «грубить нехорошо», «родители всегда знают лучше, что нужно ребенку» — обычно служат надежным прикрытием для истинных чувств и переживаний клиента. Наиболее простой способ «борьбы» с такими высказываниями — поставить их под сомнение, заставить клиента задуматься над тем, что скрывается для него лично за подобного рода сентенциями. Формулировка подобного вопроса обычно довольно проста: «А почему бы и не...?» Многим людям требуется лишь небольшой толчок, для того чтобы начать размышлять на ранее не подвергавшуюся сомнению тему.

Уточняющие и углубляющие формулировки. В эту группу высказываний входят и уточняющие вопросы типа: «А в чем вы ощущали свою растерянность?» — и переформулирование сказанного: «Вы

чувствовали себя растерянной, т. е. у вас возникло чувство, что вы не понимаете происходящего?» — и реплики, углубляющие высказываемые клиентом чувства: «Вы потеряли ощущение, что вы кому-то нужны, что кто-то действительно заинтересован в вашем присутствии?» Использование подобных формулировок позволяет постепенно углублять рассказ клиента, переводить его от более поверхностных к более глубоким переживаниям.

Уточняя и переформулируя, консультант ни в коем случае не должен выходить за пределы очевидного для клиента, каждый шаг должен логично следовать из предыдущего.

Использование интерпретации. Значение интерпретации в процессе консультирования трудно переоценить. Образно говоря, беседу можно представить как путь в лабиринте, в котором для достижения цели необходимо двигаться не только в горизонтальной плоскости, но и опускаться на все более глубокий уровень. Интерпретация же при этом — прыжок в глубину, способ перевода диалога с одного уровня на другой.

Перефразировка. Идея этой техники очень проста: консультант, используя жалобу или замечания клиента, перефразирует, изменяет их таким образом, что то, что было негативным основанием для беспокойства и переживаний, становится причиной положительных эмоций, способных если не полностью снять негативные переживания, то в значительной мере уменьшить их значимость и интенсивность.

Определенную роль в понимании поведения человека играет анализ его *внешности*, создаваемого им имиджа. Внешность — это совокупность анатомических, функциональных и социальных признаков человека, доступных конкретно-чувственному анализу.

При восприятии нового для себя человека главное внимание субъект уделяет таким особенностям внешности, которые являются наиболее симптоматичными. Доминирующими элементами человеческого лица как комплексного раздражителя являются волосы (прическа) и глаза.

Однако при опознании людей в качестве симптома (отличительного признака) может выступать любой из компонентов внешности, который наиболее ярко выделяет конкретного человека из ряда других. В данном случае речь идет о так называемых особых приметах.

Познание личности на основании объяснения ее внешности осуществляется с помощью следующих способов:

— *аналитический* — каждый из элементов внешности связывается с конкретными психологическими свойствами личности (например, плотно сжатые губы могут свидетельствовать о высоком уровне волевого развития личности);

— *эмоциональный* — качество личности определяется в зависимости от эстетической привлекательности ее внешности;

— *перцептивно-ассоциативный* — субъекту приписываются качества другого, внешне похожего на него человека;

— *социально-ассоциативный* — человеку приписываются качества того социального типа, к которому он отнесен на основе восприятия его внешности.

Содержание восприятия зависит от характеристик как субъекта, так и объекта восприятия. Дело в том, что всякое восприятие в то же время есть и определенное взаимодействие участников этого процесса, которое имеет две стороны: оценивание друг друга и изменение каких-то характеристик, свойств. Каждый из участников общения, оценивая другого, стремится построить определенную систему объяснения его поведения. Но при этом восприятие внешности человека зависит в первую очередь от общего отношения субъекта к воспринимаемому. В случае кратковременных контактов первое впечатление и мнение о человеке, составленное на основе восприятия его внешности, часто является решающим. Большую роль здесь играет и децентрация — анализ поступков объекта восприятия, образа человека на основе рассуждений как бы «за него».

В повседневной жизни люди часто не знают действительных причин поведения других лиц или знают их недостаточно. Поэтому они приписывают друг другу причины поведения. Это осуществляется либо на основе сходства поведения воспринимаемого лица с поведением какого-то другого человека, либо на основе анализа предполагаемых в аналогичной ситуации собственных мотивов. Во многом приписывание зависит от установки человека, которая влияет на формирование первого впечатления о незнакомой личности. В частности, на этой основе создаются «ходячие представления» относительно связи анатомических и функциональных характеристик внешности личности и ее психологических свойств. В науке этот эффект получил название каузальной атрибуции.

На восприятие и понимание другого человека оказывают влияние социальная дистанция между людьми и их чувствами. Положительные чувства способствуют идентификации, познанию людьми друг друга, установлению контакта между ними, отрицательные противодействуют всему этому.

В ходе проведенных исследований выявлена зависимость восприятия человеком других людей от их возрастных, половых, профессиональных и других особенностей.

Понятие «портрет» широко используется в юридической теории и практике правоохранительной деятельности для обозначения некоторой совокупности информации о том или ином лице.

По способу получения данных о лицах различают:
— объективный портрет, базирующийся на документальных, фактических, достоверных данных;

— субъективный портрет, составляемый на основе личных впечатлений других лиц.

По форме выражения портреты подразделяются на следующие:

— образный, выраженный в наглядной (фотографии, рисунки, фоторобот и др.) или иной изобразительной форме;

— формализованный, выраженный в цифровых данных или иных закодированных, символических знаках;

— выраженный в словах (устно или письменно);

— мысленный, т.е. существующее в сознании сотрудника представление о конкретном человеке.

По содержанию отраженных в портрете сведений о личности выделяют социально-демографический портрет, внешний портрет, внутренний, или психологический, портрет.

Целесообразно различать *индивидуальный (личный)* и *групповой* портреты.

Наиболее широко используются словесный и образный портреты. Для правоохранительной деятельности также имеет значение и психологический портрет. Он помогает существенно обогатить информацию о лицах и группах, представляющих оперативную-служебный интерес, за счет раскрытия их внутренней природы.

Под психологическим портретом понимается целостный, систематизированный, избирательный, но достаточно объективный комплекс сведений о психологии лиц (групп).

Темы для обсуждения

1. Понятие и классификация социальных отношений. Структура отношений.

2. Взаимосвязь социальных отношений и общения.

3. Различные точки зрения на структуру общения. Содержание, формы и механизмы общения.

4. Виды, функции и трудности общения.

5. Речевые и неречевые средства общения.

6. Сущность деформации социальных отношений, причины их возникновения.

7. Характеристика различных видов деформации социальных отношений.

8. Взаимосвязь деформации социальных отношений и институтов.

9. Формы проявления деформации социальных отношений.

Рекомендуемая литература

Андреева Г.М. Социальная психология. — М., 2000.

Азеев В.С. Межгрупповое взаимодействие. — М., 1994.

Бодаев А.А. Психология межличностного общения. — Рязань, 1994.

Большаков В.Ю. Психотренинг. — СПб., 1994.

- Горелов И., Енгальчев В. Безмолвный мысли знак. — М., 1991.
- Макшианов С.И., Хрящева Н.Ю., Сидоренко Е.В. Психогимнастика в тренинге. — СПб., 1993.
- Пиз А. Язык жестов. — М., 1992.
- Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных. — Рязань, 1993.
- Сухов А.Н. Преодоление деформаций как условие развития личности и общностей // Безопасность: Сб. — М., 1993. — № 6.
- Шепель В.М. Секреты личного обаяния. — М., 1994.

Глава 6. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩНОСТЕЙ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

6.1. Понятие и виды общностей и социальных институтов

В недалеком прошлом методология изучения общностей сводилась к следующему: при их исследовании обязательно исходили из классового, партийного подхода; психологизирование природы общностей считалось недопустимым; проблеме коллектива придавалось приоритетное значение, причем акцент ставился на роли больших социальных групп, т.е. классов.

История показала, что психологию общностей нельзя сводить только к классовой структуре общества, а все многообразие объединений — к коллективам. Тем не менее это не означает, что нужно полностью отрицать данное обстоятельство. Крайности — не союзник истины, а ее враг.

Общность — это понятие, используемое для обозначения сходства, единства элементов, составляющих целое.

Если более детально оценивать рассматриваемое социально-психологическое явление, то можно сказать, что под общностью понимается группа людей, объединенных устойчивыми социальными признаками, в качестве которых выступают общие цели, интересы, условия жизнедеятельности, возраст, пол, принадлежность группы к единой культуре, религии, образ, качество и стиль жизни, социальный статус, отношение к собственности.

Таким образом, *социальная общность — это совокупность людей, которая характеризуется условиями их жизнедеятельности, общими для данной группы; принадлежностью к исторически сложившимся территориальным, культурным, религиозным, профессиональным образованиям, к тем или иным социальным организациям и институтам.*

Социально-психологической основой общности являются понятия «мы» и «они». «Мы» — это универсальная психологическая

форма самосознания всякой общности людей. «Мы» всегда противопоставляется понятию «они». Особенно рельефно разделение общества с позиции «мы» и «они» происходит в условиях социальной напряженности. Понятие «общность» неразрывно связано с понятием «группа», конкретным ее проявлением.

Выделяют следующие *виды общностей* (групп): малые неформальные; большие социальные — классы, нации, социальные организации, институты, профессиональные, организованные группы (политические партии); массы и массовые движения.

Такой подход к классификации групп характерен для западной социальной психологии. Однако он несколько схематичен и не учитывает промежуточные группы, реальную стратификацию общества, градацию социальных организаций. Каждая общность требует своей теории: малые — одной, средние — другой, большие — третьей. Раскрывая социально-психологическую сущность понятия «общность», нельзя пройти мимо проблемы, именуемой «община». Последняя — типичный пример общности.

Признаками общины являются кровное родство, соседство и дружба.

Вследствие «разрыхления» и ослабления общинных форм связи для общества стали характерными более «холодные» отношения между индивидами. В настоящее время дихотомия общины и общества воспроизводится в связи с различием «традиционного» и «современного» общества.

Интерес к проблеме «община» имеет исторические корни. Дело в том, что в жизни древнерусской деревни большую роль играла община — мир, вервь (от слова «веревка», которой измеряли землю при разделах).

К моменту образования государства у восточных славян на смену родовой общине пришла территориальная (соседская) община. Каждая община владела определенной территорией, на которой жили несколько семей. Все владения общины делились на общественные и личные.

После 1861 г. община стала выполнять двоякую функцию: фискально-земельную и функцию демократического самоуправления, регулятора специфического уклада, образа жизни, так называемой «народной педагогики». Дискуссия вокруг понятия «община» продолжается. Одни, развивая идеи П. А. Столыпина, утверждают, что община изжила себя, другие, напротив, предрекают ей большое будущее. Как бы там ни было, но в России возрождается, например, казачество. Во многих отношениях его образ жизни носит общинный характер. Более того, в ряде современных развитых стран элементы общины на уровне самоуправления продолжают не только сохраняться, но и с успехом развиваться.

На Западе большое внимание уделяется поселенческим общностям, в основном проблеме урбанизации, городской экологии.

В городах имеются следующие основные зоны: центральный деловой район; смешанная зона; рабочий район; жилая зона; привилегированная зона; сельскохозяйственные районы; районы, удаленные от города.

В отечественной социальной психологии группы ранжировались в ином порядке. На первом месте — массы, на последнем — малые группы. Детальный подход к классификации групп позволяет выделить более тонкий их спектр с точки зрения социального положения и величины — большие, средние и малые; с позиции объективизации — условные (путем абстрагирования, например, в статистических целях) и реальные; с точки зрения официальной регламентации — официальные (т. е. те, в которых положение и поведение членов юридически строго определено) и неофициальные; с позиции авторитета — референтные (эталонные, реальные или воображаемые группы, на признание которых претендует личность и чьи нормы поведения она принимает в качестве образца поведения); с точки зрения уровня развития — диффузные группы, ассоциации, корпорации и коллективы.

Если в начале своего становления отечественная социальная психология изучала общность на всех уровнях, то в советский период — в основном на микроуровне. При этом в качестве методологии исследования выступали два подхода: идеологический (классовый) и деятельностный.

Между тем реальный, а не надуманный теоретический подход к исследованию групп связан с определенной и конкретной концепцией социальных групп и с организованным подходом — строительством социальных организаций (некоторые элементы его использовались отечественными социальными психологами, но в измененной терминологической форме).

Учеными разработана стратометрическая концепция коллектива (иногда под термином «психологическая теория коллектива» имеют в виду только эту концепцию). В качестве критериев развития группы берутся, во-первых, степень опосредования межличностных отношений в группе содержанием совместной деятельности и, во-вторых, общественная значимость последней, т. е. уровень ее позитивности — негативности с точки зрения общественного прогресса. Исходя из данных критериев развитие группы рассматривается как движение в своеобразном континууме, положительным и отрицательным полюсами которого являются соответственно коллектив (высокие показатели по обоим критериям) и корпорация (высокий позитивный показатель по первому и высокий негативный показатель по второму критерию). В центральной точке располагается так называемая диффузная группа — общность, в которой отсутствует совместная деятельность, иными словами, группа с минимальным уровнем психологического развития.

Промежуточное положение между диффузной группой и полюсами континуума занимают соответственно просоциальная и асоциальная ассоциации — группы с низкой степенью опосредования межличностных отношений совместной деятельностью.

Близким к предыдущему как по исходным теоретическим позициям, так и по ряду выделяемых при этом этапов оказывается параметрический подход к исследованию группы, предложенный Л. И. Уманским, представляющий собой вторую модель коллективообразования. В основе этой концептуальной схемы лежит представление о социально-психологических параметрах группы, являющихся своеобразными критериями (отличительными признаками) ее развития как коллектива. К числу таких параметров, в частности, относятся: содержание нравственной направленности группы — интегративное единство ее целей, мотивов, ценностных ориентаций; организационное единство группы; групповая подготовленность к той или иной сфере деятельности; психологическое единство — интеллектуальная, эмоциональная, волевая коммуникативность, характеризующая соответственно процесс межличностного познания и взаимопонимания в группе, межличностные контакты эмоционального характера, стрессоустойчивость и надежность группы в экстремальных ситуациях.

В целом две описанные модели коллективообразования базируются на непсихологической, по сути, посылке о существовании коллектива как группы высшего уровня развития, в первую очередь связанной с социальным статусом, социальной оценкой данной группы. Это обуславливает заведомо положительную характеристику всех процессов, протекающих в коллективах, и результатов психологического анализа жизнедеятельности группы. Такая серьезная ограниченность данных концепций привела к содержательному их обеднению при решении вопроса о связи социальной позиции, социального статуса группы и специфики протекания социально-психологических процессов.

Во многом названные подходы явились «жертвоприношением» господствующей идеологии. Они вводили от исследования реальных общностей — этнических, религиозных и др. В результате в отечественной социальной психологии образовались «белые пятна», обусловленные отсутствием исследований профессиональных, криминальных групп, бездомных, безработных, эмигрантов, беженцев и иных общностей.

Классификация общностей не будет полной, если не указать на такой их признак, как конспиративность целей и деятельности. С учетом этого можно выделить следующие общности: движения сопротивления (партизанские, национальные, антифашистские, городское подполье и т. д.); криминальные (мафия, террористические организации); так называемые тайные движения.

Последние в отечественной социальной психологии еще не были в качестве объекта изучения, хотя интерес к ним чрезвычайно высок. С позиции социальной психологии «тайные» движения неоднородны по своим целям и структуре. История подобных движений — тема для отдельного разговора. Однако в данном случае важны следующие обстоятельства: иерархия ордена или ложи (ролевая, статусная структура), процедура приема новых членов в общество (орден, ложу), система связи между членами общества, норма поведения членов общества.

Данного типа общества окутаны ореолом таинственности и секретности. С ними связаны многие политические спекуляции, но ясно одно: судьба человечества неотделима от тайных обществ, влияние которых трудно переоценить.

В настоящее время появилось множество клубных образований. Они также должны стать объектом изучения социальной психологии. Близким по своему содержанию являются понятия «общность» и «социальный институт», которые, несмотря на схожесть, все же различаются между собой.

Социальный институт — это устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, ценностей, норм, установок, регулирующих функционирование официальных организаций и социальных групп и образующих социальную систему.

Внешне социальный институт выглядит как совокупность лиц, учреждений, снабженных определенными средствами и осуществляющих конкретную социальную функцию. С содержательной стороны — это набор целесообразно ориентированных стандартов поведения определенных лиц в конкретных условиях. Данные стандарты поведения воплощаются в социальных ролях, характерных для какой-либо социальной системы. Иначе говоря, это совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения социальных потребностей. В качестве последних выступают коммуникация в обществе, производство товаров и услуг, их распределение, безопасность (защита членов общества от угроз), воспроизводство членов общества, социальный контроль. Эти потребности достижимы только путем создания социальных институтов.

Осуществляя свои функции, социальные институты поощряют действия входящих в них лиц, согласующихся с соответствующими стандартами поведения, и подавляют отклонения от требований этих стандартов, т. е. осуществляют социальный контроль.

Традиционно социальные институты рассматриваются в рамках социологии. Однако образующие их природу характеристики на самом деле являются социально-психологическими.

Социальные институты подразделяются на следующие группы: — регуляционные, определяющие ролевую структуру общества по самым разным основаниям — от пола и возраста до конкретных видов занятий;

— регулятивные, устанавливающие допустимые рамки поведения и санкции, карающие за выход из этих рамок;

— культурные, связанные с искусством, и др.;

— интегративные, сопряженные с ответственностью за обеспечение социальной общности как целого.

Более конкретная классификация социальных институтов выглядит таким образом:

— политические, обеспечивающие установление и поддержание политической власти;

— экономические, содействующие развитию производства;

— социально-культурные;

— институты науки и др.

Социальные институты осуществляют следующие функции: воспроизводство членов общества, социализация, производство и распределение, соблюдение порядка, поддержание стабильности и согласия. При возникновении определенных условий социальные институты могут выполнять не позитивные функции, а негативные, т. е. дисфункции.

Общности и социальные институты нельзя рассматривать только в статике, поскольку типичным их признаком является мобильность.

Однако динамику общностей не следует сводить к механизмам группообразования: внушаемости, идентификации, аффилиации и др.

Мобильность общностей включает в себя их количественно-качественные изменения. Трансформация общностей происходит по всем направлениям: в определенных ситуациях меняются количественный состав групп, структура, цели, психологические состояния, статус, характер деятельности. Преобразования затрагивают практически все общности: малые группы, этнические и религиозные общности, различные виды толпы, участников митингов и демонстраций, социальные слои (предпринимателей, безработных и т. п.).

Таким образом, миф о статичности общностей должен быть нарушен: одни общности возникают, другие возрождаются (например, казачество, предпринимательство), третьи стихийно или под силовым воздействием уходят с политической или общественной сцены (отдельные партии, конкретные движения, элитарные группы и даже целые этносы).

Выделяются следующие виды мобильности: вертикальная или горизонтальная (вертикальная мобильность — это изменение социального положения индивида, которое сопровождается повышением или понижением его статуса, горизонтальная мобильность означает изменение социального положения индивида, которое не приводит к повышению или понижению его статуса), реорганизация социальной структуры, новая система стратификации.

Последствия мобильности общностей не изучены. Миграционные процессы по своим последствиям весьма значительны. Развал Советского Союза породил новый вид общностей — беженцы. Не преодолены последствия и насильственного переселения целых народов. Острой остается проблема эмигрантов. За пределами России остались русскоязычные общности, чьи проблемы носят не только политико-экономический, но и социально-психологический характер.

В связи с мобильностью общества его стратификация динамична. Изменчива и классификация общностей. Вместе с тем для каждого типа государства, экономики и общества характерна типичная стратификация, следовательно, и структура общностей и социальных институтов.

6.2. Социально-психологическая характеристика стратификации общества. Образ, качество и стиль жизни

Слово «страт» означает общественный слой, т.е. какую-либо общность, социальную группу. Вне стратификации (от лат. *stratum* — слой; учение о структуре общностей и общества в целом) природу общностей понять нельзя. Основы современного подхода к изучению социальной стратификации были заложены М. Вебером, который рассматривал социальную структуру общества как многомерную систему, где наряду с классами и порождающими их отношениями собственности важное место принадлежит статусу. Он считал, что в основе стратификации лежат имущественное неравенство, престиж, доступ к власти.

Наиболее разработанной является функциональная концепция социальной стратификации. С точки зрения данной теории *стратификационная система общества представляет собой дифференциацию социальных ролей и позиций*. Она обусловлена разделением труда и социальной дифференциацией различных групп, а также системой ценностей и культурных стандартов, определяющих значимость той или иной деятельности и узаконивающих социальное неравенство.

По мнению Т. Парсонса, универсальными критериями социальной стратификации являются: качество (предписывание индивиду определенной характеристики, например компетентности), исполнение (оценка деятельности индивида в сравнении с деятельностью других людей), обладание материальными ценностями, талантом, культурными ресурсами.

Б. Барбер в качестве показателей стратификации выделил престиж профессии, ранжирование по степени власти и могущества, образование (знание), религиозную (ритуальную) чистоту, распределение по родственным и этническим группам.

Сложилось три различных подхода к изучению социальной стратификации: «самооценочный», или метод классовой идентификации; метод оценки репутации (в качестве примера можно привести такой факт из биографии нашей страны: в недалеком прошлом было выгодно иметь рабоче-крестьянское происхождение, но с наступлением других времен люди стали отыскивать корни своего аристократического происхождения); объективный, основанный на учете престижа профессии, уровня образования и дохода. При этом используется семиклассовая вертикальная стратификация: высший класс профессионалов; технические специалисты среднего уровня; коммерческий класс; мелкая буржуазия; техники и рабочие, осуществляющие руководящие функции; квалифицированные рабочие; неквалифицированные рабочие.

Социальная стратификация находится не только в статике, но и в динамике. Социальная мобильность и социальная стратификация — две стороны одной медали. Общественная стабильность обеспечивается за счет состояния социальной структуры: наличия набора определенных стратов, скажем, среднего класса, и состояния каждого из них, например количества безработных.

Революция связана с изменением социальной стратификации: одни страты исчезают, другие занимают их место. Причем революция придает этому процессу «повальный» характер. Так, после революции 1917 г. были ликвидированы как классы буржуазия, аристократия, казачество, кулачество, духовенство и пр.

Уничтожение слоев и классов сопровождается изменениями в укладе жизни. Каждый страт является носителем определенных социальных (культурных, нравственных и др.) отношений, стандартов и образа жизни. При резкой и всеохватывающей смене стратификации общество оказывается в маргинальном (от лат. *margo* — край; промежуточный), крайне неустойчивом состоянии.

В отечественной социальной психологии долгое время господствовал классовый подход к определению структуры общества. Класс — большая социальная группа, отличающаяся от других возможностью доступа к общественному богатству (распределению благ), власти, социальному престижу. В основе социально-психологических характеристик классов лежат их социальные потребности, интересы, качество, образ и стиль жизни. Главный недостаток классового подхода заключается в том, что он не отражает реальную стратификацию, поскольку определяет социальную дифференциацию на основе учета только двух показателей: общественного разделения труда и частной собственности на средства производства.

Стратификация существовала всегда. В России родовая община делилась на родоплеменную знать, свободных общинников и зависимых членов. Затем постепенно стали складываться сословия. Они представляли собой социальные группы, различающиеся

не только по своему фактическому положению в обществе, но и по занимаемому юридическому месту в государстве. Принадлежность к тому или иному сословию считалась наследственной, однако этот факт соблюдался не строго, в отличие от безусловного выполнения кастовых норм. К высшим сословиям относились дворянство и духовенство. Реальная социальная дифференциация никогда не сводилась только к таким классам, как рабочие, крестьяне и интеллигенция.

В тоталитарном государстве при планово-распределительной экономике реальным стратообразующим признаком выступает близость к распределению фондов, дефицита. В связи с этим стратификация складывается из следующих слоев: номенклатура, торговые работники и т. д.

Для того чтобы попасть в номенклатуру, т. е. «обойму», элиту и получить пожизненный высокий статус, нужно было быть пионером, членом комсомола, партии, соблюдать определенный этикет и иметь связи. Однако стратификация имела не только корпоративно-ведомственный, но и территориальный характер. Водораздел складывается между людьми в зависимости от того, где проживал человек — в столице, провинциальном городе или в деревне. Что касается так называемых «деклассированных» элементов, бродяг, то они были и в то же время их как бы не было. Во всяком случае статистика эти страты не учитывала.

Деформированная стратификация стала складываться и после либерализации цен в стране. В условиях рынка дифференциация общества неизбежна, но тот характер, который она приобрела сразу после начала реформ, иначе как угрожающим фактором назвать нельзя. С одной стороны, образовался слой имеющих слишком высокие доходы, с другой — обнищавшее население: люмпены, безработные. Возникло резкое расслоение по материальному признаку. Разница между слоями достигла колоссального размера. При этом утратили свое значение такие признаки, как образование, компетентность. Процесс стратификации приобрел уродливый, во многом криминальный характер. Не имея стартовых возможностей, честные люди были отсечены от бизнеса. Что же касается номенклатуры и бывших правонарушителей, имевших стартовый капитал, то они оказались в более выгодном положении. Средний класс состоятельных людей так и не был создан.

Деформированная стратификация сложилась не только в обществе, но и в армии, и в преступных общностях (впрочем, здесь она существовала всегда). В армии такая стратификация получила название «дедовщина», «неуставные отношения», суть которых — издевательство старослужащих («дедов») над «молодыми».

Стратификация в преступной среде, т. е. кастовое различие людей и наделение их в соответствии с этим строго определенными правами и обязанностями, — одно из главных проявлений

преступной субкультуры. В молодежной преступной среде она предполагает:

- жесткое деление на «своих» и «чужих», а «своих» — от «верхов» до «низов»;

- социальное клеймение: обозначение принадлежности к «элите» определенными символами (кличками и т.п.);

- затрудненную мобильность вверх и облегченную мобильность вниз (смена статусов с низших на высшие затруднена и наоборот);

- обоснование мобильности вверх — усиленное прохождение испытаний или поручительство «авторитета», мобильности вниз — нарушение «законов» уголовного мира;

- авторитарность и строгую субординацию в отношении «верхов» и «низов», беспощадную эксплуатацию и притеснение «верхами» «своих», стоящих ниже на лестнице;

- автономность существования каждой касты, затрудненность, даже невозможность дружеских контактов между «низам» и «элитой» из-за угроз остракизма для лиц из «элиты», согласившихся на такие контакты;

- наличие у «элиты» уголовного мира своих «законов», системы ценностей, табу, привилегий;

- устойчивость статуса: попытки лиц из «низов» от него избавиться сурово наказываются, так же как и попытки пользоваться в уголовном мире привилегиями не по статусу.

Стратификация в среде осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, представляет собой размежевание этих лиц на несколько категорий или «мастей». Представители каждой из них отличаются по статусу, выполняемым ролям, объему «неформальной власти», характеру обязанностей, материально-бытовым «льготам». Здесь имеются как привилегированные категории и группы осужденных, так и те, которые находятся в положении «опущенных, пренебрегаемых». В исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) существует четко выраженная градация, табель о рангах среди осужденных. Самое высокое место на иерархической лестнице принадлежит так называемым «ворам в законе» и «авторитетам» («козырные фраера», «свояки» и др.). Степень «авторитетности» определяется наличием комплекса личностных качеств, обеспечивающих лидирующее положение в группе. Этот комплекс включает в себя ум, смелость, общительность, способность устанавливать связи и поддерживать контакты, умение постоять за себя и располагать к себе, не быть хвастливым, держать в зависимости других, совершать определенного рода преступления, не иметь компрометирующих связей. Но не сами по себе эти свойства, а их соответствие нормам, стереотипам обеспечивает лидирующее положение, т. е. нужен некий образ, отвечающий требованиям преступных законов.

Помимо названных представителей высшей касты в среде осужденных существуют и такие, как «шерстяные» (лица, претендующие на роль лидеров); «мужики» (работяги); «стукачи» — осужденные, неофициально сотрудничающие с администрацией; «фуфлыжники» — неплатежеспособные должники; «крысятники» — лица, уличенные в краже личного имущества осужденных; «обиженные» разных мастей — категория изгоев (например, пассивные гомосексуалисты), отвергаемых основной массой осужденных за грубое нарушение норм, принятых в этой среде, и подвергаемых различным притеснениям.

В соответствии со стереотипами производится разделение осужденных на «своих» и «чужих». К «своим» относят «путёвых», придерживающихся «воровских законов», а также тех сотрудников колонии, которые состоят с осужденными в недозволенных связях, морально неустойчивых, к «чужим» — активистов из числа «опущенных» и честных, принципиальных работников ИТУ.

Статусно-ролевая структура проявляется не только в привилегиях, но и во внешности, в особенности одежды, манере говорить, ходить и пр.

Каждая страта характеризуется определенным *образом жизни* — устоявшимися типичными формами жизнедеятельности личности и общностей, иначе говоря, привычками, традициями, стереотипами поведения.

Образ жизни определяется через «черты». В частности, советский образ жизни характеризовали такие «черты», как оптимизм, коллективизм, здоровье и т. д. Буржуазный образ жизни клеймили, приклеив ему ярлык индивидуализма, алчности и «чистогана».

Существуют различные виды образа жизни:

— здоровый, который предполагает правильное питание, соблюдение гигиенических норм, наличие психологически комфортных условий на работе и в быту, занятие спортом, упорядоченный отдых, избежание стресса, крепкий сон, минимальное употребление алкоголя;

— нравственно здоровый, отвечающий содержанию основных ценностей жизни и культуры;

— замкнутый, аскетический, предполагающий постоянную заботу о спасении души и спартанскую скромность;

— богемный, связанный с нестрогим соблюдением повседневных норм общения;

— «студенческий», ассоциирующийся с беззаботностью и легким отношением к жизни.

Перечень этих видов можно продолжить и по совершенно иным основаниям. Дело в том, что сколько разновидностей общностей — столько и видов образа жизни. В соответствии с этим есть такие его виды, как армейский, городской, сельский, монашеский, сектантский, курортный, а также образ жизни бродяг, инвали-

дов, «золотой молодежи», номенклатуры, «белых воротничков», торговых работников, преступников и т.п.

Описанию различных видов образа жизни посвящены многие произведения художественной литературы. Гораздо меньше имеется социально-психологических работ по этой проблематике, к тому же и качество их невысокое. Они не опираются на результаты длительных наблюдений, не пролонгированны.

В качестве исключения, наверное, следует напомнить лишь случай, связанный с наблюдением за типичной английской семьей Хулиген.

После продолжительного наблюдения был сделан вывод, что это — не типично благополучная, а типично неблагополучная семья, где часты драки, скандалы, тщательно скрываемые от окружающих. Изучение устоявшихся форм жизнедеятельности этой семьи позволило выявить ее сущность, а фамилия Хулиген стала нарицательной и обозначает определенные действия и образ жизни.

Образ жизни включает в себя такой компонент, как:

— аксиологический (ценностный, нормативный), означающий ориентацию на соблюдение неких правил поведения. Например, советский образ жизни держался за счет слепой веры в правильность проводимой политики, превосходство строя, наделения власти правом распоряжаться судьбой страны и каждого человека. На основе этих принципов и обеспечивалось национальное согласие. Резкий отказ от них привел к духовному кризису целых поколений. В связи с этим еще раз следует подчеркнуть, что здесь возможна только конвергенция ценностей, компромисс, учитывающий такие психологические аспекты, как:

— поведенческий, выражающийся в привычках, устойчивых способах реагирования на различные социальные ситуации;

— когнитивный, связанный с содержанием картин мира, познавательных стереотипов;

— коммуникативный, обусловленный включенностью человека в систему социальных связей, а также состоянием активного словарного запаса различных социальных групп, их тезаурусом (от греч. *thesauros* — запас; словарный запас; понятийный аппарат), лексикой, стилистикой, жаргоном, профессионализмом, особой терминологией, произношением.

Итак, в основе того или иного образа жизни лежат: определенная система социально-культурных ценностей, приоритетов, предпочтений; картины мира, понимание нормы; круг общения, интересы, потребности и способы их удовлетворения; социальные стереотипы, привычки.

Проблема социального образа жизни и социально-психологическая типология людей тесно взаимосвязаны между собой. Классифицировать людей пытаются по разным основаниям. Социаль-

но-психологический подход к типологии людей отличается от типологии, основанной на учете индивидуальных различий. С позиции социально-психологического подхода имеют значение нормативная сторона образа жизни и ожидания, образующиеся в связи с этим, статус, занимаемый личностью, и ее ролевое поведение. Как известно, личность может занять определенный статус лишь в том случае, если ее поведение будет соответствовать ожиданиям.

Наиболее яркими примерами этого являются фамилии героев произведений М. А. Булгакова, ставшие нарицательными именами, например Шариков, Швондер. Эти типы соответствовали ожиданиям классовой идеологии так называемой пролетарской культуры. Образ жизни — существенная характеристика не только отдельных социальных групп, но и целых поколений. Это временная, конкретно-историческая характеристика. Не случайно говорят о представителях различных групп, живших в одно и то же время, как о единой общности, например о «шестидесятниках». За этим стоит отрезок жизни нации.

С нравственной точки зрения представляет интерес уклад жизни, получивший название «домострой». Он диссонирует с современным, урбанизированным образом жизни, но весьма поучителен и полезен. Консервативный образ жизни не самый худший, о чем свидетельствует история Англии.

Была попытка обосновать существование советского образа жизни, в основе которого лежит коллективизм и т. п. В настоящее время он иронично называется «совковым», казарменным. Есть суждения о том, что советский образ жизни — очередной миф. Можно критиковать его, не соглашаясь с теми его сторонами, которые сформировались в условиях коммунальных квартир, общежитий, оторванных бездорожьем от всего мира деревень, но утверждать, что советского образа жизни вообще не было или наделять его только одними негативными характеристиками, нельзя.

На образ жизни конкретных социальных групп всегда оказывают влияние этнопсихологические особенности. С этой точки зрения для России характерен не индивидуальный, а общинный образ жизни. С этим нельзя не считаться. П. А. Столыпин первым предпринял попытку разрушить этот образ жизни, который экономически далеко не всегда эффективен.

Начавшиеся в 1991 г. реформы изменили содержание образа жизни целого поколения. Они придали ему динамизм, новый смысл. Сформировавшийся образ жизни предпринимательских кругов нередко мало чем напоминает образ жизни русских купцов, благотворительную деятельность Саввы Морозова или культурно-просветительскую деятельность С. Мамонтова и П. Третьякова. Во многом он оказался криминализированным, основанным на преступной этике.

Преступный образ жизни — образ жизни преступных общностей, опирающийся на субкультуру. Он не является универсальным. Каждой преступной группе, категории правонарушителей свойствен свой образ жизни. Его отличительными чертами в одних случаях выступают конспиративность, иерархичность отношений, в других — демонстративная роскошь, культ силы.

Образ жизни нельзя представить без ее *качества*. В отечественной литературе вместо этого понятия употребляется понятие «уровень жизни». «Качество жизни» характеризуется содержанием питания, обеспечением здоровья, образования, жилищных условий, средствами удовлетворения духовных потребностей, товарами длительного пользования, транспортным обслуживанием, криминальной безопасностью и др.

Как видно, уровень и качество жизни далеко не одно и то же. Уровень жизни фиксируют только соотношения доходов и расходов, качество жизни — тонкий и чувствительный интегральный индикатор, учитывающий, например, такие признаки, как живет ли человек в престижном районе или нет, пользуется ли общественным транспортом или личным, питается ли экологически чистыми продуктами питания или токсичными, имеет ли доступ к культурным ценностям или нет и т. п.

Стиль жизни — не менее существенная социально-психологическая характеристика. Обычно под ней подразумевают доминирующий вид деятельности и его основные особенности, и потому говорят о деловом, творческом стиле жизни и пр. Вместе с тем стиль жизни образуется из таких поступков и предметов собственности, которые истолковываются как символы положения, занимаемого личностью в той или иной стратификационной структуре. Иными словами, это «заметное потребление». О подобном понимании стиля жизни говорят факты, характеризующие многочисленные презентации народившихся российских предпринимателей, и поведение некоторых представителей преступного мира.

В то же время стиль жизни во многом связан с когнитивной сферой человека, сформировавшимися картинками мира, стереотипами, индивидуальными различиями.

Темы для обсуждения

1. Социально-психологические признаки общностей.
2. Современное понимание общностей.
3. Классификация общностей.
4. Понятие и классификация социальных институтов.
5. Социально-психологический аспект социальных институтов.
6. Социально-психологический подход к социальной стратификации и мобильности.
7. Социально-психологические изменения стратификации.

8. Социально-психологические проблемы образа жизни. Типологизация образа жизни.
9. Понятие и социально-психологические показатели качества жизни.
10. Социально-психологические критерии определения стилей жизни.
11. Социально-психологические проблемы формирования гражданского общества.

Рекомендуемая литература

- Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 1994.
- Андрюченко Е. В. Социальная психология. — М., 2001.
- Комаров С. В. Введение в социологию. — М., 1994.
- Образ жизни. — Киев, 1980.
- Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества. — М., 1987.
- Толстых В. И. Образ жизни. — М., 1975.
- Стиль работы и образ жизни руководителя. — М., 1975.
- Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.
- Социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 2002.
- Хрестоматия по социальной психологии. — М., 1994.
- Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. — М., 1994. — № 6.

Глава 7. МАЛЫЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ГРУППЫ, ИХ СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

7.1. Понятие и виды малых неформальных групп

Исследования малых неформальных групп имеют давнюю и богатую историю. Своими корнями они уходят в конец XIX в. и распадаются на несколько периодов: 1) конец XIX — начало XX в.; 2) 30—40-е гг. XX столетия; 3) послевоенное десятилетие; 4) современный период исследований.

В толковом словаре русского языка словом «группа» называется, в частности, объединение нескольких лиц в общей работе, ради общей цели, идеи.

С точки зрения научного подхода группа — это двое или более лиц, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к группе и воспринимаются другими как члены данной группы.

За более чем 90-летнюю историю социальной психологии исследователи неоднократно обращались к определению понятия «малой группы», сформировав при этом огромное количество всевозможных, часто случайных, порою весьма различающихся между

собой и даже противоречивых по смыслу определений. И это не удивительно: в своих попытках соответствующим образом определить малую группу авторы, как правило, шли от собственного ее понимания, диктовавшего акцентирование тех или иных сторон группового процесса.

Так, известный американский психолог М. Шоу, рассмотрев более полутора десятков определений малой группы, классифицировал их по следующим шести категориям в зависимости от того, какие аспекты групповой жизни в большей степени привлекают внимание авторов определения:

— восприятие членами группы отдельных партнеров и группы в целом;

— мотивация членов группы;

— групповые цели;

— организационные (структурные) характеристики группы;

— взаимосвязь;

— взаимодействие членов группы.

Р. Мертон определяет группу как совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей.

Еще один вопрос, который следует рассматривать, прежде чем перейти к более детальному анализу процессов и феноменов, специфичных для малой группы — классификация малых групп. Не описывая подробно всевозможные типы малой группы, остановимся лишь на наиболее важных основаниях для классификации малых групп. Прежде всего отметим, что малая группа — это малая и неформальная группа. Дело в том, что она состоит из нескольких членов и поведение их строится в соответствии с «неписаными» законами, нормами и правилами.

Далее выделим такие оппозиционные группы, как *лабораторные* и *естественные* группы. К первым относятся группы, специально создаваемые для выполнения экспериментальных заданий в лабораторных условиях; ко вторым — группы, функционирующие в реальных жизненных ситуациях. Это разделение не является абсолютным. Например, если в эксперименте принимает участие реально существующая группа (или ее часть), то довольно трудно отнести ее к той или иной категории. Однако деление это важно для социальной психологии, так как ставит проблему переноса тех закономерностей, которые получены в экспериментальных условиях, на жизнедеятельность реальных групп.

Другая интересующая нас оппозиционная пара: *организованные* (формальные, официальные) и *спонтанные* (неформальные, неофициальные) группы. Главное различие этих групп состоит в том, что существование организованных групп задано внешней

ситуацией, обществом, которое создает специальные структуры для решения каких-то задач; спонтанные группы зарождаются произвольно, стихийно, как в недрах организованных групп, так и вне их.

Основанием для выделения оппозиционной пары *открытые* — *закрытые* группы является степень открытости группы влияниям окружающей среды, общества. «Закрытость» группы довольно часто используется обществом для достижения каких-либо задач, не принимая во внимание те психологические последствия, которые влечет закрытость группы для ее членов. Можно привести примеры закрытых групп — армейские подразделения; полярные экспедиции, экипажи судов, находящиеся в длительном плавании. Необходимо отметить, что при определении степени закрытости группы важной характеристикой является степень свободы «входа» в группу и «выхода» из нее, иными словами, насколько легко человек может стать членом данной группы или выйти из ее состава.

Для целей последующего изложения целесообразно также классифицировать группы по продолжительности их существования на *стационарные* и *временные*. Постоянство или временность существования группы имеет, конечно, относительный характер. Однако важной характеристикой является восприятие членами группы времени ее существования. Так, студенческая группа, образованная на несколько лет для обучения, воспринимается ее членами как постоянная. Временная характеристика имеет значение, но важнее субъективная оценка своей группы. Может быть и такая ситуация, когда разные люди оценивают свою группу по-разному.

Уместно указать еще одну часто встречающуюся в литературе, на наш взгляд, важную классификацию: группы членства — *референтные группы*. Основанием для подобного деления является степень значимости группы для индивида с точки зрения его ориентации на групповые нормы и ценности, влияния группы на его установки. Если группа рассматривается только как место пребывания человека и не связана с системой его ценностей, социальных установок, то в таком случае речь идет только о группе членства. Но если группа занимает серьезное место в жизни индивида, если нормы и ценности этой группы человек разделяет, соотносит с ними свои взгляды, то такая группа является для него референтной. Причем возможен вариант, когда индивид не является членом своей референтной группы, но или стремится стать им (если существует для этого реальная возможность), или же рассматривает такую группу в качестве идеальной для себя.

Существует и другой подход к классификации малых групп, основанный на учете их направленности. С точки зрения этого подхода выделяют группы с *положительной, неустойчивой* и *отрицательной направленностью*, а также *преступные группы*.

Признаки малой группы: определенный способ взаимодействия между их членами; членство, чувство принадлежности к данной группе; адекватность, т.е. осознание членами группы себя как «мы», а других — как «они».

Рассмотрев подходы к определению и классификации малых групп, перейдем к анализу основных феноменов и процессов в малой группе.

Динамика групп — это совокупность тех социально-психологических явлений, которые происходят в группах и определяют их развитие: образование ролевой структуры, корни и т.п.

Группы образуются добровольно и принужденно.

К числу основных социально-психологических явлений, образующих динамику, относится внушение, групповой конформизм.

Структура малых групп характеризуется рядом параметров: количественным составом, ролевой структурой, причинами образования, системой общения, нормами поведения и санкциями за их нарушение, устойчивостью группы, временем существования, сплоченностью, атмосферой, положением среди других групп.

Если исходить из того, что малая группа есть некоторая единица социальной структуры, то вопроса о причинах возникновения группы как бы не существует. Возникновение малой группы обусловлено запросами общественно-экономического характера. Можно утверждать, что возникновение группы не зависит от входящих в это сообщество людей (в первую очередь речь идет о группах организованных), однако номинальное заявление о существовании той или иной социальной «ячейки» еще не делает данную группу реальностью. Не менее важными (а для психологов, может быть, и более) являются причины, определяющие приход людей в заявленную социумом группу.

Из числа первых назовем такой фактор, как престижность данной социальной сферы (профессиональной и т.д.) в обществе. С одной стороны, эта перемена имеет чисто социальный характер, но с другой — отношение к определенной социальной позиции (в том числе к профессиональной роли, например) имеет очень большое психологическое содержание.

Можно выделить также и собственно психологические причины вхождения в определенную социальную группу. Прежде всего нужно отметить стремление индивида к удовлетворению потребностей, связанных со сферой человеческого общения. Малая группа выполняет функцию создания для человека поля межличностного общения, условий удовлетворения потребности быть включенным в систему отношений с другими людьми (аффилиативную потребность — потребность во включении). Затрагивая вопрос о факторах, побуждающих человека стать членом той или иной группы, мы обращаемся, по сути дела, к его мотивационной сфере, ана-

лиз которой имеет весьма сложный характер. При этом необходимо подчеркнуть, что детерминанты группового членства не исчерпываются единственно лишь системой его потребности и ценностей, но включают в себя ряд других переменных, например: социальный опыт индивида; сформировавшуюся у него самооценку; ожидания, связанные с предстоящим групповым членством; особенности группы с точки зрения ее целей, программ, специфики деятельности и т. д.

Образование группы является лишь отправной точкой ее существования. Каким окажется она в дальнейшем, как и посредством чего будет осуществляться процесс групповой жизнедеятельности — вопросы нашего дальнейшего рассмотрения.

Традиционная линия подхода к развитию группы как психологической общности (во многом для американской социальной психологии) базируется на выделении двух главных сфер ее жизнедеятельности: деловой (инструментальной) и эмоциональной (экспрессивной). Основной движущей силой развития в данном случае выступает противоречие между двумя этими сферами, обусловленное неравномерностью их развития. Существует большое количество самых разнообразных конкретных моделей развития группы, связанных с этим направлением.

Можно выделить три основных этапа, которые так или иначе имеют место в любой из этих моделей.

Первый — *ориентировка в ситуации*. Разные авторы вкладывают в этот период различное содержание, иногда разбивают его на несколько стадий, но главное — ориентация членов группы в отношениях между ними, в групповой задаче, в способах ее решения и т. п. Второй — *конфликт*, который является результатом противоречия между разными членами группы, между группой и отдельными ее членами, между различиями в представлениях о групповой цели и средствах ее достижения. Третий — *динамическое равновесие*, которое обеспечивает возможность функционирования группы как единого целого, но не гарантирует от возникновения новых конфликтов.

В качестве примера можно использовать достаточно популярную модель группового развития, предложенную американским психологом Б. Такменом. В сфере межличностной активности он выделяет следующие четыре стадии: первая — «проверка зависимости», предполагающая ориентировку членов группы в характере действий друг друга и поиск взаимоприемлемого межличностного поведения в группе; вторая — «внутренний конфликт», т. е. нарушение взаимодействия и отсутствие единства между членами группы; третья — «развитие групповой сплоченности», достигаемой посредством постепенной гармонизации отношений, исчезновения межличностных конфликтов; четвертая — «функционально-ролевая соотносительность», в основном связанная с образо-

ванием ролевой структуры группы, сопрягающейся с групповой задачей.

В сфере деловой активности Б. Такмен выделяет такие стадии, как «ориентировка в задаче» — поиск членами группы оптимального способа решения задачи; «эмоциональный ответ на требование задачи», т.е. противодействие членов группы требованиям, которые предъявляются содержанием задачи и противоречат их собственным намерениям; «открытый обмен релевантными (соответствующими) интерпретациями», понимаемый автором как этап групповой жизни, на котором имеет место максимальный информационный обмен, позволяющий партнерам глубже проникнуть в намерения друг друга и предложить альтернативную трактовку информации; «принятие решения» — стадия, характеризующаяся конструктивными попытками успешного решения задачи.

Б. Такмен подчеркивает наличие тесной связи между двумя выделенными сферами — деловой и эмоциональной, однако не раскрывает суть этой связи. Не конкретизирован и вопрос о взаимовлиянии двух сфер, о котором говорит автор. По его мнению, их развитие идет параллельно друг другу: изменения в одной из сфер приводят к изменениям в другой. Но как реально соотносятся обе сферы, какая из них генетически является первичной, основной? Ответов на эти вопросы он не дает. Не решен вопрос и о движущих силах развития группы.

Специального рассмотрения требует проблема механизмов группового развития, которая, к сожалению, малоизучена в социальной психологии. Трудно найти специальные исследования, посвященные вопросам о том, каким образом, посредством чего происходит развитие группы как психологической общности. Однако ряд факторов, имеющих непосредственное отношение к механизмам групповой динамики, выявлен в ходе изучения других аспектов жизнедеятельности малой группы. Основываясь на известных литературных материалах, можно выделить по крайней мере три механизма: разрешение внутригрупповых противоречий, идиосинкразический кредит (разрешение лидеру нарушать групповые нормы), психологический обмен.

Как нами отмечалось, именно противоречия между двумя сферами (инструментальной и эмоциональной) приводят к групповой динамике. Но какой тип противоречий выступает в роли движущей силы развития группы? А. Г. Кирпичников выделяет следующие противоречия: во-первых, между возрастающими потенциальными возможностями группы и ее актуальной деятельностью; во-вторых, между увеличивающимся стремлением членов группы к самореализации и самоутверждению и одновременно усиливающимися тенденциями включения личности в групповую структуру, более жесткой ее интеграции с группой.

Совсем иначе к этой проблеме подходит Ф. Шамбо — исследователь, работающий в психоаналитической традиции. Развитие группы, по его мнению, есть результат столкновения противоречивых тенденций, периодически возникающих вследствие рассогласования поведения лидера и ожиданий, связанных с его поведением и поведением его последователей. Подобное рассогласование вызывает дестабилизацию и конфликт в группе. Разрешение конфликта приводит к наступлению «фазы гармонии», характеризующейся стабилизацией отношений и оптимистической направленностью межличностного восприятия по мере прохождения группой целой серии конфликтов.

Идиосинкразический кредит — понятие, предложенное Е. Холландером, означает ситуацию, когда лидеру (или другому высокостатусному члену группы) позволено нарушить групповые нормы, в то время как за такое нарушение к любому другому члену группы применяются групповые санкции. Хотя автор не связывал данный феномен с групповым развитием, однако именно он может стать механизмом изменения групповых норм или же формирования новых, с чем многие исследователи соотносят процесс группового развития. Возможно, идиосинкразический кредит не является основным механизмом группового развития, но он, несомненно, создает предпосылки перехода группы на другой уровень развития.

Понятие «психологический обмен» пользуется большой популярностью в психологии. Здесь мы лишь кратко остановимся на вопросе о том, какую роль психологический обмен может играть в развитии группы.

В самом общем виде процесс развития можно представить следующим образом: в контексте групповой деятельности значимым для людей является и тот вклад, который каждый из членов группы вносит в общую групповую «копилку», и та позиция, которую человек занимает в группе. И тогда можно представить себе, что в процессе группового функционирования активное участие в достижении групповой цели, реализации групповых ценностей как бы обменивается на высокий групповой статус. Иными словами, развитие группы происходит через реально разворачивающуюся совместную деятельность, в результате чего через оценку вкладов в общее дело происходит дифференциация индивидуальных групповых позиций, т. е. статусная дифференциация.

Подводя итог изложению представлений о генезисе и развитии малой группы, подчеркиваем следующие наиболее существенные, на наш взгляд, моменты. В основе возникновения малой группы лежит сложное переплетение социальных психологических причин, среди которых исходными, базовыми являются факторы социального характера, но определенным образом преломляющиеся в индивидуальном сознании. Дальнейшее развитие группы про-

текает одновременно и как составной части более широкой социальной общности (школьный класс — коллектив школы, бригада — коллектив завода), и как самостоятельной психологической общности. Динамика группового процесса предполагает этапность прохождения группой ряда стадий, качественно отличных друг от друга, одновременно связанных и с интегративными тенденциями, и с дифференциацией.

Формально-статусное измерение дает представление о соотношении позиций индивидов в формальной структуре. Можно отметить, что для реальных трудовых коллективов формально-статусная структура полностью совпадает со штатным расписанием. Однако эта структура, имея большое значение для членов группы, очень часто не отражает реальность отношений между людьми.

Социометрическое измерение характеризует иерархию позиций индивидов в системе внутригрупповых межличностных предпочтений. По существу, социометрическая структура является аналогом неформальной статусной структуры группы.

Самое высокое положение в иерархии группы занимает лидер. Одна из первых теорий, объясняющих природу влияния лидера в группе, — теория черт лидерства (или харизматическая, от лат. *harisma* — божий дар). Она пытается обусловить феномен лидерства в группе личностными характеристиками самого лидера. Согласно этой теории, лидером человека делает определенный набор характеристик, черт характера, необходимых для выполнения функций управления любой группой в различных условиях.

С одной стороны, эта концепция оказалась очень влиятельной и живучей (до сих пор ее отголоски можно встретить в литературе, особенно в практических сферах, смежных с социальной психологией), а с другой — почти сразу появились опровергающие ее исследования. Несостоятельность данной теории связана, во-первых, с тем, что групповой феномен — лидерство — выводится из личностного. Они, конечно, связаны, но не вытекают один из другого. Во-вторых, чисто эмпирически оказалось невозможным составить относительно короткий и однозначный перечень характеристик, которые бы делали человека лидером. Такого перечня просто не существует. Характеристики, необходимые для лидерства, тесным образом связаны с той групповой деятельностью, для реализации которой существует данная группа.

Другая концепция происхождения лидерства носит название ситуационной теории, которая объясняет появление лидера в группе через наиболее полное совпадение особенностей человека и требований конкретной ситуации. В соответствии с этой концепцией в каждой новой ситуации должен появляться новый лидер, что в реальности не происходит. Позиция лидера достаточно устойчива в группе, и смена данного лидера на другого представляет довольно сложный и часто конфликтный процесс.

Результатом критики и объединения названных теорий явился синтетический подход к лидерству. Синтетическая теория рассматривает лидерство как функцию группы, реализация которой связана и с личностными характеристиками членов группы, и с параметрами ситуации. Как всякий «синтезирующий» подход, данное направление в исследовании лидерства в группе дает слишком общий ответ на вопрос о природе этого феномена.

В настоящее время многие авторы подходят к лидерству как к наиболее значительной позиции в системе межличностного влияния в группе, т. е. лидер рассматривается как член группы, обладающий наибольшим влиянием. Межличностное влияние, в свою очередь, связывается с той конкретной деятельностью, для которой создавалась группа. Иными словами, можно сказать, что лидер в группе — это такой член группы, который наиболее полно воплощает в своей активности групповые ценности, получая взамен наиболее высокий статус в группе и возможность максимального влияния на ее жизнь.

Модели коммуникативных сетей, представляющие собой еще одно, коммуникативное, измерение групповой структуры, свидетельствуют о существовании сети, состоящей из позиций индивидов в зависимости от системы информационных потоков. Известно, что владение информацией тесно связано с величиной статуса человека в группе.

Высокостатусным членам группы адресуется большее число сообщений, которые носят более благоприятный (дружелюбный) характер, нежели сообщения, посылаемые низкостатусным индивидам.

Следует отметить, что интерес, проявляемый исследователями к коммуникативной структуре, отнюдь не случаен, так как коммуникация имеет огромное значение в функционировании группы.

Пожалуй, центральным моментом обсуждаемой проблемы является выяснение эффективности решения группой тех или иных задач в условиях централизованных и децентрализованных коммуникативных сетей. Изучается также влияние характера коммуникативной сети на возникновение лидерства, на организационное развитие группы, на удовлетворенность ее членов. Исследования показывают, что, как правило, централизованные сети в сравнении с децентрализованными усиливают возникновение лидерства, способствуют организационному развитию, но препятствуют эффективности решения сложных проблем и уменьшают удовлетворенность членов группы от включения в нее.

Еще один критерий, который может быть положен в основу вычленения структуры группы, — позиция социальной власти, что отражает вертикальное взаиморасположение индивидов в зависимости от их способности оказывать влияние в группе. Причем

проявление этого влияния осуществляется по разным направлениям. Всего можно выделить (вслед за некоторыми американскими психологами) пять типов социальной власти: вознаграждающая, принуждающая, легитимная (т. е. основанная на соглашении о том, что один член группы имеет право определить поведение другого), референтная (связанная с принятием власти другого за счет эмоционального предпочтения, симпатии к нему), экспертная (базирующаяся на признании превосходства другого лица в какой-либо сфере).

Такое разделение, с одной стороны, подчеркивает разные каналы воздействия на человека, но с другой — показывает и условия этого деления, а также и то, что реально управление группой осуществляется, как правило, одновременно по разным каналам.

Подводя итог рассмотрению вопроса о структуре малой группы, заметим, что нами использован статистический подход к анализу групповой структуры, т. е. подход к уже сложившейся, фиксированной в определенный момент времени системе позиций ее членов. Необходимо подчеркнуть, что реально формирование структуры группы — процесс достаточно растянутый и тесно связанный с другими динамическими процессами, в частности, с развитием группы как психологической общности. Важно, чтобы выбранный критерий анализа групповой структуры имел реальное содержание для членов данной группы, был тесно связан с движущими силами ее развития.

Другая существенная характеристика жизни сложившейся малой группы — поведение, связанное с реализацией групповых норм. Этот вопрос является в какой-то мере продолжением предыдущего предмета рассмотрения — групповой структуры. Дело в том, что групповая норма, которая является неким стандартом поведения в малой группе, регулятором разворачивающихся в ней отношений, причисляется к элементам групповой структуры, так как тесно связана с ними (например, со статусом, ролью).

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению вопроса о нормальном поведении следует обозначить *основные характеристики групповой нормы*.

Во-первых, норма — это продукт социального взаимодействия, возникающий в процессе жизнедеятельности группы. Групповая норма может быть задана и более широким социальным окружением, частью которого является группа. Но в этом случае необходимо иметь в виду, что такая норма может или приниматься группой, или оставаться для нее как внешняя декларация.²

Во-вторых, нормы не устанавливаются для каждой групповой ситуации. Они формируются лишь относительно действий и ситуаций, имеющих важность для группы. Иными словами, группа регламентирует поведение своих членов только в тех ситуациях,

которые значимы для большинства из них в процессе реализации групповых целей.

В-третьих, норма может предписывать модели поведения в ситуации в целом, а может определить реализацию той или иной роли в конкретной обстановке, в которой оказывается носитель данной роли.

В-четвертых, нормы различаются по степени принятия их группой. Некоторые нормы одобряются почти всеми ее членами, тогда как другие поддерживаются незначительным меньшинством.

В-пятых, нормы различаются также по степени и широте допускаемыми девиантностями и соответствующими диапазоны применяемых санкций.

Последствия нарушения нормы являются очень важной характеристикой нормативного поведения в группе.

Исследования нормативного поведения в социальной психологии носят разнородный и обширный характер. При всей сложности их классификации можно выделить следующие три условных направления: первое — исследования влияния норм, разделяемых большинством членов группы; второе — исследования влияния норм, разделяемых меньшинством группы; третье — исследования отклонений индивидов от групповых норм. Первое направление представляет собой широкий спектр исследований, начиная от традиционной сферы интересов социальных психологов — конформного поведения — до исследований феномена идиосинкразического кредита. Проблема влияния меньшинства — относительно новая область в психологической науке. Она связана с учением о социальных представлениях французского психолога С. Московиси. К третьему направлению в основном относятся работы по психологии противоправного поведения.

Факт существования феномена конформности личности (т. е. ее внушаемости) в группе, установленный американским психологом С. Ашем, неоднократно описывался в отечественной литературе. Суть этого явления состоит в изменении позиций (поведения) индивида под влиянием группы.

Автор использовал прием «наивного» субъекта и подставной группы, т. е. договаривался со всеми участниками, кроме одного («наивного» субъекта), о том, что они будут давать неправильный ответ на вопрос, на который последним должен отвечать «наивный» член группы. Около 33 % испытуемых под влиянием группового давления давали неверный ответ при выполнении задания экспериментатора.

Критика работ С. Аша началась почти одновременно с установлением факта наличия группового давления. При этом основные аргументы сводились к подчеркиванию незначимости для испытуемых экспериментальной ситуации, случайности подбора

испытуемых, их отрыва от естественной для них социальной сферы, отсутствия какого бы то ни было намека на совместную деятельность.

Подобные аргументы, конечно, во многом справедливы. Внешняя конформность связана с подчинением нормам группы при желании остаться ее членом. В таком случае угроза наказания вызывает лишь внешнее согласие с группой, не затрагивая реальной позиции человека. Внутренняя конформность может проявляться как бездумное принятие мнения группы (отличное от позиции индивида) только на том основании, что «большинство всегда право», или принятие мнения группы путем осознания правильности данной позиции.

Таким образом, даже приведенный анализ конформного поведения свидетельствует о его сложности. Тем не менее можно выделить еще один аспект изучения нормативного поведения в группе — исследования нормативного влияния группового меньшинства.

Родоначальник этого направления С. Московиси считает, что традиционный подход к конформности делает акцент на трех моментах: социальном контроле за поведением индивида, исчезновении различий между позициями членов группы и выработке единообразия группового поведения. То есть нормативное поведение понимается как адаптивный процесс. Иными словами, личность приспосабливается к внешней среде, в частности к группе.

В противоположность такому «приспособлению» С. Московиси предлагает рассматривать процесс влияния на группу меньшинства ее членов, имеющих свою, отличную от общепринятой, позицию.

К первым эмпирическим доказательствам влияния, оказываемого меньшинством, относятся ставшие уже классическими эксперименты С. Московиси и его сотрудников. В них участвовали группы испытуемых из шести человек (двух сообщников экспериментатора и четырех «наивных» субъектов). Испытуемым предлагался тест цветного восприятия будто бы с целью установления их перцептивной компетентности. Стимульным материалом были слайды голубого цвета, однако сообщники экспериментатора при каждом предъявлении называли цвет зеленым. Полученные результаты можно обобщить следующим образом.

Во-первых, сообщники экспериментатора (меньшинство) действительно оказывали влияние на остальных участников опыта (8,42% выборов относились к зеленому цвету, в то время как в контрольной группе таких выборов было лишь 0,25%).

Во-вторых, менялся порог цветового различия. При предъявлении испытуемым последовательного ряда оттенков между чисто голубым и чисто зеленым цветом в экспериментальной группе обнаружение зеленого цвета происходило на более ранней ста-

дии, чем в контрольной, т.е. влияние меньшинства не только выступало как одномоментный факт, но и характеризовалось определенной устойчивостью.

Кратко остановимся на некоторых характерных влияниях меньшинства в группе.

Одной из характеристик является стиль поведения, демонстрируемый меньшинством, который в значительной степени может определить силу такого влияния. В этом плане большое значение имеют следующие параметры стиля: его устойчивость, уверенность индивидуума в правоте своей позиции, изложение и структурирование им соответствующих аргументов.

Целый ряд последующих экспериментов в этом направлении фиксировал не только и не столько факт влияния меньшинства, а то, как меняется позиция большинства при существовании оппозиционных мнений в группе, а также некоторые параметры самого процесса принятия решения в группе, если существует устойчивое меньшинство, противопоставляющее себя вырабатываемому общему мнению. Так, по данным этих исследований, влияние меньшинства в группе приводит к появлению значительно большего числа разнообразных вариантов решения.

Специальное направление изучения влияния меньшинства составляет анализ процесса социальных изменений. Согласно С. Московиси, именно существование позиции меньшинства может привести к проявлению изменений и инноваций.

Последний вопрос, который целесообразно рассмотреть в связи с анализом нормативного поведения в группе — изучение последствий отклонения от групповых норм. В зависимости от различных параметров этого отклонения (степени устойчивости отклонения, уровня отличия от групповой нормы и т.д.) сила давления группы может быть разной вплоть до полного исключения человека из группы. Это обуславливает вопрос о функциях такого давления. По результатам разных исследователей, можно выделить следующие его функции: стремление обеспечить достижение групповых целей, сохранение группы как целого, помощь членам группы в выборке «реальности» для соотнесения с ней своих мнений, определение членами группы отношения к социальному окружению.

Реализация названных функций во многом обусловлена развитием единообразия оценок, решений, поведенческих моделей членов группы, вызываемого, в свою очередь, процессами внутригруппового давления. Существует, по-видимому, немало ситуаций, в которых наличие такого единообразия является важным фактором эффективности группы. Но здесь возникает вопрос: всегда ли полезно такое единообразие? Однозначного ответа, конечно, нет.

7.2. Социально-психологическая характеристика различных видов малых неформальных групп

Закономерность развития малых неформальных групп можно проследить на примере анализа типичных объединений. К их числу можно отнести семью и криминальные группировки.

Важность рассмотрения проблемы семьи объясняется тем, что снижаются число браков и рождаемость, увеличивается детская смертность, патология новорожденных, разводы. Ухудшение социально-демографической ситуации переводит проблему семьи из общественной в экономическую и психологическую плоскость.

Трудность рассмотрения социально-психологической специфики функционирования семьи, с одной стороны, в значительной мере обусловлена «пограничным» статусом социальной психологии, с другой — она усугубляется особенностями самого объекта анализа.

Так, в одной из самых авторитетных отечественных монографий по проблемам семьи уже в ее определении заложена двойственность: семья одновременно является и социально-психологической общностью — «малой группой, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью», и социальным институтом — «исторически конкретной системой взаимоотношений между супругами, родителями и детьми... социальная необходимость которой обусловлена потребностью общества в физиологическом и духовном воспроизводстве населения»*.

По мнению В. В. Солодникова, немаловажным обстоятельством является и междисциплинарный характер многих исследований семьи. Психология семьи и брака как междисциплинарное направление психологии включает исследования в области социологии, экономики, этнографии, истории, юриспруденции, демографии и др. Среди ее основных проблем называют: изучение факторов, влияющих на качество брака, цикл развития семьи, ее ролевую структуру, распределение власти между членами семьи, супружеское общение, установки на брак и семью, детерминанты выбора брачного партнера, эффективность различных паттернов (форм и методов) воспитания, психологические особенности родителей, их детей и т. д.

Говоря о семье как малой группе, необходимо прежде всего задаться вопросом о ее количественном составе — структуре, лежащей в основе подавляющего большинства типологий семьи.

По количеству брачных партнеров различают *моногамную семью* (один муж и одна жена) и *полигамную*. Последняя имеет два варианта: полиандрия (многомужество) и полигиния (многоженство).

* Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 1980. — С. 238.

Большинство исследователей сходится во мнении о том, что полигамные формы семьи исторически предшествовали ее современному типу, причем существовала значительная историко-культурная, этническая, религиозная их специфика. Моногамная семья — образование, возникшее сравнительно в недавнем историческом прошлом. Ее развитие, как убедительно было показано Ф. Энгельсом, тесно связано с установлением институтов частной собственности и государства.

В связи со значительным количеством разводов и повторных браков в индустриально развитых странах все чаще говорят о «последовательной моногамии», означающей, что в каждый данный момент времени мужчина (женщина) состоит в браке с одним партнером, однако в течение жизни таких брачных союзов у него (нее) насчитывается более одного.

По количеству поколений, представленных в семье, выделяют: а) сложную (расширенную) семью, в которой проживают под одной крышей и ведут совместное хозяйство представители нескольких (по меньшей мере трех) поколений — прародители, родители, дети. В большинстве регионов России этот тип семьи принадлежит прошлому, когда его существование не в последнюю очередь определялось преимущественно сельским образом жизни и экономической необходимостью; б) простую (нуклеарную) семью, члены которой являются представителями только двух поколений (родители и дети). Этот тип семьи в настоящее время является преобладающим, хотя некоторые авторы говорят о «ренессансе» расширенной семьи в ее специфической социально-психологической модификации, когда поддерживаются интенсивные межличностные контакты (например, по телефону или при совместном проведении досуга, праздновании определенных семейных дат), но проживание различных поколений остается раздельным.

Обычно, говоря о нуклеарной семье, имеют в виду полную нуклеарную семью, где есть оба родителя и дети. Но нуклеарной также является и неполная семья, в которой отсутствует один из родителей, чаще отец (остается, правда, неясным, следует ли считать неполной бездетную семью?). В свою очередь, неполную семью С. И. Голод вполне оправданно (особенно с учетом социально-психологической специфики) разделяет на собственно неполную (возникшую вследствие развода или вдовства) и материнскую, предполагающую внебрачное рождение и воспитание детей. Здесь следует упомянуть и о специфическом типе семьи, получившей название бинуклеарная, когда после развода оба супруга создают новые семьи, в результате чего у ребенка оказывается как бы четыре родителя (по два родных и неродных), между которыми поддерживаются отношения, и ребенок периодически живет с теми и с другими. Иногда обе семьи совместно проводят

досуг. Увеличение круга ближайших родственников ребенка, в том числе сиблингов (братьев и сестер), по мнению некоторых авторов, может благоприятно сказываться на социализации личности.

Во многих исследованиях семьи по степени удовлетворенности супругов браком выстраивался континуум, на одном полюсе которого находились семьи, в которых оба супруга в значительной мере удовлетворены своим браком, на другом — оба неудовлетворены им, но сохраняют его или собираются развестись с различными промежуточными вариантами.

Педагогическая типология семей связана с построением континуума по признаку благополучия семьи, в основе которого обычно лежит выполнение ею воспитательной функции, а распространенными индикаторами соответствующего неблагополучия чаще всего выступают постанова подростков на учет в детской комнате милиции, неуспеваемость ребенка в школе и т. п.

С точки зрения соответствия брачно-семейных отношений общественным нормам выделяются следующие семьи:

патриархальная (традиционная), отношения в которой ориентируются на образцы, доминировавшие в прошлом: муж (отец — «кормилец») материально обеспечивает семью, представляет ее в обществе, принимает основные решения, касающиеся членов семьи, жена не работает (или престиж ее работы, заработок заметно ниже, чем у мужа), занимается воспитанием детей, ведет домашнее хозяйство; мнение детей учитывается мало или имеет подчиненное значение;

современная (эгалитарная), т. е. такая, где нормы любви, эмоциональной близости, взаимоуважения распространяются на всех ее членов. На наш взгляд, С.И.Голод не очень удачно называет такой тип семьи «супружеским», подчеркивая, что отношения в ней «определяются не родством, не родительством, а брачностью с неперменной акцентацией личностных аспектов».

В качестве подтипов современной семьи отмечают коллективистскую семью (или в терминологии западных авторов — «двухкарьерную»), в которой профессиональная и общественная деятельность обоих супругов равно важна; супруги гибко (или при активном участии мужа) распределяют домашние обязанности, совместно проводят досуг, коллективно принимают решения и т. п.;

индивидуалистскую семью, в которой внесемейная деятельность для супругов важнее, чем семейная, домашняя работа сведена до минимума, а при обсуждении важнейших решений возможны серьезные конфликты, если задеты чьи-либо индивидуальные интересы.

С точки зрения права семьи могут быть разбиты на две большие группы: если в первой отношения между супругами призна-

ны обществом (между ними заключен брак), то во второй этого нет (здесь наиболее представлены добрачные союзы молодых людей).

Последняя группа соответствует такому широкому определению семьи, согласно которому «семья есть отношения, через которые и благодаря которым осуществляется воспроизводство человека, общественный механизм этого воспроизводства»*.

И наконец, завершая рассмотрение типологии семей, нельзя не упомянуть о так называемых «альтернативных стилях жизни», к которым относят:

гомосексуальные семьи (как мужские, так и женские), в том числе официально регистрируемые в некоторых странах. При этом не исключается возможность воспитания (посредством усыновления) или даже рождения (в женских диадах — с привлечением мужчин-«доноров») детей;

открытый брак, отношения в котором строятся на основе гуманистических принципов, предполагающих, в частности, что человек в течение жизни меняется, «испытывая внутренний рост». Стремление к самоактуализации каждого из супругов подразумевает, помимо прочего, и личную жизнь каждого из них, в том числе глубокие, значимые отношения (не исключая сексуальные) с другими людьми:

свининг (качающийся, колеблющийся) — брак, по сути являющийся возобновлением практики, известной с древности, когда достаточно традиционные в остальных отношениях супружеские пары временно обмениваются сексуальными партнерами;

групповой брак — супружеские отношения трех и более лиц, между которыми могут быть парные (в том числе гомосексуальные) или неупорядоченные сексуальные связи. В литературе ничего не говорится о рождении и воспитании детей в таких условиях. Вполне возможно, что в этом случае пара становится моногамной и «выходит из игры»;

двушаговый брак — предполагает заключение между супругами специфического брачного контракта, оговаривающего их права и обязанности на различных этапах семейной жизни. Важнейшими характеристиками ее первой фазы («первого шага») является отсутствие детей и возможность через заранее заданное время прекращения отношений без процедуры развода.

Существуют и некоторые другие описания (имеющие различную религиозную окраску) моногамной семьи, остающейся в пределах различного рода культовых вариаций внутрисемейных отношений и их правового регулирования.

К числу важнейших социально-психологических проблем семьи относятся вопросы, связанные с добрачным ухаживанием, а так-

* Десев Л. Психология малых групп. — М., 1979.

же собственно семейной жизни (адаптация, совместимость, конфликты и т. д.).

В качестве другой типичной группы выступают криминальные объединения, которые в настоящее время имеют широкое распространение.

Долгое время в отечественной литературе употреблялось просто понятие «преступность». При этом между понятиями *преступности* и *общеуголовной преступности* можно было смело ставить знак тождества.

С возникновением явлений, не укладывающихся в рамки представлений о преступности (читай — об общеуголовной преступности), появилась необходимость в уточнении понятия преступности, которое бы отражало признаки и классической, и современной преступности.

Тогда в литературе замелькало слово «мафия». Первоначально российская организованная преступность получила освещение в США. У нас же проблема организованной преступности на практике была сведена к проблеме организованных преступных групп. Такая подмена дорого обходится России, но зато вполне устраивает определенные социальные группы.

Поскольку не существует, скорее всего, единой, централизованной в национальном масштабе преступной организации, то преступные группы, группировки — это не мафия.

По мнению ряда экспертов, мафия — это, скорее, обозначение метода действий определенной части преступных организаций, который включает в себя: использование насилия или угрозы насилием; структурированность, иерархическое построение группы, подчиненные целям преступной организации по незаконному производству товаров и услуг и пр.; обеспечение протекции со стороны властных структур, необходимой для непрерывного осуществления нелегальных операций.

Таким образом, по мнению ряда экспертов, мафия — это метод, а не преступное сообщество или некая единая организация. Есть политическая, научная, театральная, шоу-мафия. Мафия — это корпоративность, согласованность действий во имя групповых интересов. Это, в конце концов, криминальная политика, менталитет.

На основании анализа функций выделяют организованную преступность:

— *политико-социального характера*. В данном случае основной целью преступного сообщества является не столько прямая материальная выгода, сколько поддержка или разрушение существующей социально-политической системы;

— *группового характера*. Основа существования этих организаций — это специфический престиж, который дает сама принадлежность к организации;

корыстного типа. Цель — извлечение материальной выгоды (грабеж, кражи, рэкет, мошенничество и др.);

синдикализированную (преступный синдикат), которую с полным основанием можно назвать мафиозной, так как она использует мафия-метод. Основная цель — перманентное получение максимальной прибыли путем незаконного производства товаров и услуг с использованием насилия под прикрытием коррумпированных властных структур.

Американские эксперты выделяют несколько этапов развития организованной преступности в России.

Первый связан с существованием «воров в законе» (20—50-е гг. XX в.). Их деятельность можно охарактеризовать как корыстную преступность.

Второй этап охватывает 60—80-е гг. XX в. В это время появляются первые преступные синдикаты.

Современный период характеризуется синдикализированной (мафиозной) преступностью.

В 80-е гг. XX в. большая часть населения вступила в отношения патронажа и клиентизма для получения дефицитных товаров и услуг. Расхищение государственной собственности, подпольный бартер «черного рынка», удовлетворение потребностей за счет теневой экономики стали нормой.

В 1990 г. в одном из документов IX Конгресса ООН было подчеркнуто: «Организованная преступность создает прямую угрозу национальной и международной безопасности и стабильности и представляет собой фронтальную атаку на политические и законодательные власти, а также создает угрозу самой государственности. Она нарушает нормальное функционирование социальных и экономических институтов и компрометирует их. Она ставит в положение жертвы население целых стран».

В России сложились два принципиально различающихся между собой типа отношений к борьбе с организованной преступностью.

Одни полагают, что с ней можно бороться на основе уголовного и процессуального законодательства.

Другие считают, что нельзя этого делать, так как организаторы уходят от уголовной ответственности, поскольку они не совершают конкретных преступлений. Поэтому нужен специальный закон об организованной преступности.

Более того, формируется мнение, что мафия максимально адаптирована к рынку и выполняет позитивную функцию в российском обществе, так как она является механизмом регуляции взаимоотношений в преступном мире. С полным основанием можно утверждать, что отечественная мафия — не просто организованная преступность, а действующая в тесном контакте с представителями властных структур и теневой экономики.

В настоящее время действующие на территории России преступные сообщества являются одним из важнейших факторов социально-политической и экономической жизни страны.

Можно выделить следующие основные направления деятельности этих сообществ:

в сфере экономики — легализация незаконных капиталов, активизация преступной деятельности в кредитно-финансовой системе, нецелевое использование кредитов и бюджетных средств, рост числа преступлений, связанных с контрабандой материальных ценностей, продажа оружия, наркотиков, драгоценных металлов;

в сфере политики — политизация преступных сообществ (продвижение «своих» депутатов во властные структуры, формирование групп давления и лоббирования интересов);

в сфере международных отношений — интеграция российских преступных сообществ в мировую преступность.

Преступность не может быть без преступлений. Однако преступление — явление достаточно относительное. Оно не всегда соотносится с действительными опасными действиями. При определенных обстоятельствах политический анекдот может выступать в качестве криминала, а в других случаях — просто как анекдот. Все зависит от базы оценки, юридической нормы, которая может быть стандартизированной с точки зрения международного права, а может быть, и нет: идеологизированной, деформированной, выражать интересы узкой социальной группы.

Преступление как юридический факт — это такие действия, которые содержат состав преступления и признаны таковыми в судебном порядке.

Однако с точки зрения философии, психологии, этики преступление — это факт не только юридического, но и психологического, нравственного порядка, который характеризуется чувством вины, позитивной ответственности безотносительно, дана ли этому событию юридическая оценка.

Подход к измерению преступления не только с позиции права для юристов неприемлем, так как они считают, что это обстоятельство может привести к произволу.

Все верно. Существует презумпция невиновности. Вина может быть установлена лишь в судебном порядке.

Тем не менее произведение Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», психоанализ заставляют говорить о преступлении не только в юридическом смысле.

Преступление (за исключением отдельных случаев) — это исход внутриличностного, межличностного, вплоть до социально-политического конфликта. Можно сказать, что преступление — это конфликтный способ удовлетворения потребностей, достижения целей.

Однако при этом некоторые юристы, улавливая связь между конфликтом и преступлением, все же допускают неточность. В частности, об этом говорит название одной из статей, помещенных в сборнике «Преступление и законность» (1997). В данном случае имеется в виду статья Ю. Н. Демидова, которая называется «Криминальное поведение в условиях социального конфликта». В названии статьи изначально заложен разрыв между криминальным поведением и конфликтом. Чтобы этого избежать, корректнее говорить просто о криминогенных конфликтах. При таком подходе к анализу преступлений все становится на свои места.

Юридическая конфликтология обобщает и изучает те особенности, которые характеризуют конфликт с позиций права. Наиболее полно правовой аспект выражен в тех конфликтах, которые возникают и развиваются в связи с объективно существующими противоречиями между двумя или несколькими правовыми нормами, относящимися к одному и тому же предмету. В строгом смысле под юридическим конфликтом следует признать любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон и, следовательно, субъект либо объект конфликта (либо мотивация их поведения) обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия.

Обычно для объяснения преступного поведения используют не только теорию конфликта, но и другие. Данные теории, на наш взгляд, находятся в строго субординационных отношениях, т.е. главное значение здесь имеет теория конфликта, а все остальные выполняют как бы вспомогательную роль, объясняя причины возникновения криминогенного конфликта. К таким теориям относятся теории социальной дезорганизации, аномии, субкультуры и др.

С точки зрения социальной дезорганизации объяснение предрасположенности людей к преступлениям и правонарушениям надо искать в ослаблении общин, социального контроля, в приходящих в упадок городских районах, а не в каком-то особом складе людей, которые там живут.

По Э. Дюркгейму, преступность бывает незначительной в обществе, где человеческой солидарности и социальной сплоченности достаточно.

Когда единство социума разрушается, а изолированность его элементов увеличивается, преступность возрастает. Общество оказывается в состоянии аномии, которая означает состояние беззакония, отсутствия правовых норм.

По мнению Р. Мертона, аномия — это крушение системы регулирования индивидуальных желаний, в результате чего личность начинает хотеть больше, чем она может добиться в рамках данной социальной структуры. Аномия — это полнейшее расхождение

между декларируемыми цивилизаторскими целями и социально структурированными путями их достижения.

Теорию структуры насилия выдвинули Н. Вольфганг и Ф. Феракути (1967). Они считают, что насилие можно постичь, а эти знания и навыки, будучи зафиксированы в субкультуре, передаются из поколения в поколение. Представители этой субкультуры идентифицируют себя с насилием, и для них оно не вызывает ощущения вины. Субкультура насилия формирует особые черты личности.

Изложенные социологические и социально-психологические теории преступности, по существу, являются не столько теориями вообще преступности как таковой, сколько раскрывают ее природу, причины.

Специальные теории, посвященные причинному объяснению преступности, в отечественной литературе не получили широкой известности, за исключением, пожалуй, таких как многофакторный подход; экономические теории (теория депрессии, раскрывающая влияние кризиса на преступность, теория экспансии, связывающая, напротив, экономический рост с преступностью, комбинированная теория депрессии); теория безработицы и социального происхождения; марксистская теория преступности.

К сожалению, в литературе практически не разводятся понятия «причины» и «механизма» преступности. При этом следует отметить, что допускается или объективизация или, наоборот, отрицание внешних причин и признание только внутренних.

Преодолению противопоставления внешних причин преступности внутренним помогает введение в научный оборот понятия «механизм».

Механизм преступности — это процесс криминализации личности и общностей. В один миг, за некоторым исключением, не становятся преступником. Совершению преступления, как правило, предшествует определенный отрезок времени.

Впрочем, анализ общения представителей различных социальных слоев показывает, что эффект «призониции» наблюдается и на свободе.

Пока в законодательном порядке не признается роль информационного способа подготовки и совершения преступлений, до тех пор организованная преступность будет чувствовать себя в безопасности.

Более адекватному пониманию причин преступности способствует использование возможностей экологического подхода к анализу преступности, социального психоанализа, теории социальной деформации, теории социальной напряженности.

Экологический подход к анализу преступности позволяет взглянуть на это явление широко, с позиции учета тех деформирован-

ных социальных отношений, институтов и общностей, которые криминализируют государство, экономику и общество.

Традиционные криминологические подходы, используемые в прошлом для объяснения природы преступности в России, оказались в настоящее время мало пригодными и работают неэффективно. Дело в том, что они (эти подходы) предназначались для анализа общеуголовной, в лучшем случае — профессиональной преступности.

Криминальная ситуация в России кардинально изменилась. Однако адекватный понятийный аппарат, пригодный для понимания этого социального явления, так и не был создан.

Традиционные криминологические подходы, ориентированные на понимание индивидуального или группового криминального поведения (в отдельных случаях массового, если иметь в виду массовые беспорядки), не в состоянии объяснить масштабы, характер, механизмы и формы проявления современной преступности, под контролем которой в значительной степени оказались государственные институты (власть, правоохранительные органы, армия и т.д.), экономика и общество.

Использование старых теоретических схем для анализа современной преступности приводит к поверхностным, нередко примитивным выводам, уводящим в сторону от действительности, и выгодным для коррумпированной части власти, руководителей правоохранительных органов и тем более — криминальных структур.

В основе общеуголовной (уличной, бытовой) преступности, имеется в виду телесное повреждение, хулиганство и т.д., довольно часто лежит насилие.

Вместе с тем следует различать насилие как политику, как социальную проблему, как элемент определенной субкультуры и как эмоциональную реакцию или состояние в ответ на трудности.

На индивидуальном уровне эта проблема объясняется в рамках теории фрустрации. В данном случае насилие рассматривается как реакция на препятствие при достижении цели.

Ортодоксальная психоаналитическая теория считает стремление к насилию как перманентное состояние, защитную реакцию.

Психологическое насилие обозначает характеристики косвенных, скрытых форм давления на сознание людей, оказываемого средствами массовой информации, массовой культуры, рекламы, шантажа, т.е. путем манипулирования.

В качестве типичного примера проявления психологического насилия над человеком можно привести реально существующие классовые различия, неравенство, условия, при которых люди имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж и культура.

Темы для обсуждения

1. Понятие малой группы.
2. Понятийный аппарат для описания структуры группы в социальной психологии. Основные характеристики групп.
3. Общая характеристика динамических процессов в малой группе.
4. Классификация малых групп.
5. Основные теории «лидерства» в социальной психологии.
6. Характеристика основных видов групп.
7. Семья как социальный институт и как общность.
8. Классификации и функции семьи.
9. Социально-психологическая характеристика функционирования семьи. Мотивы вступления в брачные отношения, проблемы адаптации супругов, семейные и супружеские конфликты, совместимость, семейные разводы.
10. Характеристика преступных группировок.

Рекомендуемая литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. — М., 1994.
- Андрюченко Е. В.* Социальная психология. — М., 2001.
- Волков И. П.* Социальная психология малых групп и коллективов: Автореф. докт. дис. — Л., 1978.
- Голод С. И.* Стабильность семьи. — Л., 1984.
- Десев Л.* Психология малых групп. — М., 1979.
- Донцов А. И.* Психология коллектива. — М., 1984.
- Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* Психология малой группы. — М., 1991.
- Мацковский М. С.* Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. — М., 1989.
- Синельников А. Б.* Социально-одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социолог. исслед. — 1992. — № 2.
- Харчев А. Г.* Брак // Социология: Словарь-справочник. — М., 1990. — Т. 2.

Глава 8. ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

8.1. Функции и эффективность социальных организаций

Под организационной психологией следует понимать развитие социальной организации (управление персоналом, оптимизация организационного климата, информационных потоков и т.п.). Нельзя сказать, что вопрос о развитии социальной организации в отечественной прикладной социальной психологии абсолютно нов. Еще в 70-е гг. XX в. разрабатывались проблемы социального планирования, паспортизации социальных организаций.

Правда, было и другое — идеологические спекуляции относительно проблем развития социальных организаций в виде так называемых теорий формирования коллективов. Такой подход был

обусловлен идеологическими соображениями — социальным заказом того времени.

Между тем идеологический подход должен уступить научному. В данном случае под научным подходом к развитию социальной организации подразумевается теория управления, менеджмента.

В зарубежной литературе социальная организация понимается как социальная система, которая характеризуется определенной общностью, идентичностью, имеет точный список членов, программу деятельности и процедуру перемещения сотрудников.

Неоценимый вклад в разработку проблем, связанных с деятельностью социальных организаций, внесли А. Маслоу, Э. Этциони, Ф. Тейлор, Н. Вебер, Л. Урвик, Дж. Рейли, Ф. Херуберг, Д. Макрегор, Д. Кайтц.

Теоретико-методологические и научно-методические основы классической школы социальной организации составляют принципы научной организации труда Ф. Тейлора, теория бюрократической организации Н. Вебера, административная система А. Файоля и «синтетическая» концепция управления Л. Гьюлика, Дж. Муни и Л. Урвика. Основная идея Дж. Муни и Дж. Рейли состоит в том, что эффективная организация — система, построенная на строго формальных принципах, которые описываются через процесс и результат.

Согласно этой идее, *самым важным признаком организации является координация*. Скалярный принцип описывает вертикальную координацию, роль лидера в координации действий. Функциональный принцип утверждает, что в основании всех других организационных функций лежат три функции: *планирование, выполнение и контроль*.

«Синтетический» подход Л. Гьюлика, Дж. Муни и Л. Урвика расширил 5 функций и 14 принципов вначале до 7 функций, а затем до 29 принципов. В результате деятельность администрации приобрела законченный вид.

Ее функции сводились к планированию, организации, комплектованию штатов, руководству, координации, отчетности и составлению бюджета.

Благодаря усилиям Л. Гьюлика, Дж. Муни и Л. Урвика теория «классической» школы приобрела законченность. Они определили круг положений, ставших затем своего рода аксиомами. К ним относятся принципы специализации, дераритаментализации, диапазона контроля и единоначалия.

«Классическая» парадигма социальной организации включала четыре компонента: символические обобщения, социально-философские обобщения, ценности (этические нормы), стандарты и нормы.

В дальнейшем принципы социальной организации были обогащены такими теориями, как «топография» организационного пространства, которое состоит из географического, функционально-

го, статусного и иерархического; мотивация достижения; описание власти; теория стилей Р. Лайкерта; модель Р. Блейка и Дж. Мотона; модель успешного руководителя Б. Басса (руководитель может быть успешным, но неэффективным, а может быть и успешным, и эффективным, если нацеливает подчиненных на организационное развитие); обоснование стиля руководства, понятие об адаптивном руководителе; модель эффективной организации Р. Лайкерта; стратегия организационного изменения; теория о механистической и органической организации.

Р. Лайкерт к причинным переменным отнес внутриорганизационные факторы: формальная структура организации, стратегия и социальная политика, профессионально-квалификационный состав работников.

Промежуточные переменные обозначают человеческие ресурсы организаций, отношение к труду, организационный климат, методы принятия решений, уровень доверительности к руководству, лояльность и т. п. Наконец, результирующие зависимые переменные выражают конечный результат усилий.

Взаимосвязь между этими факторами можно представить в качестве стимулов (причины), воздействующих на ресурсы и создающих определенный результат (выход). Подобная модель объясняет, почему попытка непосредственно воздействовать на промежуточные переменные не приводит к успеху. Правильнее оказывать влияние на них через изменение причинных факторов. Точно так же попытка улучшить результирующие показатели организации через воздействие на промежуточные, по Папперту, менее успешна, чем изменение причинных переменных.

Если руководитель стремится любой ценой повысить продуктивность, оказывая давление на работников, не позаботившись об улучшении условий труда, решении жилищной проблемы, подборе квалифицированных кадров, то он может добиться временных успехов, но в конце концов в организации наступят негативные последствия.

В зарубежной социальной психологии выделяются два подхода, которые по-разному воздействуют на поведение индивида в организации и предлагают разные стратегии организационного изменения. Психотерапия сосредотачивается на причинах (мотивах) поведения, сформированных в детстве. Модификация во главу угла ставит наблюдаемое поведение. При этом учитываются разные уровни изменения, в том числе групповой (организационной) деятельности.

Самое сложное — изменить групповую деятельность, так как приходится иметь дело с ценностями, нормами, обычаями и традициями.

В принципе есть два основных пути развития социальной организации: неэффективный, приводящий к банкротству, закрытию

организаций, безработице, невыплате зарплаты и т.д., и эффективный.

Критерием различия двух данных моделей развития служит результативность. Правда, при этом должна учитываться и «цена» достижения результата.

До недавнего времени для определения уровня развития коллектива учитывали, по существу, только идеологические критерии — ценностно-ориентационное единство, коллективистическое самоопределение. На этой основе различали коллектив от «неколлектива». В то же время учитывались и чисто социально-психологические явления: процесс идентификации, конфликтность и другие характеристики. Но этого явно недостаточно.

В настоящее время при определении пути развития (эффективности — неэффективности) социальной организации следует учитывать не просто результативность, а результативность во времени, перспективе, стабильность, будущность развития, т.е. не сиюминутную выгоду, рвачество, а долговременную результативность, в основе которой лежат грамотные стратегии, планирование, кадровая политика, управление и соответствующее состояние организационной культуры (норм, ценностей и социально-психологического климата).

В последнее время на Западе получила распространение теория выживания организации. Авторы данной теории считают, что в любой организации происходит борьба между силами, заинтересованными в повышении эффективности ее деятельности и в ее выживании. В первые годы после создания организации эффективность играет преобладающую роль. Но со временем организация входит в конфликтный период, когда с наибольшей силой проявляются противоположные интересы групп внутри и вне организации.

Например, акционеры выступают за глубокие преобразования, а персонал против, потому что видит в этом угрозу своему положению.

Нередко после приватизации организация стремится к структурному сдвигу, а не эффективности, рассчитанной на долговременный, а не сиюминутный успех.

Эффективность социальной организации зависит от таких переменных, как: процесс стратегического целеполагания и планирования деятельности и проблем, препятствующих достижению целей организации; оптимальность организационной структуры; профессиональный отбор кадров; степень сформированности управленческой команды; эффективность методов управления по постановке диагноза, принятию решений, осуществлению контроля на внешнем, среднем и низшем уровнях руководства должностными лицами; оптимальность информационных потоков; содержание организационной культуры (образа организации, цен-

ностей, норм, социально-психологического климата) как составной части экологической психологии; мотивация профессиональной деятельности сотрудников организации.

О способах реализации каждого из этих направлений деятельности социальной организации имеется обширная литература.

Большую роль в повышении эффективности социальной организации может сыграть практикующий социальный психолог. В результате проведения социально-психологической диагностики, организационного консультирования и применения психотехнологий, а в отдельных случаях трансформации типа организации в ней наступают, как правило, позитивные изменения.

В эффективно функционирующих социальных организациях управление совместно с организационной культурой, экологией (пространством) оказывают позитивное влияние на мотивацию их членов.

Выделяют три взаимосвязанные сферы усиления мотивации персонала социальной организации.

Первую сферу определяют как область организационно-практической мотивации. Она включает три мотивационных блока: мотивацию трудовых функций, мотивацию творческой актуализации и мотивацию достижений, карьеры, вознаграждения.

Вторая, организационно-институциональная сфера мотивации представлена тоже тремя блоками: мотивацией соучастия и сотрудничества, мотивацией авторитета и социального признания и мотивацией независимости и подчинения, дисциплины и ответственности.

Третья сфера — механизм побуждений.

Отличительной чертой эффективно функционирующих социальных организаций является усиление мотивации их сотрудников по сравнению с мотивацией работников других учреждений.

Эффективно функционирующие социальные организации заботятся о формировании в общественном мнении и отдельно у каждого члена своего высокого статуса, имиджа и социальной значимости.

Идентификация сотрудника с организацией определяет его подчиненность организационной культуре (нормам, атрибутике, сленгу и пр.).

Усиление указанных мотивов обеспечивает устойчивое организационное развитие. На развитие социальной организации оказывают положительное влияние мероприятия, применяемые практическими социальными психологами для повышения психологической компетентности, профессионального и личностного роста персонала. Поэтому одним из условий эффективного развития социальных организаций является совершенствование управления их персоналом.

Практический социальный психолог совместно с руководством должен уметь преодолевать силы сопротивления в организации (Г. Вольф). В связи с этим он обязан иметь в виду и знать: методы наблюдения за взаимодействиями внутри организации; влияние истории организации на взаимоотношения ее сотрудников; причины сопротивления и саботажа, как на них реагировать; секреты и их разрушительную силу; стратегию борьбы с сопротивлением и саботажем; ключевые разрушительные взаимоотношения в организации; организацию работы с неэффективными взаимоотношениями между сотрудниками.

В связи с этим практическое значение имеют следующие моменты.

1. *Социально-психологические проблемы совершенствования управления персоналом в сфере социальных организаций.*

Большинство малых и средних предприятий находится в частной собственности, в результате чего происходит трансформация производственных отношений между работодателем и наемным работником.

Отсюда первоочередную важность для эффективного управления персоналом приобретает внедрение оптимальной системы внутриорганизационных отношений, а также нематериального стимулирования труда, которое во многих ситуациях может быть действеннее, чем материальное. Следовательно, основной проблемой современного управления персоналом является формирование эффективной системы нематериального стимулирования труда и основ психологического гуманного управления работниками.

Современный российский работник, как правило, имеет деформированное отношение к труду. Особенности менталитета работника, например: склонность к иждивенчеству, безответственное отношение к труду, нежелание повышать квалификацию или изменить специальность и др. — необходимо учитывать при использовании на деле теоретических и практических разработок в области управления вообще и персоналом в частности. Важное значение для управления имеет правильная оценка менталитета российского работника и руководителя и усилий по их коррекции в направлении, адекватном современному рынку.

Практические социальные психологи должны стремиться создавать условия, при которых денежное вознаграждение становится реально мотивирующим фактором:

заработной плате в организации должно придаваться достаточно большое значение (в некоторых изученных социальных организациях руководство, получая процент от сделок, относилось к заработной плате остального персонала пренебрежительно и невнимательно);

работники должны быть убеждены в наличии устойчивой связи между заработной платой, производительностью и качеством труда;

заработная плата должна складываться из трех частей — должностного оклада, надбавки за выслугу лет и главной переменной части, зависящей от достигнутых производственных результатов.

Внешняя среда (экология, организационная культура и климат) воздействует на развитие мотивации и изменение поведения работника. Поэтому в большинстве ситуаций изменение внешней для работника среды приводит к желаемому результату без дополнительного психологического воздействия. Проведение необходимых изменений в малой организации значительно облегчено по сравнению с крупной организацией.

Огромную роль в повышении эффективности деятельности организации имеет правильное решение проблемы управления неформальными группами в ней. Здесь следует выделить: особенности неформальных групп; причины примыкания работников к ним; социальные характеристики неформальных групп; необходимую последовательность действий руководителя при управлении неформальной группой.

Каждый человек должен рассматриваться не в качестве средства для достижения целей, а как личность, требующая к себе бережного отношения и индивидуального подхода.

По мере усиления групповой мотивации и укрепления группы (как формальной, так и неформальной) у каждого работника происходит частичное замещение индивидуальных мотивов групповыми или организационными. Это способствует улучшению психологического климата в группе и организации, повышению эффективности труда и упрощению управления группой и организацией.

В условиях низкой степени удовлетворения потребностей с помощью оплаты труда для российского работника естественнее работать ради удовлетворения высших потребностей — признания, уважения, причастности к успеху, в общении. Огромную роль в удовлетворении этих потребностей играет группа, к которой принадлежит работник, поэтому значение эффективного управления как формальной, так и неформальной группой трудно преуменьшить.

На основании сформулированных закономерностей существования групп и управления ими, а также моделей взаимодействия руководителя и группы возможно создание «идеальной» рабочей группы, которая характеризуется следующими показателями: открытостью внутри и вовне группы; гибкостью; сбалансированностью индивидуальных, групповых и организационных интересов; бережным отношением группы к отдельным ее работникам; осознанием ответственности; инициативностью; адекватной реакцией на изменение внешних условий. Такая группа работает лучше самого квалифицированного работника, а хорошо управляемая группа работает во много раз лучше, чем не управляемая руководителем.

Практика, к сожалению, показывает, что современный российский руководитель в большинстве случаев склонен к силовому управлению с помощью влияния через страх. Однако при наличии общих целей в управление деятельностью работника включаются внутренние стимулы, которые, согласно теории двойной мотивации, значительно эффективнее внешних. Из-за особенностей менталитета российского работника, в частности иждивенческих настроений, для необходимого укрепления дисциплины возможно редкое применение силовых методов. Наиболее рациональным из стилей управления является демократический. Однако требование дисциплины в организации обуславливает наличие элементов авторитарного стиля управления, что неизбежно и естественно на данном этапе развития экономики.

Необходимо подчеркнуть, что российская практика имеет множество примеров того, как работники трудятся с высокой отдачей в большей степени на благо организации, а удовлетворение потребностей происходит параллельно и имеет вторичное значение. В этом сказывается положительная сторона опыта коллективной работы, который имеется в России.

2. Организационные проблемы управления персоналом и вопросы организационной культуры в социальных организациях.

На основе формальной и неформальной власти в организации возможно построение эффективной организационной культуры.

Механическое перенесение на российскую почву технологизированного и обезличенного подхода к управлению, основанного на трудах западных ученых, может принести значительный вред.

Анализ коммуникаций в социальных организациях выявил следующие практически полезные закономерности эффективного построения коммуникационной сети (деловой переписки, общения, проведения совещаний и т.д.): прочные коммуникации возникают, когда обе стороны коммуникационного канала не стараются добиваться результатов немедленно и в полном объеме; эффективность коммуникаций как вербальных, так и невербальных, повышает ценность и полезность информации для обеих сторон, даже при отрывочных контактах; большое значение для эффективности коммуникаций имеет как физическое и психологическое их окружение, так и правильное определение собеседниками целей коммуникации и умение быстро приспособиваться к их изменению; для контроля за качеством коммуникаций со стороны руководителя совершенно необходима обратная связь. Кроме того, внутри организации все общение должно строиться на долгосрочных целях и интересах, что повышает устойчивость общения в повседневной работе; неформальные коммуникации обычно бывают более эффективны, чем формальные, однако для поддержания дисциплины в организации формальные коммуникации просто необходимы.

8.2. Понятие и составляющие организационной культуры

В литературе последних лет можно найти множество самых различных определений организационной культуры.

Р. Рюттингер пользуется общим понятием культуры как своеобразной системы, направленной на производство материальных ценностей и восприятие событий, образов, чувств и моделей поведения. Р. Л. Кричевский определяет культуру организации на основе учета тех ценностей, на которых она базируется.

У. Брэддик описывает культуру организации путем выделения факторов, влияющих на ее функционирование: происхождение учреждения, его развитие в прошлом; экономические обстоятельства (преуспевание или только выживание); стиль руководства, особенно главных управляющих; политика и практика организации, реальная или подразумеваемая; нравственные ценности организации; структура организации; характерные особенности сотрудников; характер бизнеса; стадии развития.

В. В. Глухов определяет культуру как совокупность норм, условий и ценностей, выбранных, созданных и разделяемых коллективом с целью внутренней интеграции и адаптации к внешним условиям.

Можно сказать, что существует два основных принципа рассмотрения организационной культуры. Ориентация, которой придерживается, в частности, М. Кубр, характеризуется следующими положениями: культура организации сложна и уникальна, она не может быть понята и точно описана организационным консультантом, но требует уважения к себе. Необходимо учитывать основные особенности культуры при работе в организации, особенно если речь идет о нововведениях.

В российской практике организационного консультирования сложился несколько иной подход к пониманию культуры организации. Как указывает И. В. Скрипичникова, *«организационная культура представляется как явление всепроникающее, всеохватывающее, непосредственно влияющее на жизнь организации в целом и выполняющее в ней ряд функциональных значений в области управления персоналом и в области формирования отношений фирмы с внешней средой»**.

Выделяют две основные функции любой организации: адаптацию, или выживание во внешней среде, и внутреннюю интеграцию. Организационная культура играет в выполнении этих функций ключевую роль. Процесс внешней адаптации или выживания связан с поиском и нахождением организацией своей ниши на рынке и ее приспособлением к постоянно меняющемуся внешне-

* Скрипичникова И. В. Организационное консультирование как ресурс развития общества, государства, политики и бизнеса: Тезисы научно-практической конференции. — М., 1995.

му окружению. В данном процессе решаются вопросы, имеющие отношение к выполняемым задачам, методам их решения, реакции на успехи и неудачи и т.д. Преодолевая трудности внешней адаптации, организация учится выживать. Результатом этого научения становятся согласованные представления о следующем:

- миссии и стратегии (определение миссии организации и ее главных задач, выбор стратегии во исполнение этой миссии);
- целях (установление специфических целей, достижение согласия по целям);
- средствах (методы, используемые для достижения целей, достижения согласия по используемым методам, решения по организационной структуре, системам стимулирования и подчиненности);
- контроле (установление критериев измерения достигнутых индивидом и группами результатов, создание информационной системы);
- коррекции (типы действий, требуемые в отношении индивидов и групп, не выполнивших задания).

Структура организационной культуры включает в себя следующие компоненты:

- мировоззрение, направляющее действия членов организации в отношении других сотрудников и ее клиентов и конкурентов;
- культурные ценности, доминирующие в организации, такие как «качество продукции» или «оцениваемое лидерство», символы и мифология;
- нормы поведения, отражающие в запретительном, рекомендательном или предписывающем видах доминирующие ценности;
- характеристики поведения людей в организации, выражающиеся в ритуалах и церемониях, языке, используемом при общении, а также в конкретных моделях поведения.

Многие компоненты культуры трудно обнаружить постороннему человеку, но каждый новый сотрудник проходит через процедуру знакомства с нормами, принятыми в организации. Часто более опытный сотрудник детально знакомит его с тем, что и как следует делать, к кому обращаться с теми или иными вопросами, как успешно выполнить то или иное задание.

Порядок перечисления культурных компонентов указывает на распределение их по уровням. Е. Б. Моргунов описывает каждый из них следующим образом.

1. Наименее обнаруживаемый и глубинный уровень представлен мировоззрением, т.е. представлением об окружающем мире, природе общества.

Оно связано с этнической культурой и даже религиозными представлениями. В настоящее время на Западе прочно вошло в обращение и активно исследуется понятие протестантской делов-

вой этики, в соответствии с которой человек обязан много трудиться и быть скромным в быту, лично принимать ответственность за все свои успехи и неудачи и т. д.

Противоположные представления характерны для деловой культуры некоторых азиатских стран, где главной является не личная эффективность, а занимаемый пост. Этот уровень культуры часто находит свое выражение в народном фольклоре по поводу работы.

Не каждый человек или организация в состоянии сформулировать основные постулаты, которые приводят в действие мировоззрение. Для его диагностики можно использовать опрос членов организации по поводу объяснения чьих-либо поступков.

2. Следующий уровень — культурные ценности, принимаемые членами организации. В одних организациях сотрудники ориентированы в основном на зарабатывание денег, в других более важными считаются технологические инновации или благосостояние сотрудников.

Эти ценности могут сохраняться, даже если произошла значительная смена членов коллектива.

Уровень культурных ценностей включает в себя символы — высказывания, произведения искусства, физические объекты, которые нагружены в культуре организации определенным смыслом.

Рассматриваемый уровень включает в себя также организационную мифологию, внедрение которой — процесс более кропотливый. Одно из направлений работы консультанта предполагает создание ореола героя для кого-либо из организаторов предприятия или его сотрудников. В этом деле важен не столько человек, сколько процесс его превращения в символ, объединяющий сотрудников, в некоторую ценность, отличающую данную организацию от многих безликих других. Важно основание, усиливающее отличие «наших» от «не наших».

3. Нормы поведения более наблюдаемы и еще более изменчивы, чем ценности, отчасти из-за того, что их проще, чем ценности, зарегистрировать и осознать. Выделяют три основных формы культурных норм:

— запретительные, указывающие на недопустимое поведение сотрудников организации;

— рекомендательные, определяющие желательное поведение сотрудников;

— предписывающие, точно характеризующие обязательные модели поведения в организации.

Игнорирование или несоблюдение норм организационной жизни регулируется различными санкциями.

4. Характеристики поведения отражают соблюдение или несоблюдение внутриорганизационных норм и описываются в виде

определенных моделей поведения в различных, важных для организации ситуациях. Для анализа этого уровня культуры важно диагностировать и учитывать следующие характеристики поведения руководителей организации:

элементы ситуации, на которые обращают внимание и которые контролируют руководители. Это очень важно для формирования культуры организации. Систематическое обращение внимания на что-либо является мощным сигналом для подчиненных о том, что является важным и что от них ожидается;

— способы реагирования руководителей на инциденты;

— способы обучения и консультирования с подчиненными, принятые у руководителей;

— критерии для поощрения и должностного роста. Поощрения могут быть заслужены или нет. Демонстрация заслуженных сотрудником привилегий может иметь огромное значение для формирования поведения сотрудников. Некоторые авторы считают именно систему поощрений и наказаний самой важной для формирования организационной культуры;

— критерии подбора, найма, продвижения и увольнения из организации. Имеющееся у руководителей представление о критериях ценности сотрудников сказывается на подборе персонала, так как в организацию чаще попадают новые сотрудники, соответствующие выработанным критериям. Чаще других организацию покидают сотрудники, отклоняющиеся от принятых в организации культурных образцов;

— участие в церемониях. Мера участия руководителей в тех или иных церемониях позволяет подчиненным субъективно ранжировать эти мероприятия по степени важности*.

Содержание организационной культуры характеризуется основными темами, которые культура выделяет как базовые, обращает на них внимание членов организации и обрабатывает с помощью своих инструментов. Каждая организационная культура характеризуется специфическим набором базовых тем, которые находят свое отражение в мировоззрении и последующих составляющих.

Существует много подходов к выделению различных атрибутов, характеризующих и идентифицирующих ту или иную культуру. Так, Ф. Харрис и Р. Моран предлагают рассматривать организационную культуру на основе следующих десяти характеристик:

— осознание себя и своего места в организации. Одни культуры ценят сокрытие работником своих внутренних настроений, другие — поощряют их внешнее проявление;

— коммуникационная система и язык общения: использование устной, письменной, невербальной коммуникации различается

* См.: Моргунов Е. Б. Личность и организация. — М., 1996.

от группы к группе, жаргон, аббревиатура, жестикуляция варьируются в зависимости от отраслевой, функциональной и территориальной принадлежности организаций;

— внешний вид, одежда и представление себя на работе. Разнообразие униформ, деловых стилей, опрятность, косметика, прическа и т.д. подтверждают наличие множества микрокультур;

— что и как едят люди, привычки и традиции в этой области;

— осознание времени, отношение к нему и его использование: степень точности и относительности времени у работников, соблюдение временного распорядка и поощрение за это;

— взаимоотношения между людьми по возрасту и полу, статусу и власти, мудрости и интеллекту, опыту и знаниям, степень формализации отношений, пути разрешения конфликтов;

— ценности как набор ориентиров в том, что такое хорошо и что такое плохо, нормы как набор предположений и ожиданий в отношении определенного типа поведения;

— вера во что-то, отношение или расположение к чему-то, влияние чего-либо: вера в руководство, успех, свои силы, во взаимопомощь, в этичное поведение, в справедливость, отношение к коллегам и конкурентам, к злу и насилию, агрессии, влияние религии и морали;

— процесс развития работника и научение;

— трудовая этика и мотивирование.

Р.Лайкерт считает, что следующие темы являются ключевыми в понимании специфики организационной культуры: управленческие отношения, мотивация (методы и формы мотивации сотрудников), коммуникация (основные схемы вертикального или горизонтального распространения информации в организации), интеракция (характеристика взаимоотношений сотрудников), принятие решений (предпочитаемый стиль принятия решений), цели (способ постановки и проявления целей организации), контроль (функции контроля).

В результате измерения этих параметров Р.Лайкерт предлагает относить организационную культуру к тому или иному типу, определяемому через понятия власти. Таким образом, тема власти выходит на первое место по значимости в организационной жизни.

Лозунги, даже если они обладают изысканной примитивностью, часто позволяют составить довольно полное представление о том, какие основные ценности выдвигаются на первый план организацией, либо о том, какое впечатление она стремится произвести на других. В американской специфической литературе неизменно подчеркивается значение лозунгов.

Легенды отражают историю организации. Они имеют в своей основе изменения, происходящие на предприятии, в закодированной форме передают унаследованные ценностные ориентации,

способствуют также развитию новых культур. Передаваемые от одного к другому рассказы зачастую в скрытой форме отражают напряженность, возникающую при столкновении различных ценностных ориентаций и неназванных принципиальных установок.

В целом, легенды и истории не только информируют об имевших место жизненных ситуациях, но и служат клапаном для снижения напряженности, без которой практически невозможно обойтись, не изменяя принципиальных условий. Иногда подтекстом деловых процессов может быть не реальное решение проблем, а игры и маневры, которые порой ведутся годами и с полной отдачей как между отдельными сотрудниками, так и между отделениями и целыми подразделениями в организации.

Подобные игры, ведущиеся почти бессознательно, при более внимательном рассмотрении часто имеют простой смысл. Целью этих игр часто является выяснение отношений власти. С психологической точки зрения во всех этих играх имеются три заранее определенные роли, а именно «жертва, преследователь и спаситель».

Деструктивные игры практически являются механизмом, позволяющим воплотить в жизнь подсознательные психологические роли, утвердиться и укрепиться. Чтобы выявить наличие игр, необходима солидная психологическая проницательность, которой сотрудники конкретной организации, как правило, в достаточной мере не обладают. Причем речь идет не только о том, чтобы распознать сам факт игры, но и о том, чтобы дать оценку тому, какое место данные маневры занимают в общем объеме сотрудничества, какие неофициальные нормы, какую концепцию самой организации они выражают и одновременно формируют.

В повседневной жизни организации ритуалы выполняют двойную функцию: они могут укреплять структуру предприятия, а с другой стороны, за счет затушевывания истинного смысла совершаемых действий — ослаблять. В положительных случаях ритуалы являются сценическими постановками произведений, имеющих основополагающее значение. Ритуалы символизируют убеждения, играющие существенную роль на предприятии. В сочетании с выдающимися событиями ритуалы прямо и косвенно высвечивают образ предприятия и господствующие на нем ценностные ориентации.

Ритуалы, выражающие признание, демонстрируют, в чем заключаются интересы организации, что вознаграждается и что торжественно отмечается. В негативном случае взаимосвязь между ритуалами и ценностными ориентациями утрачивается. Ритуалы превращаются в излишнюю, чопорную и смешную формальность, при помощи которой стараются убить время, уклониться от при-

нятия решения, избежать конфликтов и конфронтации, изобразить что-то друг перед другом.

В рамках организационной культуры ритуалы занимают важное место. Вместе с тем необходимо проверить, действительно ли с их помощью передаются ценностные ориентации, являющиеся актуальными и для повседневной деятельности. Кроме того, следует найти ответ на вопрос, не являются ли чрезмерные ритуалы препятствием на пути реализации целевых установок предприятия.

Согласно небезызвестной концепции Р. Бандлера и Д. Гриндера, язык предоставляет очень широкие возможности для выводов. В конце концов, с его помощью передается и формируется культура. Для анализа языковых проявлений важно ответить на следующие вопросы: что представляется важным, что движет отдельным человеком; каким образом ведется разговор, какой задается тон; какие понятия регулярно всплывают; какие повторяющиеся фразы используются; о чем не говорится, какие имеются табу, какие искажения в восприятии реальности скрываются за ними; в каких ситуациях проводятся обобщения; когда реальность неправильно интерпретируется, чего хотят этим достичь или чего избежать; с какой негласной моделью мира работают в данной организации; какие представления о себе и о других скрываются за определенными высказываниями?

Не менее красноречивыми, чем язык, являются также заведенные в организации системы менеджмента. Например, вывод о приоритетах можно сделать на основании повестки совещаний; сравнимые возможности открываются при изучении информационных систем.

Темы для обсуждения

1. Понятие «социальная организация». Основные характеристики социальных организаций.
2. Сущность организационной культуры и социально-психологического климата. «Составляющие» социально-психологического климата.
3. Характеристика «здорового» и «нездорового» социально-психологического климата.
4. Социально-психологические аспекты формирования здорового социально-психологического климата социальных организаций.
5. Исторический очерк исследования производственных отношений в отечественной и зарубежной социальной психологии.
6. Индустриальная социология и социальная психология.
7. Социально-психологические особенности производственных общностей при переходе к рыночным отношениям.
8. Социально-психологическая характеристика общностей предпринимателей.

Рекомендуемая литература

Бойко В. В., Ковалев А. Г., Панферов В. Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. — М., 1983.

Иванов В. Г. Морально-психологический климат коллектива. Советский этикет. — Л., 1974.

«Экспресс-методика» по изучению социально-психологического климата в трудовом коллективе: Лучшие психологические тесты. — Петрозаводск, 1992.

Социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова и А. А. Деркача. — М., 2002.

Глава 9. ПСИХОЛОГИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ДВИЖЕНИЙ

9.1. Признаки больших социальных групп и движений

К числу больших социальных групп относятся классы, партии, нации и пр.

Классы, как известно, большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства. Классообразующими признаками являлись: наличие (отсутствие) собственности на средства производства; работа на себя и других; доля общественного продукта, которая достается людям, относимым к тому или другому классу, т. е. неравенство.

В соответствии с этим в капиталистическом обществе выделяли класс буржуа и люмпенов, а структуру советского общества сводили к рабочим, крестьянам и прослойке — интеллигенции. Между тем в советском обществе, как и в любом другом, наряду с общепринятыми и названными общностями людей имели место и другие, например бездомные и нищие.

Социально-психологические признаки классов следующие:

— социальный статус, означающий положение в социальной иерархии;

— определенный образ, качество и стиль жизни;

— шкала ценностей, система потребностей и интересов;

— традиции, установки, картины мира, стереотипы, привычки, круг общения;

— социальная этика, сленг, жаргон.

Классовая структура общества — не статичное явление. Она зависит от типа государства, экономики и общества.

В настоящее время широкое распространение получила теория постиндустриального общества, которая предусматривает деление всего общественного развития на три этапа: доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный.

В доиндустриальном обществе ведущую роль играет сельскохозяйственная сфера, с церковью и армией как главными институтами общества.

В индустриальном обществе главное место занимает промышленность.

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу определяется рядом факторов: поворот от товаропроизводящей к обслуживающей экономике, что означает превосходство сферы услуг над сферой производства; изменение социальной структуры общества (классовое деление уступает место профессиональному).

Собственность как критерий социальной стратификации общества постепенно теряет свое значение, решающим становится уровень образования. Признавая ценность концепции постиндустриального общества, тем не менее нельзя не видеть ее утопичность.

Среди множества теорий социальной структуры общества выделяются две: плюралистическая и элитаризма.

С точки зрения плюралистической теории между множеством социальных групп существуют конкуренция, сделки и компромиссы.

Плюралисты исходят из того, что дифференцированность современного общества, включающего большое число групп (профессиональных, религиозных, этнических, региональных), создает потенциал для образования организаций, выражающих их интересы. Вопрос о классовой структуре рассматривается ими как «марксистская крайность».

Основоположники элитаризма В. Парето и Г. Моска делят общество на элиту и массу. «Новая элита», состоящая главным образом из верхушки чиновничества, менеджеров, интеллектуалов, берется за создание новой социальной структуры.

Вопрос о больших социальных группах имеет различные аспекты: политический, экономический, социологический, социально-психологический.

С позиции социально-психологического подхода большие социальные группы следует характеризовать не только с точки зрения их статуса, функций, качества жизни, корпоративности, но и образа жизни, культуры, социальной справедливости, демократичности, открытости, мобильности и вместе с тем неравенства.

Традиционно ведущими признаками больших социальных групп считались их потребности и интересы, которые в данном случае

рассматриваются как групповые социально-психологические явления.

Как правило, их освещение производилось с идеологических позиций. При этом интересы предпринимателей характеризовались как алчные, как интересы эксплуататоров, а рабочих — как движущая сила общественного процесса. Разумеется, таким упрощенным образом нельзя объяснять интересы больших социальных групп. Подобной антитезы на самом деле нет. Во всяком случае, это характерно для периода первоначального накопления капитала. В развитых странах противоречия между классами сглажены, но тем не менее существуют.

Степень удовлетворения потребностей больших социальных групп выражается в коэффициенте их жизнестойкости. Он определяется путем учета множества показателей: средней продолжительностью жизни, уровнем детской смертности, распространенностью генетических уродств, качеством продуктов, концентрацией предприятий тяжелой промышленности на единицу территории, процентом бюджетных затрат на социальные и экономические программы и др. Данный коэффициент определяется по шестибальной шкале. «Пятерку» не получила ни одна страна в мире. Что касается Швеции и стран Бенилюкса, то жизнестойкость населения этих стран оценена в четыре балла. Этот факт говорит о том, что социальная система, построенная на социал-демократической основе, позволяет удовлетворять и гармонизировать потребности и интересы больших социальных групп. Таким образом, идея конвергенции капитализма и социализма — не очередная утопия, а реальность. Что же касается концепции «общечеловеческих ценностей», то она достижима лишь в том случае, если решен вопрос о «витальных» потребностях конкретных социальных групп, т. е. их неравенства.

Интересы классов выражают партии, которые создаются в четко структурированном обществе. Причины объединения людей в партии связаны с психологией влечения к власти. Не случайно под партией подразумевают любую политическую группу, представленную на выборах, через которые она способна поставить своих кандидатов у власти.

Многopатийность — основа демократического общества. Монополизм как в сфере политики, так и экономики губителен для общественного развития. Однако многopатийность значительно усложняет общественную жизнь и без наличия определенной культуры эта демократическая основа общества превращается в хаос, источник опасности для всего общества.

Переход к рынку привел в России к значительному расслоению общества.

Появились ранее уничтоженные классы: «новые русские», предприниматели и др. Но этот неизбежный в общем-то исторический

процесс принял деформированный характер. Неравенство усугубилось.

Разница между материальным положением предпринимателей и остальными слоями населения достигла громадных размеров. При этом не образовался средний класс, являющийся социальным буфером между верхними и низшими классами общества. Процесс расслоения сопровождался не только разрывом между классами в области их материального положения, но и криминализацией предпринимательской среды и коррумпированностью власти. Вместе с тем основные классы оказались в маргинальном состоянии, т.е. интеллигенция, работники госбюджетной сферы, рабочий класс, крестьяне очутились в положении люмпенов. На самом же деле при хорошо продуманных стратегии и тактике перехода к рынку должно было произойти образование самого значительного класса — среднего.

К числу больших социальных групп относятся и *массовые движения* — человеческие множества, как правило, непрочные и случайные.

Социально-психологическими признаками человеческих множеств являются отсутствие организованности, слабое взаимодействие между членами и анонимность.

По существу, массовые движения — это продукт дестратификации, своего рода «агрегат» людей, в котором не различаются даже группы. Люди объединяются по разным причинам, например для защиты окружающей среды. Есть движения за гражданские, потребительские права и т.п. Существуют политические, религиозные и расовые движения. Иногда движения называют «реформаторскими», «революционными». Среди них различаются:

— национально-культурные общества, целью которых является изучение и популяризация традиций прошлого и настоящего, возрождение, сохранение и развитие соответствующих культур, промыслов, ремесел, социально-этнической самобытности;

— профессиональные общества (например, ассоциация «Анти-СПИД»); создаваемые, как правило, с целью объединения усилий и специалистов в некоторой области для распространения и развития конкретного научного направления. К таким движениям примыкают ассоциации людей, оказавшихся в тяжелом положении по какой-либо причине и объединившихся для взаимопомощи;

— культурно-воспитательные общества, в частности «Мир через семью» и др.;

— различные фонды, построение которых осуществляется либо по профессиональному признаку, либо по признаку благотворительной организации;

— общности краткосрочного, оперативного действия, к которым относятся различные комитеты поддержки.

В тоталитарном обществе деятельность любых массовых движений подконтрольна, санкционирована. Это обстоятельство лишает смысла деятельность таких общностей, так как она носит «добровольно-принудительный» характер.

Иной характер деятельности массовых движений в демократическом обществе. Все социальные движения здесь возникают в связи с наличием недовольства чем-либо. Во-первых, имеются объективные события и ситуации, которые вызывают недовольство, например задержка зарплаты. Во-вторых, складываются стандарты, по которым людям производят оценку. Иными словами, социальные движения образуются в связи с возникновением социальных конфликтов.

Забастовка может принимать массовый характер и охватывать не только работников какой-либо организации, но и всю страну. В таком случае говорят о гражданском неповиновении. Забастовочное движение, как правило, отличается единством целей и требований, материальной и психологической поддержкой, групповой идентификацией, эмпатией и в то же время наличием конфликтных интересов по отношению к другим социальным группам. Здесь максимально проявляется эффект, связанный с «мы» и «они».

Разумеется, молодежные движения отличаются от деятельности профсоюзов. Они, как правило, образуются на почве интереса к какому-либо жанру эстрадной музыки, спортивной команде (речь идет о так называемых «фанатах») и т. д.

9.2. Характеристика массовых социально-психологических явлений

Психология больших социальных групп формируется и проявляется в ходе социальных отношений и массового общения. Именно в процессе взаимодействия возникают и реализуются интересы, общественное мнение, слухи, традиции, социальные стереотипы, установки, ценности и другие массовые социально-психологические явления.

Интересы социальных групп — это такое социально-психологическое явление, которое играет решающую роль в институционализации общества.

Каждый социальный институт соответствует интересам конкретной социальной группы и служит их удовлетворению. Этим и определяются отношения между социальными группами — интересы одних социальных групп далеко не всегда согласуются с интересами других.

Разумеется, нельзя вульгаризировать это обстоятельство. Но и нельзя сбрасывать со счетов, впадать в иллюзии и подменять проблему «объективного конфликта интересов разных социальных групп» желанием построить «человеческие отношения» на основе

«общечеловеческих ценностей». В данном случае односторонний взгляд неприемлем, более того, вреден. Здесь принципиальное значение имеет движение навстречу друг другу двух обстоятельств: мощного финансирования социальных программ, позволяющих снять реальные противоречия между социальными группами, преодолеть их неравенство, и психотерапевтического подхода к организации отношений с позиции гуманистической психологии и ненасильственного общения.

Это не дань марксизму, а реальный взгляд на природу социально-психологических явлений.

К массовым социально-психологическим явлениям относится *общественное мнение*. Оно представляет собой публично выраженное и распространенное суждение, которое несет в себе оценку и отношение к какому-либо событию, представляющему интерес для общности.

В настоящее время в западной социальной психологии активно разрабатывается концепция социальных представлений (С. Московиси, Р. Харре). Под социальными представлениями понимается специфическая форма познания, знания здравого смысла, содержание, функции и воспроизводство которых социально обусловлены. В структуре социальных представлений принято выделять три важнейших измерения: информация, поле представления и установка. Под информацией понимается сумма знаний. «Поле представления» — это образные и смысловые свойства представлений. Установка определяется как отношение субъекта к объекту представления (А. В. Овруцкий).

Однако в отечественной социальной психологии по-прежнему чаще всего используется понятие «общественное мнение».

Общественное мнение проявляется в ряде функций: оно регулирует и предписывает определенное поведение, выражает и отражает оценки событий и фактов.

Формы проявления общественного мнения следующие: оценка, жалобы; советы, пожелания, одобрения; недовольство, осуждение, неодобрение, несогласие, протест.

При этом различают как обоснованные, так и необоснованные оценки, жалобы, несогласие и т. п.

Общественное мнение по своей сути одно из эффективных средств регулирования социальной жизни, надежное, при определенных условиях, средство познания. Истина и ложь — это две крайние точки, в промежутке между которыми существует общественное мнение. Общественное мнение способствует достижению истины, использованию знаний и чувств людей для воздействия на социальную действительность.

Характерная черта общественного мнения состоит в том, что любое событие, явление, попавшее в его фокус, рассматривается прежде всего с точки зрения одобрения или осуждения, т. е.

с точки зрения оценки. Следовательно, отражение действительности в общественном мнении носит преимущественно оценочный характер. «Обязательный элемент любого коллективного суждения, которое претендует называться общественным мнением, — наличие положительной или отрицательной оценки данного явления»*.

Посредством общественного мнения реализуется одна из его функций — аксиологическая, которая детерминирует оценку ситуации и определяет выбор линии поведения людей. Поэтому и в общественном мнении оценка окружающей действительности отражает позицию групп и слоев общества. Общественное мнение — это прежде всего групповое оценочное отражение действительности. «Вместе с тем здесь нет автоматизма. Практика показывает, что на формирование и выражение мнений, помимо коренных, групповых интересов, оказывают существенное влияние многие другие факторы, в том числе степень осознания отдельными членами общества названных интересов, уровень информированности людей, деятельность органов управления по изучению и использованию общественного мнения и т. д.**

Раскрытие природы и сущности общественного мнения открывает путь к познанию его структуры, которая включает в себя ряд различных, зачастую противоречивых элементов, имеющих рациональный, эмоциональный и волевой характер. Стержнем, вокруг которого группируются все эти элементы, является *социальная оценка*.

Последняя представляет собой выражение одного из видов отношения субъекта к объекту, которое заключается в том, что «субъект определяет соответствие объекта или отдельных его сторон и свойств критериям, им выдвигаемым»***. Эти критерии определяются объективным положением человека в качестве представителя крупной социальной группы.

Социальные оценки различных явлений имеют разную степень рациональности. Как правило, оценочная деятельность подкрепляется эмоциями (радостью, враждебностью и т. д.). Однако с течением времени эмоции ослабевают, и отношение к явлению, событию реализуется только посредством оценки, социального стереотипа. По своему характеру (направленности) оценки могут быть положительными (одобряющими), отрицательными (осуждающими), нейтральными (последние в ряде случаев могут выступать как сбалансированные оценки).

* Вичев В. Мораль и социальная психика. — М., 1978. — С. 283.

** Георгиев Я. Пульс жизни народа // Проблемы мира и социализма. — 1979. — № 6. — С. 55.

*** Социальная психология / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковича. — М., 1975. — С. 99.

Оценки могут иметь разную интенсивность — от очень положительной до резко отрицательной. Интенсивность общественного мнения — свойство весьма динамичное, которое может довольно быстро изменяться в зависимости от объективных условий и субъективных факторов. Учет этого момента необходим в ходе изучения состояния общественного мнения.

Социальная оценка, выражающая одобрение или осуждение, складывается на основе элементов знаний, которые выступают в форме информированности людей как обладание ими определенной совокупности сведений, представлений о различных явлениях действительности. Информированность может быть охарактеризована показателями диапазона, т.е. набором проблем, сфер деятельности, о которых осведомлен человек, и показателем глубины и количеством сведений по каждой проблеме. Именно поэтому элементы знания, содержащиеся в общественном мнении, обладают своей спецификой как по объему, так и по уровню. Это такие общие знания, которые дают возможность более или менее аргументированно отстаивать точку зрения, выраженную в общественном мнении.

В условиях демократического общества характерным является непрерывное повышение информированности населения. Это находит отражение в такой важной характеристике общественного мнения, как его компетентность.

Социально-психологическая компетентность населения — это прежде всего способность общественного мнения адекватно оценивать различные явления, процессы.

Кроме элементов рационального знания, в структуру общественного мнения входят представления — обобщенный образ многих чувственных впечатлений и наглядно-образное знание, возникающее зачастую в результате работы воображения. Однако фрагментарность представлений может и дезориентировать общественное мнение.

Спекулируя на особенностях процесса познания, средства массовой информации могут манипулировать общественным мнением, создавая у людей извращенные представления о социальной действительности.

Одна из важнейших особенностей общественного мнения — его направленность на практические действия; другая особенность — в его структуре содержится элемент, ориентирующий людей на проявления их мнения в поведенческих актах. Основной частью этого элемента является установка, которая связана с оценкой ситуации, а также с готовностью индивида действовать в соответствии с имеющимися оценкой и социальным стереотипом.

Из различных видов установок общественное мнение наиболее тесно связано с так называемыми фиксированными социальными установками, которые человек, как правило, осознает и кото-

рые представляют общие ориентации личности в отношении социальных объектов. В фиксированных социальных установках находят свое отражение ценностные ориентации индивидов как членов определенных групп и общества в целом.

Тесная связь общественного мнения с поведением, переход от суждений к действиям практически невозможны без волевых усилий людей. Императивное «необходимо» способствует концентрации мыслей и энергии многих людей в едином направлении, оно «цементирует» и направляет общественное мнение.

В конкретных социально-психологических исследованиях общественное мнение фиксируется как совокупность оценочных суждений (или актов поведения, их отражающих), репрезентативная для целей исследования группы населения по проблеме, представляющей общественный интерес. Это операциональное определение требует некоторых пояснений, ибо известно, что общественное мнение не есть просто сумма мнений индивидуальных.

Кроме того, «общественное мнение, как отмечает венгерский социолог К. Кульчар, — целостное явление, но с органической совокупностью взглядов и позиций людей»*.

Общественное мнение может формироваться как стихийно, так и преднамеренно. Его деформация приводит к неправильным стереотипам, оценкам поведения, созданию преступной субкультуры, установлению негативных традиций, искажению моральных ценностей, иначе говоря, к одобрению того, что аморально, и неодобрению того, что соответствует нормам морали и права. Подобное мнение как бы поощряет формирование общественно-го поведения, толкает на самоутверждение противоправным путем, делает из преступников «героев».

Формирование общественного мнения обусловлено прежде всего наличием общественного интереса. Создание и распространение информации на одном из первых этапов формирования общественного мнения связано прежде всего с решением таких задач, как привлечение внимания общественности к новой, общественно значимой проблеме, факту, явлению, новому подходу к оценке тех или иных, уже имевших место, явлений действительности. На данном этапе, таким образом, решается задача общей информированности населения, в этом случае речь идет о постановке проблемы как таковой, раскрытии ее актуальности, злободневности.

Один из последующих этапов формирования общественного мнения — его становление — характеризуется наличием относительно более определенно очерченных границ его распространенности. В связи с этим при информировании населения средства

* Кульчар К. Необходимы глубокие теоретические исследования // Проблемы мира и социализма. — 1979. — № 2. — С. 77—78.

массовой информации сосредоточивают свое внимание на повышении уровня компетентности общественного мнения (соответствующего объема и уровня знаний) в связи с предметом обсуждения. Эффективность формирования общественного мнения здесь во многом определяется и деятельностью массово-информационных и пропагандистских источников по выработке социальных установок, которые теснейшим образом связаны с процессом функционирования общественного мнения.

Значимый этап развития общественного мнения — это достижение его возможно большей распространенности. Решив последовательно задачи по активизации общественного интереса, становлению общественного мнения и достигнув при этом определенного уровня информированности населения, средства массовой информации начинают осуществлять свою деятельность в направлении дальнейшего расширения границ общественного мнения, его тиражирования, трансляции. Получение таких сведений тем более важно в связи с тем, что на этапе расширения границ общественного мнения по проблемам, поднятым средствами массовой информации, происходит более интенсивная трансформация суждений, мнений в рамках межличностного общения.

Существенным элементом, оказывающим непосредственное воздействие на достижение тех или иных эффектов информированности, является степень объективности содержания информации, распространяемой прессой, радио, телевидением и массовой устной пропагандой. Различные этапы формирования общественного мнения, несомненно, характеризуются как специфической элементами содержания распространяемой информации, так и формами, способами подачи ее на газетной полосе, в радио- и телепередаче.

Например, при решении задач, связанных с формированием, активизацией общественного интереса, массово-информационные источники уделяют первоочередное внимание публикации, передаче в эфир материалов, носящих дискуссионный характер. Ведь в поле внимания общественного мнения могут находиться только те вопросы и проблемы, по поводу способов и путей решений которых существуют еще различия в оценках, мнениях, суждениях людей. Таким образом, момент спорности, дискуссионности является необходимым условием формирования общественного мнения.

Становление, активизация общественного интереса по предмету формирования общественного мнения теснейшим образом связаны с фактором личной заинтересованности человека в решении поднятой проблемы. Поэтому, ставя цель привлечь внимание общественности к актуальным проблемам, средства массовой информации и пропаганды стремятся полнее отразить в своих материалах такие элементы содержания, как значимость решения

поставленной проблемы непосредственно для индивида, его семьи, детей, коллег по работе и т. п. Информация такого рода является важным катализатором процесса формирования общественного мнения.

Привлечение внимания аудитории к проблеме, показ ее значимости, актуальности осуществляются также посредством использования так называемой фактографической информации. Раскрытие существа проблемы, вопроса происходит на основе подачи ярких, характерных фактов, примеров, образов, наиболее адекватно вводящих читателя, слушателя, зрителя в проблему.

Массово-информационные источники формируют общественное мнение через свои непосредственные аудитории. Абсолютное большинство из них входит одновременно в состав аудитории нескольких средств или источников массовой информации. Какой-либо изолированной аудитории, причастной только к одному средству, не существует.

Границы аудитории подвижны. Она не существует вне связи с источником информации, с которым вступает в определенные отношения, и приобретает в силу этого специфические черты.

Отношения аудитории с источником информации развиваются, могут прерываться и возобновляться. Сохранение стабильности аудитории, расширение ее состава способствуют более успешной реализации процесса формирования общественного мнения.

Итак, роль общественного мнения в обществе трудно переоценить. В тоталитарном обществе оно выступает в качестве демократического атрибута, ничего в действительности не значащего. В любом случае общественное мнение выступает в форме «одобрямс», демонстрирующего нерасторжимую связь партии, государства и народа.

Что же касается подлинно демократического общества, то здесь неизмеримо возрастает значение общественного мнения. От него зависит судьба любого политического деятеля. В конечном счете демократия держится и проявляется через общественное мнение. Особую важность приобретает проведение референдумов — опросов общественного мнения по наиболее значимым вопросам жизни общества.

В связи с этим еще раз следует подчеркнуть, что общественное мнение подвержено воздействию и манипулированию. Поэтому оно далеко не всегда адекватно отражает объективную ситуацию в области политики, экономики и общества.

Общественное мнение выступает совместно с настроением, которые, вместе взятые, образуют умонстроение.

Массовое настроение — это более или менее устойчивое эмоциональное состояние общностей, которое окрашивает все их переживания. Настроения и мнения тесно взаимосвязаны. Настроениям присущ особый динамизм, который выражается, во-первых, в

способности переходить от одного состояния к другому: от бессознательного к отчетливо осознанному, от глубоко скрытого к открытому, а также перерастать в антиобщественные действия; во-вторых, в подверженности колебаниям и изменениям коренным образом в самый незначительный срок, почти мгновенно. Мнения и настроения далеко не всегда точно отражают какую-либо социальную ситуацию. Нередко в таких случаях массовое общение проявляется в виде слухов.

Слухи представляют собой недостоверные или частично достоверные сообщения, исходящие от одного лица или группы, о каких-либо событиях, ничем другим не подтвержденные, устно передающиеся от одного лица к другому. Модель психологического воздействия слухов представляет собой систему, в которой субъект психологического воздействия (СПВ) и объект психологического воздействия (ОПВ) являются подсистемными.

Психологическое воздействие слухов включает в себя три взаимосвязанных этапа, или момента: операционный — воздействие субъекта; процессуальный — принятие (непринятие) воздействия ОПВ; результат, т. е. последствия перестройки психики ОПВ и его ответные реакции, которые выполняют функцию обратного воздействия ОПВ на СПВ.

Чаще всего слухи воздействуют на центральную нервную систему, вызывая повышенную напряженность, стресс, астенические психические состояния, вплоть до истерики, путем создания невыносимой, экстремальной в психологическом плане обстановки.

За основу психологии слухов обычно берут две характеристики: информационную и экспрессивную. Первая представляет собой объективную степень достоверности сообщения, а вторая определяет тип эмоциональной реакции, на которую рассчитан и которую вызывает слух при его восприятии.

В соответствии с информационной характеристикой слухи условно подразделяются на четыре типа: абсолютно недостоверные, недостоверные с элементами правдоподобия, правдоподобные, достоверные с элементами неправдоподобия.

С учетом экспрессивной характеристики и типов вызываемой эмоциональной реакции слухи можно подразделить на слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух.

По происхождению слухи бывают стихийными или умышленно сфабрикованными. Иногда слух зарождается стихийно, но, попав на определенную почву, находит заинтересованных распространителей, готовых приукрасить информацию в соответствии со своими интересами.

По силе влияния слухи подразделяются на будоражащие групповое мнение, вызывающие одиночное и групповое антиобщественное мнение, разрушающие связи между лицами и группами.

Следует иметь в виду два решающих условия, совокупность которых и составляет основную причину возникновения и распространения слухов и выраженность которых определяет в основном интенсивность их циркуляции (Ю. А. Шеркович).

Первым из этих условий является интерес аудитории к некоторой теме. Самое нелепое сообщение будет передано дальше, если оно вызывает интерес. Множество смехотворных (а иногда трагикомичных) ситуаций подобного рода можно обнаружить как в практических исследованиях, наблюдениях, так и в художественной литературе. Так, самые невероятные гипотезы приобретали силу бесспорности среди обитателей города Н. после скандального разоблачения странных махинаций Чичикова с мертвыми душами. Он оказывался похитителем шестнадцатилетней губернаторской дочки, фальшивомонетчиком, шпионом нового губернатора и даже Наполеоном, выпущенным англичанами с острова Святой Елены и засланным в Россию.

Однако никакой интерес сам по себе недостаточен для возникновения слуха, для этого, как отмечалось, нужен интерес неудовлетворенный. При наличии исчерпывающей и не подлежащей сомнению информации о некоторой теме вероятность возникновения слуха, касающегося данной темы, стремится к нулю. Отсюда второе условие — дефицит надежной информации. Подчеркнем, что речь здесь идет не об объективной достоверности имеющихся сведений, а о субъективной оценке степени собственной осведомленности. Самые точные сведения, полученные из источника, не пользующегося у аудитории доверием, сохраняют информационный дефицит, тогда как ложные сведения из престижного для данной аудитории источника ликвидируют дефицит и блокируют распространение слухов. Поэтому если речь идет о достаточно масштабных аудиториях и о политически значимых событиях, проблемах (большую часть сведений о которых люди часто получают не эмпирически, а через различные каналы массовой публичной и межличностной коммуникации), то дефицит надежной информации определяется отношением двух переменных: количества официальных сообщений по данному предмету на данный момент времени и степени доверия к источнику официальных сообщений (Ю. А. Шеркович).

Таким образом, понимая под интенсивностью (С) быстроту распространения слуха, широту охватываемой аудитории и объем привлекаемого внимания (который может быть определен через количество межличностных контактов, содержащих упоминание о сюжете), ее зависимость от интереса к теме (И) и дефицита надежной информации (Д) может быть представлена выражением

$$C = I \cdot D.$$

Здесь уместно говорить именно о произведении, поскольку результат прямо пропорционален величине каждого из сомножителей, а приближение любого из них к нулю означает ликвидацию слуха.

Далее, дефицит надежной информации можно считать обратно пропорциональным количеству официальных сообщений на данный момент времени (K_c/V) и степени доверия к источнику сообщения ($D_{и}$):

$$D = \frac{1}{(K_c/V) \cdot D_{и}}$$

Объединив первую и вторую модели, получим компактную и удобную для использования схематическую зависимость:

$$C = \frac{И}{(K_c/V) \cdot D_{и}}$$

Иными словами, интенсивность циркулирования слуха (C) прямо пропорциональна интересу аудитории к теме ($И$) и обратно пропорциональна количеству официальных сообщений на данный момент (K_c/V) и степени доверия к источнику сообщения ($D_{и}$). Вместе с тем приведенная модель охватывает только содержательные условия возникновения и распространения слухов и не касается собственно функциональных мотивов, которые также необходимо иметь в виду.

Так, циркулирование слухов облегчает межличностные контакты, как бы дает им дополнительный импульс, и поэтому косвенным условием возникновения слухов становится депривация (от лат. *deprivatio* — лишение; ограничение) функциональной потребности в общении. Устная передача «неофициальных сведений» подчеркивает подчас социально-психологический статус передающего, престижную близость к источнику, поэтому распространению слухов способствует неудовлетворенная потребность индивидов в социально-психологическом самоутверждении. Циркулирование слухов, в том числе даже «слухов-пугал», как оказалось, способно в некоторых случаях снижать эмоциональное напряжение в большой группе (через идентификацию по аналогии «всем плохо»), а значит, эмоциональное напряжение само по себе служит дополнительным фактором возникновения слухов. В то же время невыносимой для людей может стать эмоционально обедненная, длительно лишенная значимых событий обстановка, при которой потребность во впечатлениях реализуется за счет циркулирования слухов.

Итак, мнения и настроения как социально-психологические явления играют большую роль в поведении общностей. Они являются регуляторами их поведения.

Наряду с динамико-статическими явлениями в обществе наблюдаются статичные, т. е. устойчивые, неподвижные явления, которые также оказывают активное воздействие на поведение общностей.

Традиции — способ хранения, передачи и воспроизводства как положительного, так и отрицательного опыта. Нередко их называют «социальным клеем». В каждом обществе существует целая система традиций, направленных на укрепление его стабильности. Их классифицируют по различным основаниям. Выделяют национальные и другие традиции.

Традиции создают условия для «здорового консерватизма», стабильности общества. Яркий пример тому — Англия. Институт королевы — не что иное, как традиция. Приверженность англичан к своим традициям в области политики, быта глубоко оправдана, хотя и придает их образу жизни налет архаичности.

Традиции проявляются во всех сферах, начиная от гигиены и кончая национальным рынком.

Темы для обсуждения

1. Социально-психологическая проблематика больших групп, их классификация.
2. Основные направления исследований психологии классов и массовых движений.
3. Общественное мнение и настроение — характеристики массовых социальных явлений.
4. Сущность и классификация массовых статических социально-психологических явлений.
5. Социально-психологические особенности обычаев и традиций.

Рекомендуемая литература

- Дилегенский Г. Г. Социально-политическая психология. — М., 1994.
Политология: Власть, демократия, личность. — М., 1994.
Социология: Хрестоматия. — М., 1993.
Уледов А. К. Актуальные проблемы социальной психологии. — М., 1981.
Шестопал Е. Б. Очерки политической психологии. — М., 1990.
Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. — СПб., 1992.
Яницкий О. Н. Социальные движения: 100 интервью с лидерами. — М., 1991.

Глава 10. ПСИХОЛОГИЯ ТОЛПЫ

10.1. Социально-психологическая сущность толпы

Зарождение и оформление теории о психологии толпы в России в основном происходило в рамках коллективной рефлексологии. Представители ее, к сожалению, механически рассматривали данное социально-психологическое явление.

В 1876 г. В.Х.Кандинский произвел анализ явлений конформизма и психического индуцирования массовых экзотических состояний.

В 1893 г. А.А.Токарский в докладе «Психические эпидемии» трактовал их как формы массового коллективного поведения. К ним он отнес народные волнения, религиозные движения и явления паники.

С.С.Корсаков писал о психических эпидемиях в связи с анализом индуцированного помешательства и отмечал близость этих явлений.

В 1897 г. В.М.Бехтерев произвел дифференциацию тех форм общения, которые характерны для коллективных, массовых его проявлений в виде психических «эпидемий».

В годы первой русской революции для юристов царской России стал актуальным вопрос о массовых преступлениях. Предметом исследования Д.Д.Безсонова была психология толпы. В ее характеристику он ввел понятия пассивности и активности: «С психологической стороны должно различать толпу пассивную (выжидательную) и толпу активную (действующую)»*.

В 20-х гг. XX в. В.А.Артемов подметил, что психология различных общностей несходна. В частности, по его наблюдению, неорганизованная толпа и организованная демонстрация могут состоять из одних и тех же людей, но поведение их будет различным, поскольку природа данных общностей неодинакова.

Проблема толпы довольно долго рассматривалась в русле традиционной теории «внеколлективного поведения» (Ю.А.Шерковин, Г.М.Андреева, А.В.Серегин) и массовых эксцессов. Что касается истории исследования групповых эксцессов, то она сравнительно коротка. Начало ее связано с работой Г.А.Туманова (1974).

Значительный вклад в дальнейшую разработку проблемы толпы применительно к деятельности ОВД внесли В.А.Ильин, А.И.Китов, А.В.Серегин, И.В.Каретников, А.Д.Сафронов и др.

В литературе можно встретить понятия «групповой эксцесс», «групповое нарушение режима отбывания наказания» (Г.А.Туманов).

Групповой эксцесс включает в себя массовые беспорядки, групповое хулиганство, как правило, межгрупповые драки и групповое неповиновение (групповой отказ от приема пищи, выхода из помещения, на работу, следования по маршруту). Но, учитывая массовидный характер эксцессов, их следует именовать не групповыми, а массовыми.

По определению, сделанному Л.Н.Войтоловским, главная характеристика толпы — однородность чувств людей. Поэтому в по-

* *Безсонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. — СПб., 1902.

нятие «толпы» он включает неорганизованные скопления народа и такие большие группы, как классы, касты, трудовые коллективы-артели. Основная идея автора состоит в том, что в толпе происходит концентрация энергии. Этим объясняется та, порой колоссальная, работа, которую не в состоянии совершить одиночки, которую невозможно представить в виде простой суммы результатов деятельности отдельных субъектов. Данная энергия наполняет каждого, кто действует в толпе, и дает ему осознание особого всемогущества и заряд творчества. Этим автор объяснял и случаи исцеления больных во время религиозных шествий верующих за «чудотворными иконами».

Эмоциональность темперамента толпы сродни темпераменту сангвиников, которые наиболее легко могут объединяться в такие общности. Толпа быстро переключает свое внимание, у нее быстро возникают чувства. Законы действия масс — это прежде всего законы эмоциональности.

В западной психологической и специальной литературе имеется множество публикаций, посвященных проблеме толпы. История исследования данного феномена имеет глубокие корни. Ее начало связано с работами Г. Тарда. В изучение многослойной природы толпы внес лепту и З. Фрейд. Его работа «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921) проливает свет на проблему «бессознательного» в условиях толпы.

Толпа — понятие житейское. Особенно его любили употреблять поэты в качестве антитезы Я. Не обошли вниманием это явление политические психологи и публицисты. Слово «охлократия» (власть толпы) не сходит со страниц литературы и прочно вошло в лексикон политологов. В словаре русского языка С. И. Ожегова (1978) толпа кратко толкуется как скопление людей, сборище. Если определять толпу с социально-психологических позиций, то можно сказать следующее.

Толпа — это контактная, неорганизованная общность, характеризующаяся высокой степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующая эмоционально и относительно единодушно.

Она оказывает сильное психологическое давление на индивидов. В ней, в условиях анонимности, происходит растворение индивидуальной ответственности ее членов. Выделяют такие социально-психологические особенности толпы, как повышение групповой внушаемости и снижение эффективности действия механизмов контрвнушения, повышение эмоциональности восприятия действительности, подавление чувства ответственности за собственные поступки, появление чувства силы и осознания анонимности.

В различных условиях могут складываться неодинаковые общности, характеризующиеся как толпа, а их поведение может принимать разнообразную направленность. Это и болельщики на стадио-

не, и лица, проявляющие любопытство к различным происшествиям, и пассажиры пригородного транспорта, столпившиеся на вокзале или платформе. Такие же общности образуют посетители парков, выставок, зрелищных учреждений, участники похоронных процессий, свадеб, митингов, демонстраций и массовых беспорядков.

Что касается механизма развития толпы, то основную роль здесь играет массовое общение. Массовое общение, обладая свойством психологического воздействия, влияет на поведение и деятельность участников толпы.

Это свойство общения сознательно используется организаторами, зачинщиками и подстрекателями эксцессов, владеющими техникой воздействия. Что касается чрезвычайных происшествий, возникающих по неосторожности или в силу биологических факторов (эпидемии), или природных стихийных бедствий, то в данном случае массовое общение, как правило, строится стихийно, произвольно, хотя и не всегда.

В настоящее время эффект, наблюдаемый в условиях толпы, можно сравнить с эмоциональным ускорителем, эффектом «снежного кома», цепной реакцией, резонансом, индукционным процессом.

Основным средством психологического воздействия, осуществляемого участниками толпы, является слово, причем в основном экспрессивная, эмоциональная лексика: крик, свист, призывы, междометия, например типичный крик: «Наших бьют!»

Внушение — один из основных способов информационного психологического воздействия личности или группы на других участников с помощью передачи различных по содержанию сообщений (уговоров, угроз, слухов, шантажа). Внушение всегда вербализовано. Оно — сознательная деятельность со стороны субъектов воздействия.

В самом общем виде психическое заражение представляет собой бессознательную, невольную подверженность личности или группы определенным психическим состояниям, возникающим в толпе в результате воздействия неречевых и речевых средств общения. В связи с тем, что схожие психические состояния (гнев, испуг и т. д.) и настроения возникают у большинства участников толпы, срабатывает механизм многократного взаимного усиления, ускорения и индукцирования эмоционального воздействия друг на друга. Это приводит к образованию общего психического настроения и решимости.

В условиях толпы имеет место особая реакция заражения, когда психическое состояние, настроение и поведение личности или группы резонируют, усиливаются путем многократного отражения по моделям (образцу) цепной реакции, разгоняются, как частицы в ускорителе, и тонизируют группу. Нагляднее всего при-

рода психического заражения проявляется в эффекте «снежного кома». Эффект заражения проявляется по-разному, в зависимости от вида ситуаций, личностных и групповых особенностей участников. Здесь существенную роль играют традиции, обычаи. Заражение передается через речевые и неречевые средства общения: мимику, жесты рук и т.д.

Однако толпа не всегда возникает случайно, стихийно. Довольно часто ее возникновение провоцируется или умышленно создается. В этих случаях используются иные способы психического воздействия: шантаж, угрозы, слухи, захват заложников, голодовка, попытка самосожжения, блокирование общественного транспорта. Так, слухи, представляющие собой недостоверные или частично достоверные сообщения, исходящие от одного или нескольких лиц, о каких-либо событиях и устно передающиеся от одного к другому, в значительной степени влияют на возникновение толпы.

Разъяснение и убеждение являются одним из способов психологического воздействия. Они выполняют функции, аналогичные внушению. Но между ними есть и различия. Внушение действует путем непосредственного «прививания» сообщения, не нуждаясь в доказательстве и логике. Разъяснение и убеждение основаны на том, чтобы с помощью логического обоснования добиться согласия личности, принимающей информацию. Убеждение представляет собой преимущественно интеллектуальное воздействие.

При анализе различных способов психического воздействия на развитие толпы следует иметь в виду, что в данном случае на участников толпы оказывает влияние не только информационное значение речевых сообщений. Здесь большую роль играет сила шума, выражаемого, как правило, в форме междометий, частоты звуковых колебаний, рева большой массы людей, что воздействует на эмоциональное состояние.

Подражание также является одним из способов психологического воздействия, при помощи которого формируется толпа и осуществляются те или иные действия. В результате подражания не только принимается поведение другого человека или массовое психическое состояние, но и воспроизводится, тиражируется это поведение.

Для того чтобы собрать толпу, прибегают к различным необычным, зрелищным, эффектным приемам. Например, в Москве на Красной площади не один раз совершались попытки самосожжения, приковывания себя цепями и т.п., что всегда собирало толпу.

Модным катализатором толпы является блокирование общественного транспорта, групповая голодовка.

Участники толпы могут использовать в качестве способов психологического воздействия пикетирование, «штурм» администра-

тивных зданий, ультиматум, «живое кольцо» и захват заложников. Использование данных способов не самоцель, а средство достижения цели.

10.2. Характеристика различных видов толпы

Различают *простую* (оказиональную), *экспрессивную*, *конвенциональную* и *действующую толпу*. Естественно, что названные виды толпы во многом условны. Толпа — весьма динамичное социально-психологическое явление. Один вид толпы может переходить в другой, но тем не менее каждый из видов обладает качественными отличиями.

Простая, или оказиональная, толпа представляет собой скопление лиц, желающих получить информацию о событиях или явлениях, очевидцами которых они стали по случайному стечению обстоятельств. Обычно ее образуют лица, испытывающие потребность в острых ощущениях, впечатлениях (любящих, иначе говоря, поглазеть). Такая толпа может объединять от нескольких десятков до нескольких сотен лиц. Поводами для скопления ее служит какое-либо происшествие, как правило, дорожно-транспортное, поведение лиц, не соответствующее общепринятым нормам, необычное явление и т.п.

В принципе простая толпа не представляет опасности, хотя и создает помехи и неудобства. В то же время она может превратиться в действующую, агрессивную. Иногда такая толпа устраивает самосуд (суд Линча).

Экспрессивная толпа — это группа людей, совместно выражающих чувства радости, горя, гнева и т.д. Так, поклонники рок-музыкантов, эстрадных звезд отличаются высокой экзальтированностью в поведении.

Подобные группы нередко складываются из числа зрителей, присутствующих на спортивных состязаниях и выражающих восторг успехами спортсменов, а также любителей острых ощущений, возникающих под воздействием азартных игр, наркотиков.

Праздничные шествия во время больших событий, похоронные и иные процессии носят характер экспрессивной общности. Особое внимание органы внутренних дел уделяют экспрессивной толпе при похоронах людей, погибших в результате аварий, катастроф и т.д.

Конвенциональная толпа образуется, например, во время спортивных состязаний. Болельщики на стадионе неистовствуют так, как никогда не ведут себя в других ситуациях. Это обстоятельство является далеко не безобидной вещью. «Фанаты» представляют реальную угрозу для общественной безопасности. Как правило, по своему составу значительную часть болельщиков составляют

не просто любители спорта, а лица, испытывающие чувство привязанности к какой-либо из команд, преимущественно к местной.

Действующая толпа распадается на спасающуюся, стяжательную и так называемую агрессивную. Спасающая толпа — это толпа, находящаяся в состоянии паники (реакции массового страха при мнимой или реальной угрозе). Паника может возникнуть при стихийных бедствиях, пожарах, авариях, эпидемиях и террористических актах в местах массового скопления людей.

К воздействию страха более восприимчивыми оказываются те группы, которые сформировались случайно. Это подтверждает поведение людей во время пожаров и аварий в гостиницах, на транспорте и в других местах их случайного скопления.

Слово «паника» (от греч. *panikon*) означает безотчетный ужас. «Паника» как понятие в настоящее время употребляется психологами для обозначения психологического состояния, вызванного угрожающим воздействием внешних условий и выраженного чувством страха, охватывающего человека или общность, и неудержимым, неконтролируемым стремлением избежать опасной ситуации.

Вследствие паники в толпу могут превращаться достаточно организованные аудитории. В частности, подобное случилось в США в 1938 г., когда во время трансляции радиопостановки по роману Г. Уэллса «Война миров» люди пережили состояние, близкое к массовому психозу, поверив во вторжение марсиан на Землю. Хотя по радио было трижды объявлено о том, что передается литературное произведение, приблизительно 400 тысяч американцев засвидетельствовали «появление марсиан». Данный пример стал хрестоматийным.

Паника может возникать в организованных и неорганизованных группах, охватывать людей, собранных вместе на одном пространстве, а также разрозненных на большой территории. Она способна возникать почти мгновенно у сотен тысяч людей или постепенно, захватывая то одни группы, то другие, передаваясь суггестивно.

Древние греки полагали, что состояние паники как у людей, так и у животных вызвано гневом бога Пана — покровителя пастухов, пастбищ и стад. Бога старались умилостивить, принося ему жертвы.

Военачальники всех времен боялись появления панического состояния у своих воинов, которое было равносильно поражению в бою.

По мнению Т. Пашуковой, в отличие от понятия «паника», означающего страх, безотчетный ужас, охватывающий вследствие механизма заражения массы людей, слово «паникерство» используют для характеристики состояния личности.

Паникер — это слабая личность, у которой усиленно работает фантазия, но снижена способность разумного суждения в экстремальных ситуациях.

В зависимости от того, касается ли паническое состояние большого скопления людей или отдельной личности, паника делится на массовую и индивидуальную. В обоих случаях общим является страх и ужас, лишаящий индивидов возможности действовать осознанно и последовательно.

Паника является отражением реальных или мнимых угроз: переживанием опасности, которая в случае свершения грозит человеку смертью, увечьем или потерей имущества; переживанием кратковременности ситуации, во время которой человек чувствует, что не сумеет правильно оценить ее и принять сознательное решение о плане действий; переживанием необходимости действовать без осознанного плана, под влиянием моментального импульса в целях самозащиты или интересов сохранения существующего положения вещей.

Поводы к возникновению паники бывают разнообразными и далеко не всегда предсказуемы. Примером служит событие 18 мая 1896 года, происшедшее на Ходынском поле, где во время раздачи подарков по случаю коронации Николая II из-за халатности властей произошла давка и, по официальным данным, погибло 1389 и изувечено 1300 человек.

Паника может выражаться в разных формах. Так, А.С. Прангишвили выделяет массовое бегство и панические настроения. Но Т. Пашукова предлагает выделять и виды паники в зависимости от сфер ее возникновения, например в области экономики.

Массовое бегство — это бегство людей от страшящей их опасности, которая может быть как реальной, так и мнимой. Люди не осознают, куда и зачем они бегут. Альтернативой такому бегству является только спланированный отвод людей, эвакуация на заранее подготовленные места.

Панические настроения представляют собой психологические состояния, относящиеся к отдельным людям, однако такими состояниями иногда поражаются целые социальные слои, классы общества. Вероятно, при паническом настроении меняется соотношение между ориентирующими и регулирующими компонентами психической деятельности человека. Эмоциональное берет верх над рациональным, поведение становится подверженным случайным стимулам и стихии чувств и переживаниям, движения и действия в этом состоянии плохо предсказуемы.

Опустошенные прилавки магазинов представляют собой индикаторы экономической паники. Усиление подверженности такой панике наблюдается у людей в период инфляции, повышения цен и смены экономического уклада жизни в стране. По нескольку раз в год экономическая паника охватывает банковские биржи, в силу

чего наблюдается неимоверный наплыв вкладчиков либо финансовый кризис.

В ряде случаев это возникает под влиянием целенаправленных слухов, запускаемых конкурентными фирмами.

Т. Пашукова полагает, что остановить экономическую панику возможно, если организовать официальное выступление членов правительства, пользующихся доверием у населения, по телевидению, радио или в прессе.

Динамика паники выглядит следующим образом.

Во-первых, для возникновения паники необходим стимул. Например, крик «Пожар!» в кинотеатре, часто провоцируемый запахом гари, вызывает панику у зрителей.

Во-вторых, паника начинается с реакцией отдельных индивидов, присутствующих в данном скоплении людей. Как правило, это психологически тревожные и беспокойные люди. Они начинают кричать, метаться. Беспорядочное их движение активизирует чувства страха, ужаса, отчаяния.

Далее паническое состояние под влиянием эмоционального заражения, эмоционального резонанса охватывает все большее количество народа. Все приходит в паническое движение, без обдуманного плана и без прогнозирования последствий.

Кульминация всего этого наступает в момент психического перенапряжения у людей. Переломный момент сопровождается криками, воплями тех, кто погибает в давке или паническом бегстве. В силу этих причин толпа начинает редеть, после чего восстанавливается спокойствие.

Знание динамики паники позволяет выработать рекомендации и приемы, направленные на ее остановку, предотвращение. На первом этапе, когда паника только начинается, ее помогает остановить громкое и властное убеждение. На втором — планирующие и регулирующие приказы неподверженных паническому состоянию личностей. На третьем — применение сверхсильного раздражителя. В армейской практике используется предупредительный выстрел, а в кинотеатре это может быть громкий, переданный через мегафон приказ о прекращении паники с последующими указаниями зрителям, куда и каким образом двигаться к выходу.

Психофизиологическая активность человека, его поведение и деятельность разворачиваются на фоне предварительной ориентировки и программирования действий. В большинстве случаев такую предварительную ориентировку обеспечивает установка. Под установкой понимается готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им появления определенного объекта. Она обеспечивает устойчивый, целенаправленный характер протекания деятельности по отношению к данному объекту. Одна из функций установки — предварительное приспособле-

ние в стандартных ситуациях, в ранее встречавшихся или известных условиях.

Если обстановка меняется, как это бывает при появлении неожиданного или сверхсильного раздражителя, то происходит смена установки. По мнению А. С. Прангишвили, в период смены установки при некоторых обстоятельствах возникает предпаническое состояние. К таким обстоятельствам, или факторам, он относит неясность ситуации, разрыв каналов коммуникации и потерю уверенности людей в силе объединения.

С точки зрения Т. Пашуковой, отсутствие готовности реагировать определенным образом в ситуации, оцениваемой человеком как опасная, приводит его в состояние ужаса и испуга. В восприятии у него сужается видение перспектив, а в сознании усложняется уяснение сути сложившейся ситуации и возникает затруднение в выработке цели и программы действий.

Паника связана с изнуренностью и крайним утомлением людей, но ее появление еще более снижает тонус их сознательной активности. В условиях недостатка информации усиливается работа воображения, однако гиперболические представления об опасности не встречают критического осмысления. При потере уверенности в руководстве, а тем более при его отсутствии, индивид становится податливым к восприятию слухов, т. е. непроверенных сведений. Для профилактики паники, вызываемой слухами, важно, зная каналы их распространения, вовремя противопоставлять им объективную убеждающую информацию.

Толпа и ее паническое состояние составляют общественную проблему. С толпой приходится иметь дело прежде всего правоохранительным органам. При этом, как установили американские исследователи, оценка размеров толпы «на глаз» полицией, как правило, преувеличивается в два, три и даже в 20 раз. Это подтверждают и наши данные: оценки количества участников митингов и демонстраций наблюдателями от разных политических групп значительно отличаются.

Для установления численности скопления народа Джекобс предлагает пользоваться такой формулой: «Нужно сложить цифры, определяющие длину и ширину площади, занимаемой толпой, и умножить сумму на коэффициент плотности, который составляет 10 для плотных толп и 7 для менее плотных». Это формула быстрого определения размеров толпы, при котором ошибка не превышает 20 %.

Проблема контроля за поведением толпы очень сложна, в связи с чем нельзя допускать возникновения агрессивной, стяжательной и панической толпы. Но самое главное — необходимо обустроить жизнь таким образом, чтобы не было у людей чувства фрустрации, отчаяния, безысходности, т. е. предпосылок возникновения паники.

Во время пожаров, аварий большую опасность представляют переуплотненные потоки людей. В узких проходах гостиниц, жилых зданий, стадионов люди, обезумевшие от страха, сливаются в плотную живую массу, которая может снести все на своем пути. Так, состояние сильного смятения и тревоги большого количества людей, находившихся на мосту, вызвал крик человека, случайно свалившегося в реку. Восприняв этот крик как сигнал опасности, гуляющая публика стремительно рванулась с моста. О последствиях нетрудно сделать вывод.

Действующая стяжательная толпа может складываться на предприятиях торговли при продаже товаров, пользующихся большим спросом; у касс, реализующих билеты на стадионы, спортивные состязания, зрелищные представления и средства транспорта, а также при входе в павильон популярных выставок, в зрелищные сооружения, стадионы при ограничении посадочных мест. В своем крайнем асоциальном проявлении действующая стяжательная толпа не что иное, как мародеры, которые обосновывались в прифронтовых полосах, в зоне военных действий, чернобыльской аварии.

Действующая агрессивная толпа отличается высшей степенью эмоционального возбуждения и особо тяжким характером противоправного поведения. Наибольший вред наносит поведение действующей агрессивной толпы в тех случаях, когда она приобретает характер массовых беспорядков (групповых эксцессов).

Действующая агрессивная толпа — понятие собирательное. В одних случаях ее образуют группы, осуществляющие погромы, поджоги, убийства (не в политических целях, а в результате проявления недовольства). Как правило, к таким группам относятся болельщики, члены враждующих группировок и прочие общности, осуществляющие массовые антиобщественные действия. В других она возникает за счет участников социального протеста (национально-освободительных движений, несанкционированных митингов, демонстраций, антирасистских выступлений и революционных переворотов).

По своим целям, составу названные общности отличаются друг от друга, но по результатам, правовой оценке, социально-психологической природе и механизмам они похожи. Если не одинаковы, то близки, хотя первые возникают чаще всего стихийно, а вторые умышленно, профессионально.

Классификация участников толпы, даваемая в уголовном праве (организаторы, исполнители, подстрекатели, пособники — активные участники, все остальные — пассивные), имеет значение для судопроизводства, но оказывается недостаточной для социально-психологического описания ролевой структуры групповых эксцессов.

Рольевую структуру участников толпы образуют:

— организаторы массовых эксцессов — лица, которые проводят подготовительную работу по их созданию: они заранее «проигрывают» и планируют эксцессы, затем ими выбираются удобное время и повод для создания эксцессов;

— зачинщики — это лица, развертывающие активную подстрекательную деятельность, направляющие действия участников, распределяющие роли, распространяющие провокационные слухи и т.п. Зачинщиками могут быть и организаторы, и подстрекатели из числа тех, кто претендует на завоевание лидирующего положения;

— активные участники, т.е. лица, составляющие «ядро» эксцессов. Они образуют самую опасную (ударную) группу;

— конфликтные личности, которые примыкают к активным участникам эксцессов исключительно из-за появления возможности в анонимной обстановке свести счеты с лицами, состоящими с ними в конфликте, разрядить эмоциональное напряжение, дать выход своему необузданному нраву, садистским импульсам. Среди таких личностей немало психопатических лиц, хулиганствующих элементов, наркоманов;

— добросовестно заблуждающиеся, т.е. те, кто становится участником эксцесса: во-первых, из-за ошибочного восприятия причин сложившейся обстановки; во-вторых, из-за ложно понимаемого принципа справедливости; в-третьих, под влиянием слухов;

— эмоционально-неустойчивые — лица, идентифицирующие свои поступки с общим направлением действий участников; внушаемые, легко заражаемые общим настроением, без сопротивления отдающие себя во власть групповым явлениям;

— любопытствующие — те, кто наблюдает со стороны и не вмешивается в ход событий, но своим присутствием усиливает эмоциональное возбуждение других участников;

— примкнувшие — лица, которые становятся участниками эксцессов под влиянием угроз со стороны организаторов и подстрекателей, боязни физической расправы в случае отказа от участия в эксцессе.

Ю.А. Шерковин выделяет такие стадии внеколлективного поведения, как «циркуляция и кружение»; «кружение»; «немедленные действия»; «создание единого образа»; «активизация индивидов через дополнительное стимулирование».

А.И. Китов выделяет следующие стадии развития эксцессов: начало групповых эксцессов — возникновение повода; второй этап — появление первых тревожных слухов; третий этап — брожение умов; четвертый этап — формирование толпы (циркулярная реакция, процесс кружения); пятый этап — развертывание антиобщественного поведения толпы.

Практически процесс развития групповых эксцессов включает в себя три стадии: первая — осложнение или нагнетание обста-

новки; вторая — возникновение повода для противоправных действий и их осуществление; третья — анализ обстановки после эксцесса.

Первая стадия групповых эксцессов предшествует массовому антиобщественному поведению и характеризуется возникновением социальной напряженности, накоплением недовольства — того «горючего» материала, который способен при самых незначительных поводах обострить обстановку. Ее возникновение предрасполагают такие кризисные явления:

— резкое усиление тенденции к дифференциации, т. е. к размежеванию населения на богатых и бедных при отсутствии среднего класса и обострении противоречий между ними;

— возникновение тревожных информации, слухов, нездоровых мнений и настроений; недовольство действиями представителей власти, депутатов, чиновников местных властей; снижение уровня жизни вследствие потери работы из-за спада производства, банкротства предприятий, инфляции, роста цен и т. д.;

— ослабление авторитета власти;

— консолидация (сплочение) оппозиции и появление лидера, пользующегося авторитетом среди основной массы населения.

Для данной стадии группового эксцесса характерна консолидация оппозиции, подразделяющаяся на три уровня:

— низкий, менее всего осложняющий обстановку, когда отсутствуют практические связи между партиями и движениями;

— средний, существенно влияющий на состояние обстановки, для которого характерно объединение политических партий и других сил;

— высокий, способный дезорганизовать социальную деятельность. Ему присущи такие признаки, как наличие общепризнанного лидера, стремление оппозиции координировать свои действия, попытки устраивать съезды, создавать единую программу действий.

Недовольство не всегда бывает обоснованным. Обоснованное недовольство населения связано прежде всего с недостатками в деятельности власти, ухудшением своего материального положения. Критическая точка недовольства и несправедливости означает «беспредел».

Непосредственным началом второй стадии групповых эксцессов следует считать возникновение повода, который используется зачинщиками в качестве детонатора события.

К числу закономерностей этой стадии групповых эксцессов можно отнести следующие моменты.

В качестве повода используются такие события, которые можно психологически «обыграть», так как они как бы оправдывают начало действий участников эксцессов, придают им как бы справедливый характер и позволяют втянуть в «воронку» событий большие группы людей.

Отличительной чертой большого количества эксцессов является то, что они становятся независимыми от породивших их в свое время исходных причин и могут возникать даже тогда, когда эти причины уже исчерпаны.

Эксцессы характеризуются следующими основными моментами:
— осуществление требований с позиций силы и в то же время анонимности;

— внезапность и неотвратимость действий;
— возникновение условий для реализации сдерживаемой до сих пор системы отношений;

— создание трудностей для силовых структур по осуществлению целенаправленных действий;

— привлечение внимания общества к событиям;
— формирование общей и частных (вспомогательных) целей, последовательности действий по их реализации (захватам, поджогам, погромам, убийствам и др.);

— вовлечение в события путем угроз, слухов и пр.;
— создание общего образа «врага»;
— выработка тактики действий;
— возникновение аффектогенных действий в связи с проявлением компенсаторных механизмов (вымещение накопившейся напряженности) в экстремальных условиях;

— участие в групповых эксцессах большого количества лиц, склонных к риску.

Третья стадия группового эксцесса — это обстановка после его ликвидации. Она далеко не сразу становится нормальной. Осложнение обстановки в этот период могут вызвать слухи, недоверие, которые таят в себе возможность возобновления эксцессов.

Темы для обсуждения

1. Понятие толпы, ее виды.
2. Характеристика простой, экспрессивной, конвенциональной, действующей и агрессивной толпы.

Рекомендуемая литература

- Андреева Г. М.* Социальная психология. — М., 1988.
Китов А. И. Психология управления. — М., 1979.
Серегин А. В. Внеколлективное поведение и общественный порядок. — М., 1979.
Социальная психология / Под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. — М., 1975.
Сухов А. Н. Внеколлективное поведение. — М., 1987.
Социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 2002.

Глава 11. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ КОНФЛИКТОВ

11.1. Основы конфликтологии: понятие о конфликтах, их структура, функции, стадии протекания и виды

Термин «социология конфликта» впервые ввел немецкий философ и социолог Г. Зиммель (1858—1918), который назвал именно так одну из своих работ, изданную в начале XX столетия. В современной социальной психологии и социологии понятие «конфликтология» собирательное, употребляемое для обозначения особой области исследований. Пока эта теория носит характер «среднего ранга». В то же время она претендует на статус общепсихологической теории.

С момента становления западной социальной психологии и социологии она оказалась в центре их внимания. Однако степень интереса к исследованию конфликта значительно варьировалась — от признания важности и позитивной ценности конфликта в конце XIX—начале XX в. (Г. Зиммель) до минимального внимания к нему со стороны социальных аналитиков и попытки создания в настоящее время специальной дисциплины о конфликтах — конфликтологии (Р. Дарендорф, Х. Крисмански).

Первое обращение к проблеме конфликта связано с социал-дарвинизмом. Его представители подвергли критике концепцию органической школы, отождествлявшей общество с организмом, и создали в противовес ей собственную теорию конфликта. Вместе с тем следует отметить ненаучность теории социал-дарвинистов, которая подменяет изучение механизма конфликта иллюстрацией дарвиновских принципов «борьбы за существование» и «естественного отбора».

С середины 20-х гг. XX в. интерес к теоретическому анализу проблем конфликта значительно снизился, но с начала 40-х гг. XX в. снова возрос. При этом попытка возрождения теории конфликтов связана с именем Т. Парсонса.

За рубежом проблема конфликта изучается в рамках различных научных школ: социал-дарвинизма, психоанализа, гештальтпсихологии, интеракционизма, когнитивизма, математического моделирования и др. О широте исследования этой проблемы в западных странах говорят следующие обстоятельства. В США по данной тематике издается специальный журнал «Проблемы разрушения конфликтных ситуаций». Здесь имеются специальные научные учреждения, которые занимаются изучением только проблемы конфликтов. Кроме того, при Мичиганском университете функционирует центр по исследованию конфликтов, который координирует все разработки, проводимые в этом направлении. В Англии создан Лондонский институт по изучению международных конфликтов.

Однако теория конфликта в США, европейских странах не представляет какой-либо единой концепции, а выступает в виде разрозненных взглядов. Среди них наибольшую известность получили концепции «позитивно-функционального конфликта» Л. Козера, «конфликтная модель общества» Р. Дарендорфа, «общая теория конфликта» К. Боулдинга.

На сегодняшний день имеется острая необходимость связать в систему те исследования, которые ведутся в рамках различных наук: биологии, искусствоведения, математики, педагогики, политологии, правоведения, разных отраслей психологии, социологии, философии и некоторых других наук, например психиатрии, военных наук. Создание такой комплексной науки о конфликтах не только желательно и возможно, но и необходимо.

Предметом конфликтологии являются общие закономерности возникновения, развития и разрешения конфликтов. Ее интересуют в основном два типа конфликтов: *внутриличностные* и *социальные конфликты*. В свою очередь к главным видам конфликтов относятся: межличностные, конфликты между малыми, средними и большими социальными группами, международные конфликты между отдельными государствами и коалициями. Однако в реальной жизни очень редки конфликты в «чистом» виде.

Основное содержание теории конфликтов составляют следующие категории: понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и типология.

В житейском смысле конфликт означает ссору, спор, драку и т.д. Подобное толкование, например, можно найти в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова. Такая трактовка конфликта достаточна широка и аморфна. Конфликт — многоуровневое, многомерное и многофункциональное социально-психологическое явление. На макро-, среднем и микроуровне он представляет собой социальный конфликт во всем его многообразии, на личностном — внутриличностный конфликт (как столкновение тенденций, сторон личности).

Единого определения социального конфликта не существует. Впрочем, создание универсального определения конфликта вряд ли возможно. Во всяком случае это дело будущего. Пока же можно констатировать следующее.

В 1972 г. В. И. Брудный и В. А. Семенов определили конфликт как «столкновение противоположных интересов, мнений и стремлений». А. А. Ершов расширил и углубил данное определение, подчеркнув, что личностный конфликт «означает столкновение личностей ввиду несовместимости их потребностей, мотивов, целей, установок, взглядов, поведения в процессе и в результате общения этих личностей». В. М. Афонькова формулирует конфликт как «ситуацию столкновения и борьбы несовпадающих точек зрения, интересов, установок субъектов». А. Г. Ковалев трактует конфликт через противоречие. Н. В. Гришина предлагает рассматривать кон-

фликты как реакцию людей на препятствия к достижению разного рода целей совместной деятельности, на поведение других лиц, не соответствующее ожиданиям, а также реакцию на почве несовместимости характерологических шаблонов поведения, несходства культурных основ и потребностей.

В 80—90-е гг. XX в. опубликовано множество работ, где психологами предлагаются различные трактовки конфликта. Несмотря на разные подходы к определению конфликта, можно выделить присущие ему свойства:

- наличие противоречий, во всяком случае различий, между интересами, ценностями, целями, мотивами, ролями субъектов;
- противодействие, противоборство субъектов конфликта, стремление нанести ущерб оппоненту, травмировать его Я;
- негативные эмоции и чувства по отношению друг к другу как фоновые характеристики конфликтного взаимодействия.

По мнению американского социолога Л. Козера, каждое общество содержит в себе некоторые элементы напряжения и потенциальных социальных конфликтов, которые он рассматривает как важнейшую составную часть социального взаимодействия, способствующую разрушению или укреплению социальных связей. Л. Козер определяет конфликт как явление, отражающее устремление и чувства социальных групп и индивидов в борьбе за объективные цели: власть, изменение статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т. п.

Наибольшее количество определений имеется относительно межличностного конфликта. Считается, что конфликт — это столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, ролей, мнений, ценностей или взглядов участников взаимодействия.

Что же касается внутриличностного конфликта, то первенство в области его изучения принадлежит психоанализу, гештальт-терапии, гуманистической психологии.

Естественно, каждый тип конфликта требует к себе специального подхода и определения. Семейные конфликты отличаются от конфликтов в научных, воинских подразделениях, тем более от криминогенных, политических и организационных.

Конфликты возникают не в силу действия объективных обстоятельств, а образа их восприятия, осознания, оценки, отношения к ним. Большую роль при этом играют рефлексия, когнитивные процессы. Люди пытаются анализировать создавшуюся ситуацию, но довольно часто ошибочно объясняют причины конфликтов. Это явление получило название каузальной атрибуции. В данном случае исходят из личного опыта, приписывают собственные недостатки другим, проецируют свои психологические состояния на других, стереотипно, шаблонно судят. Одновременно с этим в условиях конфликта включаются защитные механизмы, направленные на выход из фрустрации: агрессия, обесценивание (раци-

онализация), замещение, вымещение и пр. Наложение этих процессов превращает конфликтное поведение в эмоционально и интеллектуально насыщенное.

Структуру конфликта составляют такие его характеристики:

- стороны или участники конфликта (отдельные индивиды, социальные группы; государства, коалиции государств);
- количество участников и масштаб распространения: глобальный, региональный, локальный, межличностный;
- предмет конфликта — то, из-за чего возник конфликт;
- образы конфликтной ситуации как внутренние ее картины: представления участников о самих себе (своих мотивах, ценностях, возможностях), о противостоящих сторонах; представление каждого участника о том, как другой воспринимает его, о среде, в которой складываются конкретные отношения.

Исходя из этого, выделяют четыре случая:

- конфликтная ситуация объективно существует, но она не осознается, не воспринимается участниками. Конфликта как социально-психологического явления нет;
- конфликтная ситуация объективно существует и стороны воспринимают ее как конфликтную, однако с теми или иными существенными отклонениями от действительности (случай неадекватного восприятия конфликта);
- конфликтная ситуация объективно отсутствует, но тем не менее отношения сторон ошибочно воспринимаются ими как конфликтные (случай ложного конфликта);
- конфликтная ситуация объективно существует и участниками более или менее адекватно воспринимается (случай объективного конфликта).

Кроме того, при анализе конфликтов следует выделять:

- сферы возникновения и проявления (политика, экономика, общество);
- пространственно-временные характеристики;
- условия и повод возникновения столкновения;
- частоту — количество столкновений участников конфликта за определенный отрезок времени: эпизодические, хронические, циклические конфликты;
- продолжительность — количество времени от начала до разрешения конфликта (кратковременные и долговременные);
- средства и действия, используемые участниками для достижения своих целей (шантаж, дезинформация, слухи и т.д.);
- форму проявления, выражающуюся на вербальном и невербальном уровне, открыто и скрыто;
- результат (исход) конфликта.

Конфликты выполняют разнообразные функции, основными из которых являются разрушительная, созидательная и диагностическая.

Разрушительная (деструктивная) функция проявляется в негативных последствиях конфликта: неприязни, эмоциональной напряженности, психических травмах, нарушениях закона, морали, дисциплины, военных столкновениях, патогенных последствиях.

Созидательная (конструктивная) функция конфликта заключается в преодолении трудностей, кризисов. Положительный конфликт способствует утверждению социально-позитивных норм общения, обстановке взаимной требовательности, приводит к отказу от противоправных действий, повышению уровня организованности, улучшению психологического климата.

Диагностическая функция связана с пониманием причин возникшего противоборства, мотивов его участников.

Конфликт как социально-психологическое явление представляет собой процесс, протекающий во времени. Динамика конфликта включает в себя следующие стадии:

— предконфликтную ситуацию, характеризующуюся «натянутостью» отношений, подчеркнутой официальностью, расколом общности на группы и пр. Такую ситуацию называют потенциальным конфликтом или предконфликтной ситуацией. При осознании ее происходит переход к следующей стадии конфликта;

— конфликтное взаимодействие, которое может протекать следующим образом: 1-й вариант — выход из конфликта; 2-й вариант — заключение конфликта; 3-й вариант — борьба до победного конца. Выделяют и другие варианты конфликтного взаимодействия;

— разрешение конфликта — обстановка после конфликта (с этой точки зрения конфликт бывает полностью, частично разрешенный и совсем не разрешенный).

Конфликт конфликту — рознь. Имеются различные классификации конфликтов. С учетом одних оснований выделяют реальные, ложные, иррациональные конфликты, с позиции других оснований — внутриличностные и социальные.

Между тем существующая типология конфликтов более сложная. Так, внутриличностные конфликты могут быть патогенными, позитивными, приводящими к нравственной переоценке, переориентации. В свою очередь, социальные конфликты подразделяются на социально-политические, в основе которых лежит борьба за овладение, сохранение и удержание власти; социально-экономические и т.п. При этом в зависимости от сферы возникновения они бывают семейными, групповыми, в научной, воинской среде, межэтническими и пр. В то же время по своим последствиям конфликты являются позитивными и деструктивными, последние также включают в себя и криминогенные.

В отечественной социальной психологии, к сожалению, неоправданно мало внимания уделено организационным конфликтам, связанным с инновационными процессами. Основными элементами организационного конфликта являются организационная

проблемная ситуация и столкновение целей ее участников. Например, «первый» участник может воспринимать данную ситуацию как препятствие к достижению задач должностной позиции, а «второй» воспринимает ее как ситуацию, благоприятствующую решению задач своей должностной позиции. Следствием этого будет их конфликтное воздействие.

11.2. Конфликты в различных общностях

Ориентированная на практическое использование классификация конфликтов в зависимости от сфер их возникновения и проявления выглядит следующим образом: социально-политические, в том числе этнополитические конфликты; межэтнические конфликты; конфликты в сфере управления (организационно-управленческие); семейные и супружеские конфликты; конфликты в сфере производства, услуг и торговли; конфликты в научных, воинских подразделениях; конфликты в условиях изоляции (среди экипажей космических комплексов, кораблей длительного плавания, членов антарктических станций — полярников, в среде осужденных).

Не имея возможности описать подробно каждый из выделенных типов, остановимся на наиболее типичных: межэтнических, производственных, семейных, в армейской среде и в условиях изоляции.

Являясь следствием социальной напряженности, выплеснувшейся на поверхность при распаде тоталитарных режимов, социальные (региональные, межнациональные) конфликты охватили значительную часть евроазиатского континента. Парадокс в том, что приходящие к власти посткоммунистические, в большинстве своем националистические режимы, не только не несут в себе бесконфликтность, но в ряде случаев сами порождают конфликтные ситуации или возобновляют старые с новой силой. Существенной причиной межэтнических конфликтов является стремление нации к своей однородности, «чистоте», а также дискриминационное поведение представителей одной национальности в отношении представителей другой национальности.

Межэтнические конфликты — это крайняя отрицательная форма проявления сложных глубинных противоречий в отношениях между этническими общностями, группами людей, протекающих под влиянием множества социально-экономических, политических, исторических, национально-психологических, религиозных факторов. В чистом виде межэтнические конфликты в природе, за исключением бытового уровня, не существуют. Межличностные этнические конфликты возникают из-за когнитивных причин, столкновения стереотипов, установок. Чаще всего они выступают в качестве этнополитических, этноэкономических конфликтов.

При одновременном существовании наиболее благоприятных факторов противоречия между жизненно важными интересами разных этнических общностей могут достигать критического состояния и приобретать характер жесткого противоборства в форме открытой конфронтации, что приводит к групповым и массовым эксцессам. Причины межэтнических конфликтов носят не поверхностный, а глубинный, системно-структурный характер.

Межнациональный конфликт имеет несколько стадий развития. Вначале происходит нарастание напряженности, усиление активности какой-либо одной национальной группы, постепенное втягивание в противостояние другой группы, формирование организованности движений путем выдвижения лидеров и активистов, создание материальной базы, структурирование по следующим направлениям: национальное движение и власть; национальное движение и представители иных национальностей; национальное движение и органы охраны правопорядка.

Социальная напряженность предшествует собственно конфликтным межэтническим взаимодействиям. Она характеризуется противоборством в межнациональных отношениях, формированием образа «врага», националистических, сепаратистски настроенных общественно-политических объединений и движений, процессом их вооружения, циркуляцией слухов, актами протеста: митингами и демонстрациями, наличием недовольства.

Стадии собственно конфликтных межэтнических действий характеризуются массовыми эксцессами, вооруженной борьбой с элементами гражданской войны между неконституционными формированиями.

В сравнительном плане межэтнические конфликты отличаются спецификой причин возникновения, тяжестью последствий, количеством участников и т. п.

Межэтнические конфликты превращаются в этнополитические тогда, когда определенные политические силы под предлогом повышения статуса республики и других образований пытаются завладеть властью в своих интересах. В данном случае национальная идея, недовольство этнических общностей эксплуатируются и используются как инструмент политической борьбы. При этом интересы нации безответственно игнорируются.

Производственные конфликты складываются из широкого спектра ситуаций — от затяжных межличностных конфликтов до «одномоментных» ситуаций, быстро проходящих, но требующих принятия непростого решения. К причинам производственных конфликтов относятся: процедура и результаты приватизации; неблагоприятные условия труда; неправильные действия руководителей из-за отсутствия у них опыта работы; конкуренция, расхождение мнений работников в оценке явлений; нарушение внутригрупповых норм поведения, распад общности на различные груп-

пировки, возникновение разногласий между разными категориями работников; противоречия в интересах людей, в функциях их трудовой деятельности; несовместимость в силу личностных, возрастных и других различий; личностные характеристики работников; «неплатежи»; банкротство; безработица.

В качестве основных моделей развития производственных конфликтов выступают:

1. «Деловой спор». Область разногласий предметна и определена. Участники верят в возможность прийти к соглашению. Ощущение их становится интенсивным; они «чувствуют» ситуацию, осознают достоинства и недостатки общих точек зрения.

2. «Формализация отношений». Характеризуется расширением зоны рассогласований. Участники могут отказаться от обсуждения возникшей проблемы, избрав официальные способы принятия решения.

3. «Психологический антагонизм». Участники подчас затрудняются четко определить, с чем они не согласны, однако склонны преувеличивать существующие разногласия; враждебность участников столь значительна, что именно она определяет все развитие ситуации.

Существует несколько стратегий поведения в конфликте: во-первых, «уход из ситуации»; во-вторых, заключение компромисса; в-третьих, проявление уступчивости, полный отказ от своих намерений; в-четвертых, достижение целей любой ценой; в-пятых, ориентация на сотрудничество.

Специфические причины конфликтов в сфере производства наблюдаются в период реформ. Они связаны с процессом приватизации, структурной перестройкой предприятий, переупорядочиванием ВПК, сокращением рабочих мест (безработицей), разрушением экономических связей, неплатежами.

Что касается конфликтов между и внутри коммерческих структур, то их причины связаны с борьбой за рынок сбыта, ценообразованием и другими моментами.

Конфликтными супружескими союзами называются такие, в которых между супругами имеются сферы жизнедеятельности, где их интересы, потребности, намерения и желания приходят в столкновение, порождая особо сильные и продолжительные отрицательные состояния. Однако при этом брачный союз может длительно сохраняться благодаря другим факторам.

Существует следующая классификация супружеских конфликтов:

— возникающие на основе неудовлетворенной потребности в ценности и значимости своего Я, нарушения чувства достоинства со стороны другого партнера;

— на базе неудовлетворенных сексуальных потребностей одного или обоих супругов;

— имеющие своим источником неудовлетворенность потребности одного или обоих супругов в положительных эмоциях;

— на почве пристрастия одного из супругов к спиртным напиткам, азартным играм, наркотикам;

— из-за финансовых разногласий, возникающие на основе преувеличенных потребностей одного из супругов;

— на почве удовлетворения потребностей супругов в питании, одежде, на почве благоустройства домашнего очага, а также затрат на личные нужды одного из супругов;

— на почве неудовлетворения потребности во взаимопомощи;

— на почве разных потребностей в проведении отдыха и досуга, различных хобби.

Разумеется, данная классификация не охватывает всего многообразия супружеских конфликтов, но дает возможность систематизировать основные из них.

Если же говорить более детально о причинах семейных конфликтов, то они представляют собой большой диапазон обстоятельств, в частности:

— фоновые причины (социально-политические и социально-экономические, влияющие на ценностные различия членов семьи, уровень жизни семьи, ее материально-бытовое положение);

— социально-психологические (межролевые конфликты, связанные с распределением обязанностей, регулированием семейного бюджета и т. д.);

— нравственно-психологические (случаи измены, лжи, двойной стандарт);

— индивидуально-психологические (различия в области здоровья, сексуальные и психологические расстройства и пр.).

Существует также довольно распространенная ситуация, именуемая «любовным треугольником»: он — она — она; она — он — он. Далеко не всегда данная ситуация воспринимается конфликтно (имеются в виду открытые, групповые браки, свининг). Однако чаще всего она сопряжена с психологическими травмами, самоубийствами и убийствами. Достаточно вспомнить судьбу Анны Карениной или Леди Макбет Мценского уезда. В основе конфликтов, возникающих в системе «любовного треугольника», лежит межролевой конфликт. Конфликт между ролью «любовницы» и ролью жены. Стремление любовницы повысить свой статус приводит к столкновению с образом жизни любовника.

В основе конфликтов в воинских подразделениях лежит деформация уставных отношений и стратификации в армейской среде, иначе говоря, «дедовщина»*.

Наиболее убедительно это социально-психологическое явление описано в повести Ю. Полякова «Сто дней до приказа». Тяжелые конфликты возникают в связи с сокращением армии, ее рефор-

* См.: Феденко Н. Ф., Галицкова В. Л. Психологические аспекты преодоления конфликтных ситуаций в воинских коллективах. — М., 1981.

мированием. Главная причина конфликтов — бытовая неустроенность офицеров, их семей в результате передислокации частей.

Особняком стоят конфликты в условиях изоляции и к тому же преступной субкультуры.

Конфликты в среде осужденных — это борьба между ними с помощью психического и физического насилия с целью занятия лидирующего положения, извлечения нетрудовых доходов, обладания запрещенными предметами, насильственного удовлетворения потребностей и др.

Помимо понятия «конфликт» есть термин «уровень конфликтности». Существует статистический подход к измерению этого явления. Суть данной методики заключается не в измерении какого-либо единичного конфликта, а в изучении тенденции развития и проявления конфликтов за какой-либо отрезок времени. Имеется еще один важный показатель — индекс конфликтности личности. Он говорит о склонности личности к конфликтам, причем здесь нужно учитывать роль, выполняемую личностью в конфликтном взаимодействии. Конфликтной личностью можно назвать ту, которая является инициатором конфликтов, причем негативных (деструктивных).

Конфликты в среде осужденных представляют собой в основном негативное явление, проявляясь в деструктивных последствиях.

Деструктивные конфликты бывают криминогенными и некриминогенными. К числу криминогенных относятся те, которые приводят к совершению преступлений. Почти абсолютному числу преступлений и иных правонарушений (более 70 % случаев) предшествовали конфликты среди осужденных. В результате конфликтов совершаются не только преступления против личности и общественного порядка, но и такие правонарушения, как побеги, членовредительство, самоубийство конфликтующих.

Темы для обсуждения

1. Конфликтология как междисциплинарный подход к исследованию конфликтов.
2. Понятие конфликтов, их виды.
3. Характеристика основных концепций конфликтов.
4. Структура, стадии и функции конфликтов.

Рекомендуемая литература

- Войтова С. А., Зубань Е. Н.* Конфликтология. — СПб., 1992.
- Емельянов С. М.* Практикум по конфликтологии. — СПб., 2001.
- Лопухин А.* Конфликтология? Да, конфликтология: (Американские выступления.) // Проблемы теории и практики управления. — 1990. — № 1.
- Платонов Ю. В.* Социальные конфликты на производстве // Социальные исследования. — 1991. — № 1.

Часть II

ОСНОВЫ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 12. ПРЕДМЕТ, СТРУКТУРА И ЗАДАЧИ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

12.1. Структура и предмет прикладной социальной психологии

Прикладная социальная психология — составная часть социальной психологии.

В свою очередь *прикладная социальная психология* выступает как бы в нескольких плоскостях или ипостасях: как *социальная практика* и как *теория*. Наконец, она представлена в виде *учебных дисциплин* и *пособий*. Разумеется, такое членение условно, но полезно. Такой подход представляет прикладную социальную психологию в развернутом виде.

Что касается социальной практики, то ею занимаются практические социальные психологи или социальные работники. Кстати, довольно часто их деятельность носит совместный характер. В то же время нередко академические работники (преподаватели вузов и научные сотрудники) также занимаются социальной практикой наряду с выполнением своих обязанностей в вузе или в научно-исследовательском институте, лаборатории. Таких сотрудников целесообразно называть практикующими социальными психологами по аналогии с наименованием ученых-медиков, которые практикуют, т.е. занимаются лечебной практикой.

Практический аспект прикладной социальной психологии складывается из следующих направлений: социально-психологической диагностики; социально-психологического консультирования; социально-психологического воздействия или применения социально-психологических технологий; оказания социально-психологической помощи.

В повседневной деятельности практических социальных психологов указанные направления выступают слитно, нераздельно.

Перечень услуг, предлагаемых социальной психологией, чрезвычайно разнообразен.

Практический социальный психолог имеет дело с социально-психологическими явлениями на разных уровнях: на макроуровне (массовыми движениями, партиями, стратами, социальными ин-

ститутами и отношениями); на среднем (социальными организациями); на микроуровне (малыми группами); на личностном (социально-психологическими характеристиками субъекта); в разных сферах (государство, экономика, общество, в частности, семья, школа, армия, тюрьма); в разных условиях — нормальных, осложненных или экстремальных.

Отечественная прикладная психология начиналась с конкретных социально-психологических исследований, т.е. изучения общественного мнения, малых групп, стратификации. Не случайно поэтому поначалу прикладная социальная психология сводилась по существу к *диагностике*.

Высоко оценивая историческое значение этих работ, в то же время следует отметить, что они служили руководством в основном для проведения фундаментальных социально-психологических исследований, а не для организации профессиональной деятельности практических социальных психологов, чья работа по многим параметрам отличается от работы академических научных сотрудников, например, НИИ, преподавателей, диссертационных исследований.

Цель социально-психологической диагностики, осуществляемой практическими социальными психологами, состоит в постановке диагноза, т.е. изучении различных характеристик больших социальных групп, организаций и личности. При этом они пользуются готовыми знаниями о предмете и объекте изучения и стандартными методиками.

Что касается отечественного социально-психологического консультирования, то его развитие связано с промышленно-кадровым аудитом (опыт ленинградских ученых) и семейным консультированием (психологический факультет МГУ).

В настоящее время интенсивно происходит становление организационного консультирования в рамках соответствующих центров.

Относительно практики применения социально-психологических технологий следует отметить следующее: социально-психологическое воздействие — наиболее бурно развивающееся направление прикладной социальной психологии.

Причины этого явления предельно ясны. Именно в этом — оказании психологической помощи, проведении изменений — заключается в конечном счете смысл деятельности практического социального психолога. Отсюда и тяга к знаниям о социально-психологических технологиях, методике проведения тренингов, формированию имиджа, разрешению конфликтов, созданию социальной организации.

Поэтому не случайно, особенно в последнее десятилетие, такой большой популярностью пользуются соответствующие семинары, конференции, симпозиумы.

Однако в этой области прикладной социальной психологии, несмотря на внешнее благополучие, количественные показатели, наблюдается тем не менее кризис. Прежде всего он просматривается во всеядности практикующих социальных психологов, что проявляется в использовании ими не только научно апробированных в мировой практике психотехнологий, но и сомнительных элементов оккультной науки и шарлатанства.

Так, однажды молодой психолог для снятия посттравматического синдрома пригласил, наряду с психиатром, психотерапевтом и медицинским психологом, «колдунью» (по ее собственному определению). Свой поступок он объяснил тем, что «колдунья» эмоциональна, обладает коммуникативными способностями и позитивно влияла на группу.

Но наиболее одиозным и вместе с тем показательным примером в этом отношении является книга Г. В. Шекина «Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению» (Киев, 1995). В данной работе, наряду с нетривиальными методиками, раскрываются приемы, основанные на откровенной мистике, ничего общего не имеющие с наукой. И это далеко не единственный случай. Подобных пассажей в современных психологических публикациях можно обнаружить сколько угодно.

Сложившаяся кризисная ситуация в области применения социально-психологических технологий связана со следующими обстоятельствами: с некомпетентностью практических социальных психологов, их непрофессионализмом, невежеством; ангажированностью прикладников; несоблюдением профессиональной этики; отсутствием четкой правовой регламентации, опыта и научной обоснованности, а также лицензирования со стороны Экспертных советов деятельности практикующих психологов; слабой научной и методической обеспеченностью и организацией работы.

Определенную лепту в кризисную ситуацию, сложившуюся в области прикладной социальной психологии, вносят так называемые «общественные» практические социальные психологи, которые получают социально-психологическую подготовку на ускоренных курсах. Дело в том, что «общественным» психологам свойственна житейская психология, обыденные представления, так называемые имплицитные теории личности и т. д.

Преодолению кризиса, точнее, некомпетентности в деятельности практических социальных психологов способствует следующее:

— открытие первого в Москве института практических социальных психологов, а также в вузах ряда городов России факультетов по подготовке социальных работников (ведущим учебным заведением в данном случае является Московский социальный университет);

— создание, наряду с государственными прикладными, сети независимых, неправительственных центров по оргконсультированию, изучению общественного мнения, конфликтологии, различных ассоциаций практических социальных психологов;

— подготовка и принятие этического кодекса психолога;

— разработка Положения о психологической службе, работе лабораторий, кабинетов в ряде ведомств, в частности системы образования, здравоохранения, МВД и т. п.;

— издание методической литературы*;

— принятие Положения об Экспертных советах по лицензированию деятельности практических психологов.

Однако главным фактором преодоления кризиса является разработка теоретических основ прикладной социальной психологии, о чем подробно пойдет речь в следующем параграфе.

С точки зрения статуса практические социальные психологи различаются между собой в зависимости от того, где они работают: то ли в составе психологической службы государственных органов (службы семьи, центров занятости, социальной защиты, образования, ОВД, МО, здравоохранения), то ли коммерческих структур, то ли частных предприятий, то ли независимых неправительственных центров (прикладных центров конфликтологии, изучения общественного мнения, консалтинговых фирмах).

В зависимости от этого различается и структура отношений, в рамках которых приходится практическому социальному психологу выполнять свои функциональные обязанности. Они могут быть вертикальными, строго субординационными (начальник — психолог); договорными (заказчик — психолог); горизонтальными, если речь идет о психологической лаборатории, группе, временном творческом коллективе.

Как правило, в отличие от академических работников (преподавателей, научных сотрудников), специализирующихся на исследовании одной проблемы, практические социальные психологи в одном лице выполняют разные роли, выступая в качестве «многостаночников» и как диагносты, и как консультанты, и как психотехнологи. Однако среди прикладников есть такие, которые занимаются или изучением общественного мнения, или урегулированием конфликтов, или формированием имиджа. Но чаще деятельность их напоминает коктейль, ибо в основе ее лежит не строгая специализация, скажем, в русле психоанализа или гуманистической психологии, а смешение различных научных школ и ориентации.

На Западе сложилась иная практика, связанная с функциональной определенностью и строгой научной ориентацией.

* См.: Рабочая книга школьного психолога / Под ред. И. В. Дубровиной. — М., 1991.

Согласно мнению западных специалистов, прикладные социальные (социально-психологические) исследования (ПСИ) — это приложение социально-психологического знания и исследовательских приемов к получению эмпирически обоснованной информации о социальных проблемах.

Условно принято различать по крайней мере три разновидности прикладного социального исследования: *описательное, аналитическое, оценочное.*

Описательное исследование — самый простой и доступный тип изучения реальности. Его предназначение — получить эмпирическую информацию о социальных проблемах.

Аналитическое исследование трудно отличить от описательного. Его характерная деталь — стремление построить эмпирическую модель социального явления.

Оценочное исследование — это совокупность моделей и приемов, позволяющих оценить в социальных, экономических или политических терминах конечный результат (эффект) целенаправленного вмешательства в социальные процессы. Примером может служить внедренческая программа улучшения стиля руководства в социальной организации.

Б. Тачфилд выделяет две различные модели ПСИ.

Первая названа им *«дисциплинарной перспективой»* за то, что в ней внимание сконцентрировано на том, как практика выводится из теории.

Вторая модель — *«программная перспектива»* — включает традиционные оценочные исследования. Она включает постановку проблемы, целей и задач программы, методы сбора и анализа данных. Составляемый по окончании исследования научный отчет, поскольку он не содержит серьезных эмпирических находок, еще не готов к публикации в профессиональном журнале.

Внедрением социально-психологических технологий и проведением ПСИ (эти типы исследований, хотя и различаются, во многом сходны) занимаются за рубежом два типа прикладников — *инженеры и клиницисты.*

В зарубежной прикладной социальной психологии принято различать два подхода — инженерный и клинический. Инженерный, или социоинженерный, подход относится к сфере деятельности частных консультаций. Поэтому его еще называют организационно-управленческим консультированием.

Обычный круг вопросов, которыми занимаются подобные фирмы, сводится к изучению удовлетворенности трудом, условий труда, мотивации и стимулирования труда, организации и режима работы, деятельности менеджеров, особенно супервайзеров.

Социоинженер, или консультант, использует стандартные методы опроса, эксперимента, наблюдения и т.д. Собрав и обобщив первичные данные, он использует обычную статистику и количе-

ственный анализ переменных, а подготавливая научный отчет, включает в него, наряду с описанием указанных процедур, также блок практических рекомендаций. Результаты своего исследования он, как правило, обсуждает совместно с менеджерами и, если надо, профсоюзами.

В сущности, речь идет об инженерном типе прикладных социальных исследований. Свои рекомендации инженер-консультант формулирует в терминах заказчика или клиента.

Если инженер оперирует лишь той информацией, которую ему дают результаты опроса, то социолог-клиницист предпочитает независимые суждения, мало обращая внимания на то, что ему диктует или что хотел бы увидеть заказчик. Он, как и инженер, проводит диагностику, но не принимает ценности клиента как нечто данное, что обязательно повлияло бы на результаты исследования. Если клиницист работает с людьми, не учитывая их должностного статуса, то инженер действует, как правило, по заказу высшего эшелона власти в организации и редко консультирует рядовых работников.

В зарубежной литературе нет устоявшихся обозначений специалистов в области клинического и инженерного подходов. Одни авторы безоговорочно относят их к сфере прикладной социальной психологии, другие — к социологии. Во втором случае инженеров называют *engineering sociologists*, клиницистов — *clinical sociologists*. И хотя термин «клиника» чаще других используют медики и психиатры, первым социологом-клиницистом многие считают Э.Дюркгейма. Различие — и весьма немаловажное — двух подходов обнаруживается еще и в том, что инженер оперирует скорее очевидным и сравнивает реальное положение дел с некоторым эталоном (например, сопоставляет эффективное и неэффективное управление), а клиницист интересуется глубоко скрытой от нас сущностью явлений, вскрывает латентные переменные и выясняет отклонения (патологию) реальных процессов. Он подходит к любому клиенту, а им может быть бездомный или безработный, максимально серьезно и индивидуально. Неторопливое углубленное интервью с человеком заставляет клинициста в интерпретации данных избегать стереотипов здравого смысла, суждений «на скорую руку».

Социоинженер обеспокоен другим: результаты его исследования должны быть доступны и понятны клиенту (администрации). Внимание прикладника сосредоточено на том же, над чем постоянно задумывается академический социальный психолог: проблемной выборкой, конструированием вопросника, техникой интервью.

Клиницист чаще оперирует терапевтическими процедурами и непрямыми методами исследования, стремясь просветить или научить клиента снимать психологическое сопротивление организационным нововведениям.

Таким образом, социоинженеры применяют количественные и статистические методы, клиницисты — качественные, нестатистические.

Однако такой специализации среди отечественных практических социальных психологов нет. Они выступают на практике как универсалы. Впрочем, говорить пока рано не только о специализации, но даже и об использовании социальных психологов по прямому назначению. Видимо, в будущем произойдет специализация и социальные психологи будут заниматься своим прямым делом.

О прикладной социальной психологии с позиции *образовательного процесса* можно говорить тоже в разных плоскостях, как: об учебном подразделении (вузе, кафедре), об учебной дисциплине, об учебном пособии, учебнике и пр.

В России вузы и кафедры по прикладной социальной психологии возникли сравнительно недавно. Исключение составляет психологический факультет Санкт-Петербургского университета, где баланс между теоретической и прикладной социальной психологией соблюдался всегда.

Что касается США, то там прикладная социальная психология занимает давние и вместе с тем прочные позиции в системе образовательных учреждений и прежде всего на психологических факультетах.

Прикладная отечественная социальная психология как учебная дисциплина, естественно, получила статус самостоятельной дисциплины также сравнительно недавно*.

В последнее время опубликовано большое количество литературы, так или иначе связанной с проблемами развития отечественной прикладной социальной психологии.

Если раньше в социально-психологической литературе в основном отражались вопросы диагностики, организации исследований, то теперь ситуация радикально изменилась. Появились более емкие, многосторонние работы. Достаточно привести несколько примеров.

Так, сотрудники кафедры социальной психологии МГУ опубликовали «Введение в практическую социальную психологию». Заслуживает внимания и литература, сравнительно недавно опубликованная и посвященная проблемам социальной работы, в основе которой лежит социально-психологическая теория и практика**.

* Предпосылки возникновения данного курса были заложены в кн.: Теоретическая и прикладная социальная психология / Под ред. А. К. Уледова. — М., 1988.

** См.: Теория и методология социальной работы. — М., 1994; Гуслякова Л. Б., Кувшинникова В. А., Синцова Л. К. Сборник задач и упражнений по социальной работе. — М., 1994; Ляшенко А. И. Организация и управление социальной работой в России. — М., 1995; Доля М., Шадлоу С. Практика социальной работы. — М., 1995.

Предельно активно развиваются и теоретико-прикладные отрасли социальной психологии*: политическая психология, экономическая психология, этническая психология, организационная психология.

Подготовить практического социального психолога теоретически невозможно. Поэтому во весь рост встает проблема организации полевого практикума по социальной психологии.

Содержание полевого практикума сводится к формированию навыков по психодиагностике, консультированию и применению психотехнологий в реальных жизненных условиях, в поле, а не в стенах учебных аудиторий и даже лабораторий. Это возможно только на основе заключения договоров с социальными службами: службами семьи, центрами занятости населения, образовательными учреждениями, органами здравоохранения, внутренних дел и т. д.

Причем здесь речь идет о проведении не только учебной практики, а о непрерывном практическом обучении в первой и второй половине дня.

В то же время не снимается с повестки дня вопрос о материально-технической базе, необходимой для подготовки практических социальных психологов. Имеется в виду создание лаборатории компьютерной психодиагностики (автоматизированного рабочего места психолога), лабораторий, аппаратурной психодиагностики, классов по проведению видеотренингов, начиненных видеоаппаратурой.

Прикладная социальная психология не может функционировать ни в каком качестве (ни в виде социальной практики, ни в виде учебной дисциплины) без разработки частной теории. В противном случае будем иметь дело с лжепрактикой и лжеучебной дисциплиной, какой бы популярностью она ни пользовалась у непрофессионалов.

Впрочем, многие начинающие практические психологи считают, что без теории вполне можно обойтись. И, как ни странно, обходятся.

Главное, по их мнению, раздобыть психодиагностические методики и научиться психотерапевтическим приемам. К чему все это приводит, — нетрудно догадаться.

В 1995 г. авторским коллективом была предпринята попытка создать теоретический «коридор» функционирования прикладной социальной психологии, иначе говоря, праксеологии.

Впрочем, шаг был сделан в сторону конструирования как общей (принципов и феноменологии), так и частной теории диаг-

* См.: *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. — СПб., 1992; *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. — М., 1994; *Щекин Г.В.* Практическая психология менеджмента. — Киев, 1994.

ностирования, консультирования и психотехники воздействия, т.е. институализации прикладной социальной психологии.

В данном случае следует подчеркнуть, что институализация (становление) прикладной отечественной социальной психологии (диагностики, консультирования и психотехники воздействия) будет зависеть от учета таких частных теорий, как позитивизм, понимающая психология, теория организаций, экологическая психология и т.д.

К каким казусам приводит игнорирование частной социально-психологической теории, можно проиллюстрировать на примере одной из методик теоретической невалидности. Взять первую шкалу теста Кэттелла — фактор «А». Оказывается, в данном случае понятие «аффектомия» означает степень общительности в группе.

Очевидно, это обстоятельство не подлежит научному комментарию: аффект есть аффект, а общительность есть общительность.

Подменять одно другим — значит отрицать элементарную теорию.

Конечно, прикладная социальная психология не тождественна частной теории. Она, как известно, отличается и «единицей анализа», и «языком изложения», и «логикой познания».

Прикладники из числа социальных психологов оперируют целостными понятиями, изъясняются на обыденном языке и исследования проводят, казалось бы, с нарушением научных канонov: свернуто, зачастую без программы, опираясь на опыт, визуальную психодиагностику. Тем не менее имплицитно в основе их профессиональной деятельности лежит именно социально-психологическая теория.

На сегодняшний день сложились непростые, нередко противоречивые связи между социально-психологической теорией и прикладной социальной психологией. Вне учета этой связи невозможно понять, что нужно изучать (вопрос о предмете на практике), как нужно изучать в жизни, как консультировать, как оказывать влияние в поле на то или иное социально-психологическое явление. Конечно, при этом нельзя возвращаться к марксистской методологии, закостеневшим, пресловутым идеологическим принципам: классовому подходу, единству сознания и деятельности и т.д. Но скомпрометировавшая себя методология не означает, что нужно вообще отказаться от теории как таковой. О связи науки и практики разговор можно вести только с позиции научного плюрализма.

Классическая концепция науки, ведущая начало от Аристотеля до представителей позитивизма, отличала научное знание от ненаучного тем, что характеризовала первое как истинное. Произвольные конструкции, субъективные мнения, интуитивные догадки и обыденное знание не отвечают критерию обоснованности. Потому не относятся к сфере науки.

Если рассматривать социально-психологическую теорию с точки зрения нормативной методологии, ориентированной на естественно-научные принципы, то речь должна идти об идеализированных объектах (категориях, понятиях, терминах), иерархическом строении научного знания, механизмах перехода от одного уровня к другому, наконец, о развитии и движении теоретического, преимущественно категориального знания.

Теоретический уровень социально-психологического знания существенно отличается от эмпирического — прикладной социальной психологии. Решающим признаком теоретического исследования выступает его направленность на совершенствование и развитие концептуальных средств науки. Напротив, эмпирическое исследование определяется как применение к лежащей вне системы понятий объективной действительности уже готовых мыслительных средств. Судьба социально-психологической теории во многом схожа с судьбой социологической теории.

Не все ученые придерживаются того мнения, что социологическая, как, впрочем, и социально-психологическая теория есть эталон научной строгости и взыскательности. Так, Д. Вагнер и Дж. Бергер полагают, что «теория» в социологии включает множество самых различных явлений — от «комментариев к классикам» до точных «каузальных моделей» (каузальные модели — схема анализа причин поведения). Однако только «каузальные модели», или «единичные теории», например, теорию стратификации Дэвиса и Мура, теорию профессиональной структуры Блау и Дункана или теорию статусных различий Дж. Бергера, Когена и Физека можно назвать социологическими теориями в собственном смысле. Дело в том, что у них строгий логический аппарат, концептуальная схема и высокоформализованные правила вывода. По своей строгости они приближаются к физическим теориям. Но очень часто под теорией в социальной психологии понимаются совокупность рефлексивных утверждений, абстрактные спекуляции, интуитивные построения. Высказываются еще более радикальные взгляды. Так, У. Рансимен отрицает за социальной психологией право быть самостоятельной наукой, так как ее объяснительные конструкции — всего лишь парафраз законов других наук.

Попытки лишить социальную психологию теоретической самостоятельности в принципе не новы. Еще в 20-е гг. XX в. позитивизм выступил с призывом построить объективную социальную науку по образцу естествознания, из которого можно бы заимствовать теоретические образцы и научный метод. Польза от этой экспансии, несомненно, была: проникновение математических методов, переформулировка расплывчатых понятий в четкие операциональные термины, построение знания на критериях верифицируемости и валидности. Но и плата была немалая. Появились разного рода парадоксы и противоречия в методологических ос-

нованиях социальной психологии. Поэтому возникла потребность в понимающей психологии.

Радикальный поворот ученых к осмыслению природы теории тесно связан с подъемом академической социологии в США.

В социально-психологической теории следует выделить по крайней мере три уровня. Самый верхний составляет *научная картина мира*, следующий за ним — *общая теория*, ниже расположена *частная теория*.

Так принято в современной методологии науки — и в нашей стране, и за рубежом.

Собственно, теоретическое знание ограничено построением теорий — общих и частных. Выделяют три основные познавательные функции научной теории — описание, объяснение и предсказание.

Основным элементом теоретического знания является закон, утверждение о необходимых, существенных связях между явлениями.

Элементы общей теории все до единого должны формулироваться явным образом, а элементы частной теории должны не только явно выражаться, но и записываться на языке формальной логики или математики.

По мнению А. И. Кравченко, фундаментальное знание неправильно считать преимущественно абстрактным. Оно существует в любой сфере и на любом уровне знания: в эмпиризме, методике, теории или методологии. Признак фундаментальности говорит о качестве знания, а не об отраслевой принадлежности или уровне обобщения.

Приблизительное определение фундаментального знания — это его интеллектуальность. Как правило, оно обладает статусом научного открытия и является приоритетным в своей области.

В физике фундаментальное знание, как считают Мертон и Заккерман, можно изложить компактно, в какой-то единой системе. В слабокодифицированных отраслях (социология, психология) ученый постоянно должен держать в поле зрения массу дескриптивных фактов и низкоуровневых («эмпирических») теорий. В сильнокодифицированных областях фундаментальные идеи увязаны между собой в единый теоретический каркас и весь объем необходимой ученому эмпирической информации прочно «подвязан» к нему. Это позволяет проводить более основательные поисковые исследования и лучше готовить квалифицированные кадры.

В слабокодифицированных дисциплинах чаще делаются открытия, хотя они — открытия только по видимости. По существу же это нечто иное. Обнаружение нового эмпирического факта еще не является научным фактом в строгом смысле. Научный факт всегда связан с фундаментальной теорией, объясняется ею и подтверждается таковой. Эмпирический чаще всего случаен и может не

подтвердиться другими исследованиями. Даже если он подтверждается, то неизвестно почему: то ли по причине сходства методики, то ли это случайное совпадение.

В научной теории важную роль играют так называемые *онтологические схемы*. Это собирательное понятие обозначает достаточно широкий и неоднородный по составу класс структурообразующих элементов теории, состоящий по крайней мере из трех компонентов — картины мира, частнотеоретической и эмпирической схем. Под онтологической схемой в узком значении следует понимать совокупность идеальных объектов теории, ориентированных, с одной стороны, на применение математического аппарата, а с другой — на проектирование экспериментальных ситуаций.

Эмпирическая схема объекта исследования — таково более правильное название онтологической схемы в узком значении, если она используется в социально-психологической теории. По существу она представляет «стратигему» практических действий, или алгоритм операций.

Эмпирическая схема объекта — исходная основа двух типов исследований в социальной психологии: эмпирических и прикладных.

Здесь важно отметить следующее. Эмпирическое исследование направлено на приращение нового знания. Социально-психологическая теория (общая и частная) тоже направлена на приращение нового знания. На основании этого критерия ее относят к сфере фундаментального знания. Прикладное исследование не ориентировано на приращение знания, оно преследует цели заказчика. Поэтому оно не относится к сфере фундаментального знания, которое еще называют базисной, академической наукой. Однако непроясненными остаются логика и статус прикладного исследования. В литературе на сей счет нет единой точки зрения.

Получил распространение расширительный подход, когда практически все типы социально-психологического исследования квалифицируются как конкретно-социологические, эмпирические, прикладные, конкретно-эмпирические и т. п. При этом соединяется несоединимое: эмпирическое исследование вдруг ставит своей целью получение теоретических законов, а сама теория превращается в эмпирическое описание, которое «состоит из множества взаимосвязанных утверждений». В другом случае теоретическое знание объединяется с прикладным, в результате получают «теоретико-прикладные исследования», которые не являются эмпирическими.

Общее для всех точек зрения состоит в том, что прикладное исследование либо отождествляется с другими, чаще эмпирическими исследованиями, либо понимается как упрощенный, неразвитый уровень других типов исследования, либо трактуется как исследование, ориентированное на практику, ее изменение.

В 80-е гг. XX в. обнаружился отход от упрощенной трактовки прикладного исследования, появились работы, в которых оно выделяется в качестве самостоятельного типа познания со специфической методологией, процедурой и логикой разработки практических мероприятий. Собственно говоря, прикладное исследование начинается там, где кончается исследование эмпирическое. В частности, Г. С. Батыгин рассматривает соотношение переменных и понятий в прикладном исследовании, построение социальных показателей и диагностические процедуры, технологию внедрения и логику разработки управленческих решений.

В словаре по прикладной социологии данный тип исследования специфицируется по своей цели (использование знания законов, обнаруженных в фундаментальном исследовании, в конкретных социальных условиях), но не по характеру (оно остается эмпирическим). В последние годы прикладное исследование связывается с функциями заводских (промышленных) или практикующих социальных психологов.

Таким образом, в отечественной литературе произошла качественная переоценка логики, структуры и целей прикладного исследования. Из побочного метода познания, растворенного в других видах исследования, оно становится самостоятельным и непохожим на них диалогом теории и практики. Г. М. Андреева считает, что эта сфера профессиональной деятельности должна включать:

- собственный язык и терминологию;
- специфический вид гипотез, которые формируются не на основе теории, а в результате практических соображений и представляют «веер» альтернативных вариантов;
- детально проработанную систему практических рекомендаций, планов, сроков и этапов внедрения;
- свои методы и организацию исследования;
- особую систему этических норм, профессиональную подготовку ученых, пакет заказов и принципы оплаты труда (хоздоговор, творческое содружество и т. д.);
- четкую систему оценки практической эффективности результатов внедрения.

Следуя вслед за точкой зрения А. И. Кравченко, прикладную социальную психологию нельзя рассматривать только как применение научных открытий, сделанных в социологическом исследовании, к практическим ситуациям. Вообще термин «прикладная социальная психология» используется за рубежом в нескольких значениях. В одном случае он выступает синонимом эмпирической социальной психологии, но более правильным является понимание ее в виде проблемно-ориентированного исследования в противоположность теоретической, базисной или фундаментальной социальной психологии. В фундаментальной работе движущий мотив научного поиска — уточнение, совершенствование или

создание новых понятий и концепций, открытие новых фактов, которые только во вторую очередь помогают решению конкретной социальной проблемы. Движение в сфере теоретического знания выступает самоцелью, или первичной целью.

Методы прикладной социальной психологии те же самые, что и фундаментальной. Любой фрагмент последней может считаться прикладным, если понятия, категории или техника исследования прикладываются к решению реальных проблем. Маркетинговые исследования могут рассматриваться в качестве прикладной социальной психологии, хотя те, кто их проводит, часто к социальным психологам себя не относят. Прикладная социальная психология начинается там, где понятия и методика исследования превращаются в повседневное рутинное занятие. Академические социальные психологи — это открывающие нечто новое в методике и в теории, а прикладники — всегда те, кто тиражирует открытие, превращая его в массовую технологию. Значит, прикладным может быть назван даже академический ученый, если он не открывает новое, а использует известное.

Согласно мнению А. И. Кравченко, прикладники гораздо более «всеядны», нежели академические социологи и социальные психологи.

Они применяют методы, далекие от социологии: системный и стоимостный анализ и т. д. В сфере промышленности, например, прикладник изучает, каковы цели организации, при помощи каких критериев можно измерить или оценить то, насколько они выполняются, каким образом подобные критерии соотносятся с данными, собранными в выборочном обследовании, какие практические мероприятия необходимы для совершенствования и улучшения дел в социальной организации.

Поэтому *прикладную социальную психологию можно понимать как возможность увязывания принципов и методов социально-психологической теории с реальными проблемами*. Р. Энжелл по аналогичному поводу сказал: «Когда социология не является целью для самой себя, но превращается в средство достижения других целей, говорят о прикладной социологии». То же самое можно сказать и о прикладной социальной психологии.

В зарубежной литературе существует несколько подходов к определению того, что является прикладной социальной наукой (ПСН):

- это наука, использующая принципы «чистой», или базисной, дисциплины для решения практических проблем;
- существует только один тип ПСН;
- специалисты ПСН не могут специфицировать цели для своих клиентов.

Первый подход сформулировал в 1937 г. А. Радклифф-Браун, полагавший, что ПСН представляет собой применение теорети-

ческих обобщений к решению или анализу практических проблем. В 1942 г. Д. Форд и Р. Ньюман использовали данную формулировку по отношению к прикладной антропологии. С тех пор она вошла в официальные словари по социальным наукам. Из этого определения следует чрезвычайно важный вывод: базисные исследования являются «родительскими», а прикладные — «дочерними». Такое утверждение многие специалисты склонны считать скорее метафорой, нежели точным понятием, отражающим фактическое положение дел. Оба типа исследований взаимно обогащают друг друга.

ПСН нельзя считать простым приложением чистой науки. В противном случае она не нуждалась бы в особом теоретическом анализе и требовались бы всего лишь нехитрые приемы перевода теоретических принципов в прикладные проблемы. Однако у противоположной точки зрения, как ни странно, есть сторонники. В частности, В. Гуд и П. Хатт утверждают, что наука лучше всего достигает практических результатов тогда, когда она не выдвигает целей, отличающихся от целей самой науки.

Аналогии не всегда помогают. Но в данном случае анализ сущности прикладной социальной науки позволяет определить предмет прикладной социальной психологии.

Предмет социально-психологической диагностики — постановка диагноза, т. е. определение конкретных характеристик социально-психологических явлений (личности, групп, организаций) с помощью готовых методик и процедур. При этом следует иметь в виду, что социально-психологическая диагностика имеет стадийный характер, т. е. несколько фаз, а социально-психологические явления должны рассматриваться на бессознательном, подсознательном и сверхсознательном уровнях.

Предмет социально-психологического консультирования включает в себя различные моменты, в том числе и *постановку диагноза*, и оказание *психологической помощи*.

Предметом психотехники воздействия являются социальные изменения в организации, личностный и профессиональный рост, повышение продуктивности групп в результате использования определенных психотехнологий (тренингов и других групповых методик).

Что касается вопроса о предмете и объекте прикладной социальной психологии с теоретических позиций, то здесь все обстоит гораздо сложнее. Мы не будем останавливаться на соотношении объекта и предмета, хотя это важно при проведении фундаментальных исследований.

В данном случае существенно одно: частная теория должна научно обеспечить возможность диагностировать, консультировать и оказывать влияние, т. е. разработать надежные методики, чтобы практический социальный психолог мог воспользоваться надеж-

ным стандартным инструментарием и унифицированной методикой. В этом основное назначение теории. Но, увы, пока прикладнику нередко приходится самому начинать «с нуля»: разрабатывать теорию вопроса, процедуру исследования, конструировать методики и т. п., а не пользоваться готовыми апробированным инструментарием и алгоритмом действий.

Очевидно, «трудности роста» в области социально-психологической теории будут все-таки преодолены и данные проблемы будут решаться по-иному, как положено. Лошадь займет место впереди телеги, а не наоборот.

Итак, можно сделать вывод о том, что предметом прикладной социальной психологии являются закономерности диагностирования, консультирования и оказания влияния с помощью психотехнологий на социально-психологические явления в различных сферах, условиях (нормальных, осложненных, экстремальных), времени и на разных уровнях (макро-, среднем, микро- и личностном).

12.2. Функции и задачи прикладной социальной психологии

Прикладная социальная психология выполняет разнообразные функции. Классификацию функций прикладной социальной психологии можно построить с учетом сферы приложения прикладной социальной психологии, а именно:

- в рамках социальной практики;
- в сфере образования, просвещения;
- в области теории.

Функции прикладной социальной психологии в сфере социальной практики сводятся к решению конкретных проблем. Они всегда конкретизируются, переунифицированы и регламентируются нормативными актами, главным образом положением о психологической службе, центре, лаборатории, функциональными обязанностями практических психологов. Данные документы, как правило, носят ведомственный характер. Они действуют в пределах того или иного министерства. Подобные Положения разработаны в рамках министерств здравоохранения, социальной защиты, образования, внутренних дел, обороны и т. п. В некоторых случаях есть документы более общего характера — профессиональные кодексы.

При этом следует различать функции службы, ее структурного элемента (лаборатории), конкретного психолога-прикладника.

Разумеется, только часть этих функций относится к компетенции практических социальных психологов. В чистом виде трудно отыскать именно практического социального психолога.

Поэтому в полном объеме функциональный статус прикладника из числа социальных психологов раскрыть сложно. Можно лишь говорить о каких-либо типичных моментах функциональных

обязанностей любого психолога-практика, относящихся к компетенции социальной психологии.

Практический психолог вне зависимости от специализации, проводит психодиагностику, консультацию и оказывает психологическую помощь. Поэтому практический социальный психолог выступает в качестве диагноста, консультанта и специалиста в области социально-психологических технологий. Однако на практике социальные психологи чаще всего работают в консалтинговых фирмах в соответствующем качестве.

Осуществление социально-психологической диагностики, социально-психологического консультирования и социально-психологического воздействия (организационной психологии, немедицинской групповой терапии, социально-психологических тренингов) и определяет социально-психологическое содержание определенной части функций практических психологов. Удельный вес данной части функций среди остальных функций достаточно велик.

Данные функции образуют то, что называется социально-психологическим сопровождением.

Социально-психологический уровень профессиональной деятельности практических социальных психологов основывается на вычленении того круга явлений, который относится к компетенции социальной психологии. Прикладник должен учитывать социально-психологические характеристики личности, социальных отношений, общения, малых групп, семьи, социальных организаций, больших социальных групп, конфликтов и т. п. Все это отражается в функциональных обязанностях практических психологов.

Практические социальные психологи работают во многих отраслях: политике, образовании, здравоохранении, МВД, коммерческих и финансовых структурах, а также на разных уровнях: макро- и среднем — в социальных организациях.

Как правило, они трудятся в центрах по изучению общественного мнения, прикладной конфликтологии, службах семьи, центрах занятости населения, учебных заведениях, органах здравоохранения, являются участниками организационного консультирования, выступают в роли имиджмейкеров, ведущих тренингов делового общения (психологов-тренеров) и немедицинской групповой психотерапии.

Деятельность практических социальных психологов весьма своеобразна, крайне ответственна и рискованна. Особый спрос, как показывает практика, на практических социальных психологов возникает в период проведения предвыборных кампаний. Нередко их включают в штабы по обеспечению выборов партий или лидера.

К сожалению, далеко не все практические социальные психологи в это время показывают себя с достойной стороны. Многие из них демонстрируют свою ангажированность, занимаясь соци-

ально-психологической пропагандой, передавая через средства массовой информации «выгодные» для кандидата данные. Тем самым они формируют соответствующую установку избирателей. Конечно, такое поведение не согласуется с этическим кодексом психолога.

Функциональные обязанности практических социальных психологов наиболее близки функциям социальных работников. Вообще трудно в данном случае провести четкую грань между их обязанностями, хотя специфика в деятельности у каждого из них имеется. Поэтому наиболее плодотворно они могут работать только совместно, дополняя друг друга.

Чтобы практические социальные психологи и социальные работники могли выполнять свои функциональные обязанности, они должны обладать рядом специфических свойств, и прежде всего — социально-психологическими характеристиками, в частности эмпатией и т.д. Связано это с тем, что профессиональная деятельность практических психологов нередко приводит к «синдрому сгорания». Его признаки:

- эмоциональное истощение;
- наличие психосоматических заболеваний;
- негативное отношение к клиентам и специальности;
- увлечение использованием алкоголя, табака, кофе;
- нарушение аппетита;
- негативное самоотношение;
- увеличение уровня агрессии и чувства вины.

Синдром легче возникает у практических психологов и социальных работников с низким уровнем эмпатии, низким социальным интеллектом, авторитаризмом и ригидностью.

Следует констатировать, что в России чрезвычайно слабо развита экспертная функция прикладной социальной психологии, или, иначе говоря, *социально-психологическая экспертиза*.

Между тем поле деятельности для экспертов из числа практических социальных психологов неограниченно.

Социально-психологической экспертизе подлежат принимаемые политические решения в целях прогноза их последствий, разрабатываемые законы и т.д.

В конечном счете социально-психологические эксперты должны принимать самое непосредственное участие в роли консультантов в разработке научных основ социальной политики, и прежде всего качества, образа жизни, стратификации общества, национального рынка.

Социально-психологическая экспертиза нормативных актов, социальных программ, проектов должна обеспечивать *социальную психогигиену*, т.е. обосновывать социальную базу психического здоровья населения как главной составляющей национальной безопасности.

С позиции социальной психогигиены главным назначением социальной политики является не просто улучшение качества жизни определенных слоев населения, но в первую очередь создание оптимальных условий для воспроизводства здоровых членов общества. Этот тезис — критерий оценки социальной политики. Им и обязан руководствоваться практический социальный психолог при осуществлении своих функциональных обязанностей, в особенности тогда, когда привлекается в качестве эксперта социально-политических проблем, развития социальных организаций.

В России в этой области сложилось крайне критическая ситуация. Имеется в виду психическое здоровье новорожденных. Однако проблеме социального здоровья в России стало уделяться внимание лишь в последнее время, правда, в основном в теоретическом плане. Об этом свидетельствует появление ряда организаций и издание журнала «Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы».

В то же время практический опыт уже нарабатывается. Хотя он еще и мизерный, но внушает оптимизм. Так, социальных психологов стали привлекать не только для обеспечения и сопровождения предвыборных кампаний, но и для урегулирования конфликтов, решения проблем семьи, преступности и других важных вопросов.

Велика цена некомпетентности практических социальных психологов. Поэтому их деятельность должна жестко лицензироваться.

Одним из главных условий профессионального выполнения функциональных обязанностей является соблюдение практическими социальными психологами и работниками этического кодекса, сущность которого сводится к следующему:

- защите интересов клиента;
- уважению конфиденциальности во взаимоотношениях с клиентами;
- готовности отделить личные чувства от профессиональных отношений;
- стремлению к социальным изменениям;
- готовности к передаче знаний и умений другим;
- уважению к индивидуальным и групповым различиям;
- готовности действовать от имени клиента несмотря на препятствия.

Эти требования заставляют практических психологов и социальных работников быть благопристойными, компетентными, слушание и чистоту ставить превыше всего.

Функции прикладной социальной психологии в области образования также достаточно широки. Они сводятся к профессиональной подготовке практических социальных психологов. Сегодня почти на всех психологических факультетах предусмотрена соответствующая специализация.

Практические социальные психологи занимаются просвещением. Правда, в меньшей степени этим занимаются прикладники, в большей — академические психологи. Чтение лекций, выступление на семинарах — типичные способы распространения социально-психологических знаний.

Вообще говоря, формирование социально-психологической компетентности представителей власти, управленцев всех рангов и всего населения России в целом — актуальнейшая задача прикладной социальной психологии как на сегодняшний, так и на завтрашний день.

А. И. Кравченко справедливо отмечает: «Американское общество намного более «социологизированно», чем отечественное. Давние традиции глубокого академического анализа социальных проблем, заложенные в XIX веке, никогда не прерывались. Каждое новое поколение что-то прибавляло к сокровищнице знаний, проверяя и перепроверя добытые сведения, создавая надежную эмпирическую базу. Более 200 колледжей и университетов составляют мощный институт подготовки профессиональных кадров, пользующихся высоким престижем и уважением»*.

Нельзя не согласиться и с утверждением автора о том, что в нашей стране ничего подобного нет. Действительно, социально-психологические традиции пока не сложились. Вместе с тем нельзя не сказать и о такой функции, как популяризация прикладной социальной психологии.

Говоря о популяризации, надо заметить, что здесь больше повезло социологии, чем социальной психологии. Речь идет о «Социологии для всех», подготовленной в 1970 г. В. Шляпентохом, и затем в 90-е г. XX в. — А. И. Кравченко. Конечно, «Социология для всех» в какой-то мере компенсирует дефицит популярной социально-психологической литературы, но не заменяет ее. Без всякого сомнения, доступная для всех социально-психологическая литература появится в недалеком будущем. Потребность в ней существует.

В то же время популярную литературу о практической социальной психологии нельзя путать с так называемой «поп-прикладной социальной психологией».

«Поп-прикладная социальная психология» неоднородна. Среди ее составляющих можно выделить несколько «жанров»: социально-психологическую публицистику, социально-психологическую критику, социально-психологическую «халтуру».

Социально-психологическая публицистика и критика оправдана.

Работать в этом жанре тяжело, ибо зачастую точка зрения социально-психологических критиков и публицистов не совпадает

* Кравченко А. И. Прикладная социология и менеджмент. — М., 1995. — С. 89.

с оценками событий «власть имущих». В тоталитарном государстве социально-психологическая публицистика и критика немислимы. Но и в демократическом обществе социально-психологическим публицистам и критикам довольно часто дают понять, что их публикации неуместны.

Это четко проявляется, когда речь идет об анализе института власти. Ничего общего с прикладной социальной психологией не имеет так называемая социально-психологическая «халтура», которая публикуется в периодических изданиях (газетах, журналах, брошюрах). Работы подобного типа настолько примитивны, что в корне дискредитируют прикладную социальную психологию. Однако им нельзя отказать в популярности среди широкой публики.

Основной функцией социально-психологической теории является сервисное научное обслуживание прикладной социальной психологии, деятельности практиков.

Отечественная социально-психологическая теория в большом долгу перед прикладной социальной психологией.

Социально-психологическая теория должна вооружить практических социальных психологов четким алгоритмом действий, диагностическими и другими стандартизированными унифицированными методиками, в том числе экспресс-методикой.

Между тем должна быть решена проблема не кустарного, а серийного, производственного выпуска аппаратурных методик для диагностики социально-психологических характеристик личности, групп и массовых явлений.

Следует отметить, что нельзя путать функции частной и общей социально-психологической теории. На основе эмпирических данных общая социально-психологическая теория занимается осмыслением (установлением закономерностей) и прогнозированием развития личности, групп, общностей, социальных институтов. В то же время существует взаимосвязь между общей и частной теорией.

С учетом современного понимания парадигмы социальной психологии, основанного на философском реализме, историзме, конструкционизме, одной из главных функций частной социально-психологической теории являются разработка и внедрение нетрадиционных методик по визуальной психодиагностике на основе симптоматики, признаков социально-психологических явлений, социальному психоанализу, психосемантике, экологической психологии, изучению ментальных характеристик, в том числе жизненного пути личности, использованию опыта восточной психологии, выполнению высокоэффективной экспресс-диагностики, проведению групповой психотерапии, тренингов и т.д.

В настоящее время широкое распространение получила *компьютерная психодиагностика*. Принципиально не возражая против ее

широкого применения, тем не менее следует четко отдавать отчет в ее возможностях, т. е. знать ограничения, границы применения в области прикладной социальной психологии.

Функции определяют задачи прикладной социальной психологии.

Так, задачи практического социального психолога прямо вытекают из его функциональных обязанностей. Частично прикладник вынужден заниматься составлением собственных методик или адаптацией имеющихся.

Задачи прикладной социальной психологии как учебной дисциплины состоят в обучении и просвещении.

Задачей прикладной социальной психологии как теории является сервисное научное обслуживание социальной практики, методическое обеспечение профессиональной деятельности психолога-практика.

Главное в данном случае заключается в том, чтобы обеспечить прикладника готовыми к применению стандартизированными социально-психологическими методиками, о чем пока приходится только мечтать.

Недопустимо, чтобы прикладник разрабатывал методику, определял алгоритм действий, хотя полностью от этой задачи освободить его нельзя. Этап «кустарного» развития прикладной социальной психологии и деятельности прикладников должен быть с успехом преодолен на основе разработки теории и серийного выпуска стандартизированных методик.

На пути дискредитации прикладной социальной психологии должен быть поставлен заслон. Этому процессу должна оказать содействие контрольная функция экспертных советов Российского психологического общества и его региональных отделений.

Контрольная функция экспертных советов сводится к лицензированию деятельности прикладников. Положение об экспертных советах разработано, но слабо еще внедряется на практике. Между тем на Западе лицензированию деятельности психологов-практиков уделяется самое серьезное внимание. Без соответствующего разрешения прикладник не имеет права заниматься практикой.

Темы для обсуждения

1. Парадигмы теоретической и прикладной социальной психологии.
2. Единицы, язык и логика изучения социально-психологических явлений в рамках прикладной социальной психологии.
3. Отличия фундаментальных и прикладных социально-психологических исследований.
4. Позитивизм, понимающая психология и социальный конструкционизм как основная научная база социально-психологических исследований.

5. Специфика и организация социально-психологического консультирования в разных сферах.

Рекомендуемая литература

- Абрамова Г. С. Введение в практическую психологию. — М., 1994.
Большаков В. Ю. Психотренинг: Социодинамика, игры, упражнения. — СПб., 1994.
Введение в практическую социальную психологию. — М., 1994.
Кондратенко В. Г., Донской Д. И. Общая психотерапия. — Минск, 1993.
Линде Н. Д. Психотерапия в социальной работе. — М., 1992.
Прикладная социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 1998.
Шекин Г. В. Визуальная психодиагностика и ее методы. — Киев, 1992.
Шекин Г. В. Как строить организацию. — Киев, 1993.
Ядов В. В. Социологическое исследование: методология, программа, методы. — М., 1987.

Глава 13. ДИАГНОСТИКА КОНКРЕТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

13.1. Характеристика основных методов социально-психологической диагностики

К основным методам социально-психологической диагностики относятся: экспертный опрос (сценарный подход); анкетный опрос, т.е. мониторинг общественного мнения; моделирование, в частности моделирование конфликтов; визуальная психодиагностика на основе изучения симптоматики; контент-анализ; тестирование.

Метод опроса является одним из наиболее распространенных методов социально-психологической диагностики.

Под опросом в целом понимается метод целенаправленного получения вербальной (устной или письменной) информации о социально-психологических явлениях путем заочного (опосредованного вопросником анкеты) или очного, непосредственного общения практического психолога (или анкетера, интервьюера) с опрашиваемыми (респондентами). В результате выявляются оценки, мнения, установки, стереотипы восприятия и т.д.

Известно, что опросы бывают двух основных типов: *интервьюирование* и *анкетирование*. Интервьюирование предполагает непосредственное общение интервьюера с респондентом (опрашиваемым) с помощью вопросника интервью. Причем этот вопросник находится на всем протяжении беседы в руках интервьюера. Вопросы задаются устно. В такой же форме даются ответы респондентов, которые фиксируются интервьюером или в вопрос-

нике интервью, или на стандартизованном бланке с закодированными номерами вопросов и возможных ответов на них. В редких случаях, когда речь идет о глубоких интервью по изучению проблем личности с целью последующего изучения не только вербальной, но и невербальной реакции опрашиваемого на задаваемые вопросы, интервью фиксируются диктофоном на магнитную пленку.

Интервью различаются по нескольким основаниям. Отметим прежде всего, что по степени формализации (стандартизации) интервью делятся на формализованные и неформализованные (свободные, нестандартизованные, глубокие, качественные). В формализованном (стандартизованном) интервью как формулировки вопросов, так и их последовательность жестко определены авторами методики и отклонение от принятого стандарта не допускается. Методика нестандартизованного интервью отличается лишь общей заданностью основной темы, проблемы. Очередность, количество вопросов, их формулировки гибко варьируются интервьюером в зависимости от специфических условий каждого интервью. Возможны и промежуточные варианты — полужормализованные интервью.

По количеству опрашиваемых и целям диагностирования интервью могут быть разделены на *индивидуальные диагностические, групповые и массовые*.

Индивидуальные диагностические интервью, как правило, являются свободными, нестандартизованными. Их основная цель — в максимальной степени изучить личностные особенности именно данной личности. Среди интервью данного типа различают клинические интервью, глубинные, фокусированные. Клинические нацелены на выявление акцентуаций личности, поиск стрессогенных факторов, причин негативных психических состояний и т. п. Глубинные интервью нацелены на выяснение событий и переживаний опрашиваемого в прошлом, находящихся в глубинах его памяти. Фокусированное интервью концентрирует внимание опрашиваемого на каком-то одном жизненном событии, проблеме, значимой для него. Причем фокусировка может быть задана как диагностом, так и самим опрашиваемым (в последнем случае мы имеем самофокусировку). Достигается это путем свободного интервью, в ходе которого психолог-диагност с помощью косвенных, наводящих вопросов как бы «нащупывает» болевые точки в сознании опрашиваемого. Особенно это характерно для психоаналитического интервью. Практический психолог, начиная интервью, не знает, какие эпизоды, факты биографии клиента оказались подвергнутыми вытеснению в подсознание и служат причиной его невротического состояния. Однако известно, что попытки вскрыть такие бессознательные комплексы и вывести их на уровень сознания встречают сопротивление клиента. Эти зоны «на-

щупываются» по длительным паузам, умолчанию, вазомоторным реакциям и т. д.

Групповое диагностическое интервью проводится одновременно со всей диагностируемой группой, в полусвободной форме, предусматривает проведение групповой дискуссии по затрагиваемому кругу вопросов. Индивидуальные мнения членов группы при высказывании их в составе группы могут быть значительно искажены в силу конформизма, групповой солидарности, под обаянием лидера группы (или опасения санкций с его стороны за «неправильный» ответ). Сочетание индивидуального и группового интервью при диагностировании проблем межличностных отношений может дать диагносту очень интересную и полезную информацию.

Массовые интервью предназначены для диагностирования массовых социально-психологических явлений: общественного мнения, настроения, социальной напряженности и т. п. Их еще называют вслед за Э. Ноэль — автором книги «Массовые опросы» — демоскопическими интервью. Данный вид интервью она определяет как «устный стандартизованный опрос людей, отобранных по статистическим принципам». Массовое, демоскопическое интервью — это «заранее запрограммированный до деталей опрос по схеме», хотя для самих опрашиваемых он может восприниматься как достаточно «живая, частная и достаточно непринужденная в силу анонимности беседа».

Массовое интервью в максимальной степени формализуется. Стандартизация касается не только очередности и формулировки вопросов, но и возможного веера готовых ответов. Доля открытых вопросов, на которые готовый веер возможных ответов отсутствует, очень мала.

К разновидности стандартизованного интервью можно отнести *опрос по телефону*. Телефонный опрос отличается от обычного индивидуального интервью тем, что отсутствует непосредственное в полном объеме общение интервьюера и опрашиваемого, поскольку оно осуществляется по телефону.

Формализованное (стандартизованное) интервью по своим признакам очень близко к другому типу опросов — анкетированию. Под анкетированием принято понимать письменный опрос респондентов с помощью вопросника анкеты. Общение диагностируемого с диагностом здесь носит опосредованный (через анкету) характер. Как правило, оно используется при изучении групповых мнений и мнений больших социальных групп.

По способу проведения анкетирование подразделяется на *прессовое, почтовое и раздаточное*. В первом случае вопросник публикуется в каком-либо периодическом издании, а читателям этого издания предлагается ответить на предлагаемые вопросы и прислать ответы в редакцию данного издания. Этот способ является

самым дешевым, но дает очень ненадежную информацию с точки зрения ее репрезентативности. Ведь присылают ответы в основном наиболее социально активные читатели данного издания. Поэтому экстраполировать результаты такого опроса на большую генеральную совокупность людей является неправомерным. К тому же и процент возврата в этом способе минимален (3—5 % и менее).

Почтовый опрос осуществляется рассылкой вопросников — анкет по почте согласно адресам подписчиков или адресной книги ЖЭУ. Возврат в этом случае возрастает до 10—25 %.

Раздаточный способ в анкетировании является наиболее предпочтительным, поскольку возврат анкет в этом случае приближается к 100 %. Можно обеспечить достаточную репрезентативность выборки. Кроме того, при этом способе анкетер может разъяснить опрашиваемым цель и задачи опроса, смысл некоторых вопросов и т. д.

К разновидности анкетного опроса, осуществляемого раздаточным способом, можно отнести так называемый «*экспресс-опрос*», когда опрашиваемым раздаются не вопросники анкет, изготовленные типографским или ротاپринтным способом, а чистые листочки бумаги. Вопросник анкеты находится в единственном числе у организатора опроса, который последовательно зачитывает каждый вопрос и веер готовых возможных ответов на него, а опрашиваемые в своих листочках ставят только номера этих вопросов и номера выбранных ответов на них. Проведение опроса таким способом позволяет дешево и быстро получить информацию о мнениях людей по данной проблеме.

Опрос экспертов отличается от других видов опросов прежде всего уровнем компетентности опрашиваемых в интересующей практического психолога проблеме, а также процедурными моментами, связанными с отбором экспертов и анализом получаемой от них информации. Сам сбор информации может осуществляться как в форме интервьюирования, так и анкетирования, даже телефонного интервью.

Экспертный опрос приобретает в социально-психологической диагностике особую значимость как один из способов проверки валидности используемых методик, так и в диагностировании конкретных социально-психологических явлений, для которых адекватные методики еще не разработаны или недостаточно надежны. Незаменимую услугу экспертные опросы могут оказать в прогнозировании социально-психологических явлений, особенно массовых.

Большое внимание уделяется проблеме отбора экспертов. В методической литературе делаются попытки стандартизировать эту процедуру. В частности, алгоритм такого отбора предусматривает первоначально осуществлять его по таким объективным критериям, как уровень образования, наличие ученой степени, количе-

ство опубликованных работ по диагностируемой проблеме, количество ссылок на эти работы у других исследователей, стаж работы, связанный с диагностируемой проблемой, и т.д. Дополнительно после этого эксперты могут быть протестированы на креативность, на интеллект, на общую компетентность по рассматриваемому кругу вопросов. Сами методики экспертного опроса могут отличаться от обычных опросов более сложным и профессиональным языком, предусматривать более сложные комбинированные вопросы. В случае длительного и сложного по умственным затратам экспертного опроса работа экспертов может быть оплачена из средств заказчика.

Некоторые методики экспертного опроса предусматривают стандартизацию и в обработке, анализе получаемой информации (например, «метод Дельфи» — метод экспертного опроса). В частности, наиболее крайние значения не включаются в математическую обработку.

Несколько условно к специфической форме группового интервью с экспертами можно отнести метод «*мозгового штурма*» — весьма эффективный, хотя и сложный по процедуре проведения способ нахождения новых альтернативных вариантов решения в проблемных ситуациях.

В социально-психологической практике все чаще применяется *моделирование*. Причем не совсем в строгом, математическом смысле — с применением теории игр, экстраполяции, — но тем не менее как способ прогнозирования вероятностного развития событий. Такой подход получил название «Построение сценария». Как правило, готовится несколько сценариев, включая как пессимистический, так и оптимистический вариант развития событий. Делается это на основе экспертных оценок. В связи с этим роль экспертных, консультационных советов значительно возрастает. В частности, с 1991 г. осуществляется проект «Россия: перспективы процесса трансформации (экспертный сценарно-прогностический мониторинг)».

Построение *прогностических сценариев* развития событий на основе экспертных опросов гораздо дешевле по сравнению с другими методами. При соблюдении требований к стандартизации экспертных опросов точность подобных прогнозов достаточно велика. Кроме того, экономятся не только деньги, но и время.

Социометрию — количественное измерение взаимоотношений — одни авторы относят к числу самостоятельных методов, другие — отождествляют с тестом. Но, как бы то ни было, в любом случае без социометрического опроса не обойтись. Исключение составляет только социометрическое наблюдение.

Социометрический опрос проводится как с помощью анкетирования, так и интервьюирования. Наряду с приемами сбора информации, он содержит и стандартизованную процедуру об-

работки информации (составление социоматрицы по каждому социометрическому критерию, социограммы, подсчет на основе данных социоматрицы всевозможных индексов, характеризующих личность, межличностные отношения в группе и группу в целом), а также характер интерпретации полученной информации.

Наблюдение и эксперимент — это общенаучные методы, с древних времен применявшиеся как в естественных, так и в гуманитарных науках. При применении этих методов психолог-диагност имеет возможность непосредственно фиксировать ряд объективных параметров диагностируемого объекта.

Под наблюдением в литературе принято понимать целенаправленное непосредственное восприятие внешне и объективно проявляемых параметров, свойств изучаемого объекта с последующей фиксацией результатов в социальные рабочие документы (протокол, карточку или дневник наблюдения). От обыденного наблюдения, которым каждодневно занимается каждый из нас, научное наблюдение отличается целенаправленностью, четкой схемой и заданностью единиц наблюдения (что воспринимать) и не менее четкой фиксацией результатов восприятия.

Помимо способов фиксации, методики наблюдения могут различаться еще по нескольким основаниям. В методической литературе принято различать, в частности, *включенное* и *невключенное наблюдение*. Включенное характеризуется тем, что наблюдатель включен в деятельность группы, за которой ведется наблюдение, на правах ее члена. Тем самым негативный эффект влияния личности наблюдателя во многом снимается, особенно если наблюдатель прибегает к скрытому типу наблюдения, когда наблюдаемые не догадываются, что за ними ведется наблюдение. Невключенное, внешнее наблюдение осуществляется со стороны. Оно может быть как скрытым, так и открытым, когда наблюдаемые знают, что за ними ведется наблюдение. Скрытым оно будет в том случае, когда наблюдатель (или наблюдатели) остается незамеченными для диагностируемых. В лабораторных условиях это может достигаться размещением наблюдателя за стеклянной стеной, прозрачной в одном направлении (для наблюдателя) и непрозрачной — в другом (для наблюдаемых). В полевых условиях скрытое наблюдение осуществлять намного сложнее. Правда, миниатюризация технических средств (в частности, видеокамер) позволяет осуществлять фиксацию «скрытой камерой». Но здесь возникает ряд этических проблем. Ведь диагностируемые — не преступники, за которыми с санкции прокурора может по закону быть установлено негласное наблюдение. Скрытое наблюдение нарушает права личности. Поэтому этика требует информировать объект наблюдения (индивидов, группу) о записи их поведения. Правда, отечественная и зарубежная социальная психоло-

гия и социология знает примеры включенного скрытого наблюдения.

Еще одним параметром, позволяющим различать виды наблюдения, является степень его формализации, стандартизации. В связи с этим различают *полусвободное* и *формализованное наблюдение*. Если в полусвободном наблюдении фокусировка на эмпирические индикаторы изучаемого явления носит несколько «размытый» характер, то в формализованном имеет место чрезвычайно подробное выделение единиц наблюдения, эмпирических индикаторов, восприятие и фиксация которых свидетельствуют о том или ином социально-психологическом явлении и его характеристиках. В полусвободном наблюдении результаты фиксируются в журнале наблюдения или регистрации в свободной форме. В формализованном, как правило, результаты фиксируются в специальную карточку формализованного наблюдения, в которой каждой единице наблюдения отведено свое место, а наблюдатели фиксируют только эти выделенные единицы и никакие другие.

Выделяют также *метод наблюдения значимых ситуаций*. Суть этой разновидности метода наблюдения, предложенной в отечественной психологии Е. С. Кузьминым, заключается в наблюдении за испытуемыми в особых, значимых для них условиях.

С точки зрения времени наблюдения выделяют *продольный* и *поперечный срезы*.

Продольный срез относится к пролонгированным методам, т. е. к наблюдению в течение достаточно продолжительного времени. В данном случае наблюдение наиболее тесно переплетается с биографическим методом изучения личности.

Поперечный срез — метод кратковременного, разового наблюдения.

Заслуживает внимание карта наблюдения Д. Скотта, предназначенная для выявления дезадаптации личности. Она позволяет установить: степень недоверия к новым людям, наличие депрессии, уход в себя, тревожность, враждебность, недостаток социальной нормативности, невротические симптомы, неблагоприятные условия среды, сексуальное развитие, умственную отсталость, болезни и физические дефекты, а также некоторые другие характеристики.

Метод наблюдения весьма тесно связан с *методом эксперимента*. Суть последнего — создание диагностом контролируемой ситуации, в которой на диагностируемый объект (предварительно изученный и описанный) осуществляется воздействие экспериментальным фактором (независимой переменной), а последующие изменения, происходящие в ряде параметров (зависимых переменных) этого объекта, объясняются следствием воздействия этого фактора. При этом создаются как экспериментальные, так и контрольные группы.

В реальной практике из всего множества параметров, характеризующих диагностируемый объект, выбирают ограниченное число наиболее значимых.

В методической литературе выделяют *натурные и мысленные эксперименты, полевые и лабораторные*.

Натурный (естественный) эксперимент предполагает реальное воздействие на реальный объект с целью его диагностирования. Мысленный же эксперимент предполагает манипулирование не с реальным объектом, а с информацией о нем, его моделью. Однако для этого модель должна быть более или менее адекватна (гоморфна) реальному объекту. Достичь такого подобия в социальной сфере очень трудно. Поэтому в настоящее время в основном применяется натурный эксперимент.

Полевой эксперимент отличается от лабораторного тем, что организуется в естественных для диагностируемого объекта условиях. Полевой эксперимент можно проводить на всех уровнях, во всех сферах социальной жизни. Но здесь, помимо методологических трудностей, возникает масса этических и даже правовых вопросов. Главный этический принцип при проведении всех типов экспериментов звучит достаточно просто и лаконично: «Не навреди». Это значит, что экспериментальная ситуация, создаваемая социальным психологом, не должна ухудшать положение диагностируемых, вести к росту напряженности и конфликтам, к экстремальным ситуациям, угрожающим жизни и здоровью людей. При проведении правового эксперимента необходимым условием является согласование (и разрешение) вопроса с правовыми органами, а в ряде случаев — и с законодательными.

Перечисленные выше методологические, организационные и этические трудности значительно сужают диапазон применения эксперимента в социально-психологической диагностике, так как нередко данные, полученные в лабораторных условиях, «не работают» в реальной жизни.

Практика ставит вопрос о теоретическом и правовом обосновании проведения социальных экспериментов. Данное понятие вызывает негативную реакцию, так как ассоциируется с отрицательными последствиями проводимых реформ. Между тем уйти от проведения социальных экспериментов невозможно. Существует реальная потребность в социальных изменениях и инновациях. Дело за их грамотным, компетентным проведением.

Аппаратурные методы социально-психологической диагностики относятся к разновидностям экспериментальных методик. В основе этой группы методов лежат технические устройства, аппараты, с помощью которых:

— создается определенная значимая ситуация, позволяющая выявить ту или иную характеристику диагностируемого объекта;

— снимаются показания о проявлении изучаемых характеристик;
— фиксируются и частично подсчитываются результаты диагностирования.

Выполнение хотя бы одной из перечисленных функций позволяет относить методику к аппаратурной.

В работе ленинградских социальных психологов «Методы социальной психологии» раскрыты различные гомеостатические методики, «анализатор программ» средств массовой коммуникации и устройство полуавтоматизированной анкеты.

Визуальная социально-психологическая диагностика — это возможность изучения различных социально-психологических аспектов безопасности (личности, групп и т.п.) на основе симптоматики.

Симптоматика — основной элемент визуальной социально-психологической диагностики.

Однако и социальная, и социально-психологическая симптоматика не сводятся к визуальной психодиагностике. Она гораздо шире и представляет собой установление диагноза на основе идентификации симптома с тем или иным социально-психологическим явлением.

Социальный симптом обладает моделирующим свойством. Например, то, что сейчас происходит на дорогах (имеется в виду поведение многих водителей иномарок), отражает ситуацию, сложившуюся в государстве и обществе (определенные ценности и нормы, а точнее, доминирование криминальных норм и аномию, т.е. «беспредел»).

Любое социально-психологическое явление на любом уровне имеет свою симптоматику. По симптоматике можно судить о качестве, образе жизни, степени социальной напряженности, статусе, эмоциональном состоянии человека и т.д.

Корреляция между симптомами-индикаторами и определенными социально-психологическими явлениями настолько четкая, что отпадает потребность в проведении каких-либо научных исследований.

Кстати говоря, сложилось мнение, что если в качестве объекта выступают характеристики больших социальных групп, то это фундаментальные или прикладные исследования, а если параметры личности, то это — диагностика. Дело не в этом. Фундаментальные исследования и социально-психологическая диагностика различаются не по объекту исследований, не по наличию или отсутствию программы, а по целям и результатам, т.е. фундаментальные исследования предназначены для приращения новых знаний, получения закономерностей; прикладные же решают более скромные быденные задачи, дают представления о явлениях, которые, в принципе, известны науке, но не известны заказчику об интересующем его явлении. Характеристики больших социальных групп можно не только исследовать, но и диагностировать.

Главное здесь — иметь достаточный перечень симптомов, являющихся индикаторами тех или иных социально-психологических явлений, в том числе массовых. Задача теории — разработка классификации симптомов социально-психологических явлений на разных уровнях. В частности, о состоянии промышленности можно судить по интенсивности грузопотока на транспорте; о качестве жизни — по интенсивности пассажиропотока, по возникновению специфических болезней, эпидемиологических вспышек; о социально-политической нестабильности — по котировке ценных бумаг на фондовых биржах; о состоянии социальной напряженности — по характеру эмиграции; и т. п. Эти знания важны не только для профессионалов, работающих в специфических областях, но и для практикующих социальных психологов, участвующих в предвыборных кампаниях, проводящих маркетинговые исследования и т. п.

Визуальная социально-психологическая диагностика имеет дело с явлениями, лежащими как бы на поверхности. Но это кажущаяся простота. Чтобы идентифицировать симптом с социально-психологическим явлением, нужно обладать социально-психологической компетентностью, знаниями, научными картами об обществе, личности, группах, социальных организациях, институтах и пр. Можно легко и безошибочно определить, ведет ли человек честный или бесчестный образ жизни. Для этого достаточно сравнить его «заметное потребление» (недвижимость, автомобиль и т. д.) с декларацией о доходах.

Визуальная психодиагностика обладает действительно громадными возможностями. Не случайно в спецгруппах есть группы профессионалов, которые по внешним признакам судят о состоянии здоровья политического деятеля, о его положении, т. е. занимаются портретированием и пр.

Визуальная социально-психологическая диагностика позволяет изучать социально-психологические характеристики личности: ее ценностно-смысловую сферу, статусно-ролевые параметры и др. В данном случае в качестве «единицы» анализа (т. е. при помощи чего) выступает система связей, невербальное общение.

Одним из эффективных средств диагностики личности является *невербальное общение*. Поэтому при диагностике ее конкретных социально-психологических характеристик мы еще не один раз обратимся к данному виду общения. Но наиболее подробно остановимся на его диагностических возможностях при освещении проблем диагностики общения.

К средствам невербального общения принадлежат жесты, мимика, интонация, пауза, поза и т. п.

Ниже приводятся значения некоторых групп жестов.

Жесты открытости. Среди данных жестов можно выделить следующее: раскрытие руки ладонями вверх; расстегивание пиджака

(люди открытые и дружески расположенные часто расстегивают или даже снимают пиджак в присутствии друзей).

Жесты защиты. К этой группе относятся жесты, с помощью которых происходит реагирование на угрозы, например руки, скрещенные на груди.

Жесты оценки. Жесты, имеющие отношение к задумчивости и мечтательности, например рука у щеки (люди, опирающиеся щекой на руку, обычно глубоко погружены в раздумья).

Жесты подозрения и скрытности. Рука прикрывает рот; взгляд в сторону; потрагивание шеи, легкое потирание носа — знак сомнения.

Жесты доминантности/подчиненности. Превосходство может быть выражено в приветственном рукопожатии: когда человек крепко сжимает руку и поворачивает ее так, что его ладонь лежит поверх пожимаемой, это означает, что он пытается выразить свое превосходство.

Жесты готовности. Руки на бедрах — это явный признак готовности к проявлению агрессии.

Выделяют несколько типов походок, например:

— ходульная, или деревянная, походка — зажатость, недостаток общения, неконтактность, робость, неспособность к свободному проявлению себя и своих чувств;

— постоянное приподнимание вверх (на напряженных носках ног) — стремление вверх, ведомое сильной потребностью, чувством превосходства.

А. Штангль приводит описание различных мимических выражений и дает им интерпретацию.

Например, прямая посадка головы указывает на уверенность личности.

Взгляд человека тесно связан с речью и часто является средством установления контакта. Взгляд сбоку свидетельствует о недоверии.

Контент-анализ по некоторым характеристикам близок методу формализованного наблюдения, а по некоторым — кардинально отличается от него. Речь идет о специальном методе анализа документальной информации (от англ. *content analysis* — анализ содержания).

С формализованным наблюдением этот метод роднит следующее. Выделяют единицы наблюдения в соответствии с поставленной перед ним задачами, а потом наблюдают их в социальной действительности и фиксирует результаты в карточку наблюдения. Аналитик выделяет в соответствии со своими задачами определенный набор смысловых единиц, а затем выписывает их упоминание в текстах документов и фиксирует результаты в карточку контент-анализа. В этом плане многие методические требования к отбору единиц наблюдения, поиску эмпирических индикаторов

этих единиц справедливы и для поиска смысловых единиц в контент-анализе.

Документы, которые человечество за последние столетия накопило в огромных количествах, могут быть классифицированы следующим образом. По способу фиксирования они подразделяются на рукописные, печатные, иконографические (фото- и кинодокументы и т. п., образная информация) и др. С точки зрения статуса они подразделяются на официальные и неофициальные. По степени близости к фиксируемому эмпирическому материалу (или по степени широты отражения событий) — на первичные и вторичные документы. С точки зрения природы появления документов на свет, они разделяются на естественные и целевые. По степени персонификации документы делятся на личные (характеризующие личность) и безличные, или общественные (данные прессы, протоколы собраний и т. п.).

В зависимости от типа документа может значительно изменяться степень объективности/субъективности отражаемых в них сторон социальной действительности.

Существует множество определений самого метода контент-анализа. Так, Г. М. Андреева видит суть этого метода в «выделении в тексте документа некоторых ключевых понятий (или иных смысловых единиц) с последующим подсчетом частоты употребления этих единиц, соотношения различных элементов текста друг с другом, а также с общим объемом информации». В. А. Ядов определяет его как «перевод в количественные показатели массовой текстовой (или записанной на пленку) информации с последующей статистической ее обработкой».

Для В. Е. Семенова сущность этого метода заключается в «систематической и надежной фиксации определенных единиц изучаемого содержания, а также в квантификации получаемых данных».

Обобщая сказанное, можно определить этот метод как качественно-количественный анализ массива документальной информации, основанный на применении элементов формализованного наблюдения и статистических приемов исследования с целью выявления характеристик авторов текстов или характеристик и закономерностей отражаемой в этих документах социальной среды.

В настоящее время выработался понятийный аппарат этого метода. Речь идет о терминах «*текстовая реальность*» и «*внетекстовая реальность*». Под первой понимается совокупность текстов документов, а под второй — социальная реальность, которую эта совокупность текстов отражает. Третьим является термин «*смысловая единица*» — проблема, тема, идея, которая интересует диагностирующую и которая с помощью различного сочетания слов высказывается авторами документов, подлежащих анализу. Тематические единицы могут быть самыми разнообразными.

Сначала выделяются категории анализа как направления, стороны рассмотрения смысловых единиц, проблемы, интересующей диагноста. Количество этих категорий анализа зависит от целей и задач контент-аналитического обследования.

Однако без такой категории анализа, как тема, невозможно ни одно контент-аналитическое исследование. Как показывает практика, чаще всего контент-аналитиками задействуется наряду с темой знак оценки (степень широты освещения выбранной темы в материале и т.д.) в зависимости от степени глубины анализа проблемы.

Каждая категория дифференцируется на единицы анализа. Тема — на тематические единицы (например, тема борьбы с пьянством может дифференцироваться на такие единицы анализа, как описание размеров злоупотребления алкогольными напитками, анализ причин пьянства, информация о мерах борьбы с пьянством и алкоголизмом). Знак оценки дифференцируется на такие единицы анализа, как положительная оценка, отрицательная, сбалансированная и нейтральная. Локальность — на уровни: личность, малая группа, организация (предприятие), район города, город, область и т.д.

Каждая из единиц анализа в свою очередь дифференцируется на определенный набор классификационных единиц, под которыми понимаются эмпирические индикаторы (слова, их сочетания), по которым тот или иной фрагмент текста документа идентифицируется с выделенной единицей анализа. Например, такая тематическая единица анализа, как «работа органов здравоохранения», идентифицируется (и фиксируется в карточке контент-анализа) по такому набору слов, как «больница», «поликлиника», «больные», «врачи», «выздоровление» и т.п. Такая единица анализа, как «негативная оценка», — по словам: «плохо», «отвратительно», «безобразно» и т.п. Примерный перечень классификационных единиц к каждой единице анализа указывается в инструкции контент-аналитику, а также в описании методики.

Процедура контент-аналитического обследования состоит из нескольких этапов.

На первом этапе разрабатываются категории и единицы и осуществляется предварительный анализ массива документальной информации на предмет надежности информации, возможности доступа к ней и т.д.

На втором этапе разрабатывается конкретная методика. Составляется из категорий и единиц анализа код, в котором при необходимости могут указываться и классификационные единицы (эмпирические индикаторы в текстах документов для каждой единицы анализа). Иногда классификационные единицы указываются в инструкции кодировщику-аналитику. Определяются единицы счета. Затем конструируется макет карточки контент-анализа.

Следующим этапом контент-аналитической процедуры является сбор первичной информации, т.е. собственно формализованный анализ массива документов. Кодировщики-аналитики, вооружившись кодом и карточками контент-анализа, последовательно просматривают эти документы, выписывая в них указанные в коде смысловые единицы анализа, подсчитывая объем и частоту их упоминания.

Под *тестированием* принято понимать кратковременное испытание, с помощью которого измеряется уровень развития или степень выраженности некоторых психических свойств личности, групп или общностей. Однако под это широкое определение можно подвести любой вопрос, загадку, ответы на которые также позволяют выявить определенные свойства личности. Более строгое, научное определение методики предполагает, что должны быть стандартизированы, с одной стороны, сама ситуация и стимул, предлагаемые испытуемым, а с другой стороны, поведение, реакция испытуемого может быть оценена количественно путем сопоставления с поведением группы субъектов, находящихся в той же ситуации. В 1933 г. Международная ассоциация психотехники приняла в качестве базового определение психолога А. Пьерона.

Краткое определение психологического теста дает В.В. Столин, который считает, что тест — это теоретически и эмпирически обоснованная система высказываний (заданий), позволяющая получить измерения соответствующих психологических свойств.

По диагностируемым субъектам тесты подразделяются на индивидуальные (личностные) и групповые.

По форме получаемых результатов, или реагированию на стимульный материал тесты подразделяются на вербальные и невербальные. В вербальных тестах как стимульный материал, так и ответы на него представлены в опосредованной языком форме, задания в этих методиках апеллируют к памяти, воображению, системе убеждений испытуемых. В невербальных тестах выполнение заданий опирается на невербальные способности — перцептивные, моторные, а речевые способности испытуемых включаются в них только в плане понимания инструкций. Большинство аппаратных тестов, предметных, рисуночных и т.п. относятся к невербальным тестам.

По целям диагностирования тесты подразделяются на тесты самопознания, диагноза специалиста для клиента и тесты экспертизы. Первые, как правило, не являются строго научными. Они публикуются в популярных газетах, журналах, книжных изданиях. Их отличает небольшой объем, простота тестирования и подсчета результатов. Вторые являются наиболее строгими в плане стандартизации как процедуры тестирования, так и структуры и содержания тестовых заданий (стимульного материала), а также обра-

ботки информации и ее интерпретации. Эти тесты должны быть валидны как теоретически, так и эмпирически, должны иметь нормативы по базовым группам. Аналогичные требования предъявляются и к тестам экспертизы. Различия касаются лишь самой процедуры организации тестирования. В одном случае оно происходит по просьбе клиента, заинтересованного в получении достоверной, надежной информации, во втором — инициатива тестирования принадлежит администрации, желающей проверить своих сотрудников на профпригодность или нанять из устраивающихся на работу наиболее достойных, имеющих наилучшие результаты тестовых испытаний. В этом случае испытуемые могут сознательно идти на определенные искажения, желая умолчать о каких-либо негативных характеристиках своей личности. Поэтому психологи-диагносты должны это учитывать и использовать в своей практике соответствующие тестовые методики, которые позволили бы свести к минимуму влияние данного фактора.

В определенной степени сделать это помогают различные формы преподнесения стимульного материала. По данному основанию тесты делятся на устные, письменные (в т.ч. бланковые), аппаратурные, предметные, компьютерные и т.д.

Тесты-опросники состоят из нескольких десятков вопросов (утверждений), относительно которых испытуемые выносят свои суждения (как правило, «да» или «нет», реже — трехальтернативный выбор ответов).

Шкальные техники строятся по типу семантического дифференциала Ч. Осгуда и позволяют выявлять отношения к различным интересующим диагноста явлениям на основе предъявляемой совокупности шкал (обычно пользуются пяти-, семичленными шкалами).

Проективные тесты отличаются тем, что стимульный материал, предъявляемый испытуемым, характеризуется неопределенностью, предполагающей самые разнообразные трактовки.

Конкретные методы и методики, которые можно использовать для изучения социально-психологических аспектов безопасности, изложены в книге «Прикладная социальная психология» и в ряде других изданий. Имеется в виду социально-психологическая диагностика конфликтов, социально-психологических явлений в экстремальных ситуациях.

Гораздо более сложным является вопрос о социально-психологических методах обеспечения безопасности. Данная проблема относится к числу малоразработанных. Прежде всего данные методы классифицируются в зависимости от уровня их применения. Своей спецификой обладают также и методы обеспечения безопасной власти, социальной, общественной, информационной, организационной и профессиональной безопасности, не говоря уже о технологиях формирования безопасного поведения личности.

В целях исключения дублирования изложение каждого из этих групп-методов производится непосредственно при раскрытии того или иного вида безопасности.

Итак, методы изучения и обеспечения социально-психологических аспектов безопасности обладают существенной спецификой, которую непременно следует иметь в виду. Одни из них являются чисто социально-психологическими, другие — комплексными, состоящими из правовых и других методов.

13.2. Социально-психологическая диагностика личности

Нужно иметь четкие представления о схеме объекта изучения, знать его индикаторы (показатели), операционно видеть социально-психологическое явление, уметь подобрать адекватную диагностическую методику и грамотно в процедурном отношении провести диагностику. Это общее положение абсолютно верно и для диагностики социально-психологических характеристик личности.

Формирование образа *Я* через идентификацию и порождает определенный механизм выделения себя, поиск «альтер-эго», дистанцирование от других, что проявляется в своеобразии мышления (ментальности).

Сущность *ментальности* З.Фрейд выразил в фразе «Человек привязан к прошлому, как раб к галерам». В ментальности выражается сущность социотипа, т.е. влияние этнопсихологии, национальных традиций, ценностей, образов, мифов, стереотипов и т.д. Понятия «ментальность», «социотип», «архетип» взаимосвязаны. Ментальность — важнейшая социально-психологическая характеристика личности. Она проявляется в социальных представлениях, ценностно-смысловой сфере; мотивационной сфере; направленности, жизненном пути и целях. В этом выражается трансперсональный подход к пониманию структурирования социально-психологических характеристик личности.

В архетипе выражается социальный быт человечества, связанный с реализацией ряда базовых, универсальных модусов бытия человека; отношения с природой, процесс становления члена социума, личностное самоопределение. Это процесс становления *Я*, некая универсальная модель восприятия, выраженная в символическом языке образа и мифологическом сознании.

Ценностно-смысловая сфера человека неотделима от ментальности.

Ценность — явное или неявное представление о желательном, которое влияет на выбор из возможных вариантов, типов, средств и целей действий. В то же время ценности связаны со смыслом жизни человека. По словам В.Франкла, есть «смыслы, которые разделяются множеством людей на протяжении истории. Эти смыслы и есть то, что понимается под ценностями. Таким образом,

ценности можно определить как универсалии смысла. Обладание ценностями облегчает для человека поиск смысла».

Смысловая сфера представляет собой сложную структуру, несводимую к однотипным элементам. Ее составляющие отличаются различным уровнем осознанности, динамикой изменений и спецификой воздействия на поведение. В смысловой сфере выделяются такие структуры, как личностный смысл, смысловая установка, смысловая диспозиция, личностная ценность, смыслообразующий мотив и смысловой конструкт.

Наиболее близким психическим образованием в отношении смысловой сферы является *мотивация*. И мотивы, и смыслы внутренне детерминируют поведение личности, однако устойчивость и глубина их различны. В определенной степени можно утверждать, что смысловые образования и мотивы находятся в иерархически соподчиненных отношениях (мотивы — как более низкий уровень).

Динамика изменений смысловой сферы тесно связана с жизненным путем личности. Она проявляется в направленности, жизненных планах и целях личности.

В определенной иерархической связи с ментальностью находится не только ценностно-смысловая, но и мотивационная сфера личности, которая выступает, по существу, как ее социально-психологическая характеристика, означающая единство личностных и ситуационных особенностей.

Мотивация в отличие от мотивов объясняет жизненный путь, направленность и цели личности. От мотивации зависит, как и в каком направлении будут использованы различные интересы и устремления человека.

Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений, ядро мотивации, жизненной концепции и смысла жизни.

Наиболее распространенной в настоящее время является *методика изучения ценностных ориентаций* М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей.

М. Рокич различает два класса ценностей: терминальные — ценности цели и инструментальные — ценности средства.

Респонденту предъявляется два списка ценностей (по 18 в каждом) либо на листах бумаги в алфавитном порядке, либо на карточках. В списках испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер, а карточки раскладывает по порядку значимости. Последняя форма подачи материала дает более надежные результаты. Вначале предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

Для определения направленности личности широко используется ориентационная анкета (опросник) Б. М. Басса (1969).

Анкета состоит из 27 пунктов суждений, по каждому из которых возможны три варианта ответов, соответствующие трем ви-

дам направленности личности. Респондент должен выбрать один ответ, который в наибольшей степени выражает его мнение или соответствует реальности, и еще один, который, наоборот, наиболее далек от его мнения или же наименее соответствует реальности.

Ответ «наиболее» получает 2 балла, «наименее» — 0, оставшиеся невыбранными — 1 балл. Баллы, набранные по всем 27 пунктам, суммируются для каждого вида направленности отдельно.

С помощью методики выявляются следующие виды направленности:

— направленность на себя (Я) — ориентация на прямое вознаграждение, агрессивность в достижении статуса, тревожность;

— направленность на общение (О) — стремление при любых условиях поддерживать контакты с людьми, ориентация на социальное одобрение;

— направленность на дело (Д) — заинтересованность в решении деловых проблем, ориентация на деловое сотрудничество, способность в интересах дела отстаивать собственное мнение.

Методика предельных смыслов (Д. А. Леонтьев, 1985) используется для качественно-количественного анализа особенностей содержательно-смысловой структуры мировоззрения. По своему характеру она близка к проективным и смысло-глубинным методам исследования личности (А. А. Кронник, Е. И. Головаха).

В данной методике испытуемому предлагают ответить на вопрос: «Зачем люди занимаются... (какой-либо деятельностью)?» После ответа вопрос «зачем?» вновь задается к ответу, который дал испытуемый, и так продолжается до тех пор, пока не появляется последний ответ, который несет предельную смысловую нагрузку.

Тест смысловых ориентаций является адаптированной версией теста «Цель в жизни» Д. Крамбо и Л. Махолика. Методика была разработана авторами на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла в 1990 г. и преследовала цель эмпирической валидации ряда представлений из этой теории, в частности представлений об экзистенциальном вакууме — нооченных неврозах. Суть этих представлений заключается в том, что неудача в поиске человеком смысла своей жизни (экзистенциальная фрустрация) является причиной особого класса душевных заболеваний — нооченных неврозов. «Цель в жизни», которую диагностирует методика, авторы определяют как переживание индивидом онтологической значимости жизни.

Оригинальная методика представляет собой набор из 20 шкал. Методика «Осознанности жизненных целей» состоит из двух шкал. Шкала А — «Отношение к жизни». Шкала Б — «Структурированность свободного времени», которая показывает, как глубина и осознанность жизненных целей человека проявляются через структуру свободного времени.

Для определения деловых и коммуникативных предпочтений личности применяют три шкалы: коммуникативные, деловые предпочтения и шкала неискренности («итеф-центр»).

Методика Б. Додонова позволяет диагностировать 10 видов эмоциональных направленностей личности:

- альтруистическая — потребность в содействии и помощи;
- коммуникативная — потребность в общении, дружеских отношениях;
- глорическая — потребность самоутверждения;
- практическая — ценностные переживания, связанные с реализацией деятельности, которая нужна субъекту сама по себе;
- пугническая — потребность в преодолении опасности, на базе которой возникает интерес к борьбе;
- романтическая — стремление ко всему необычному;
- гностическая — стремление к познанию;
- эстетическая — стремление к чувству прекрасного;
- гедонистическая — выражение потребности в телесном и душевном комфорте;
- акизитивная — тяга к коллекционированию вещей, выходящему за пределы практической нужды в них.

Для измерения мотивации достижения используется тест А. Мехрабиана. Вместе с тем используются и другие методики, в том числе М. Ш. Магомед-Эминова. Данные методики применяются для диагностики мотивов стремления к успеху и мотивов избегания неудачи. При этом оценивается, какой из этих двух мотивов доминирует. Тест представляет собой опросник, имеющий две формы — мужскую (форма А) и женскую (форма Б).

Для измерения мотивации аффилиции — стремления к принятию (СП) и страха отвержения (СО) — как правило, применяют тест А. Мехрабиана и его модификации М. Ш. Магомед-Эминова.

Исследование мотивационной сферы производится и с помощью теста юмористических фраз (А. Г. Шмелева и В. С. Бабина). Испытуемому предлагается по инструкции разложить карточки с юмористическими фразами строго по тематике.

Для исследования интересов и профессиональной ориентации личности используется «Карта интересов» и «Дифференциально-диагностический опросник» (Е. А. Климов).

В целях изучения направленности личности нередко также практикуется применение методики «незаконченные предложения». Данная методика относится к группе проективных тестов, состоит из 60 незаконченных предложений.

Социально-психологическая диагностика когнитивных и Я-характеристик личности состоит из самооценки, самоотношений и отношений.

В определенной связи смысловая сфера находится с когнитивными и Я-характеристиками личности.

Наиболее интегральной характеристикой когнитивной сферы личности является Я-концепция, т. е. зеркальное Я.

Я-концепция формируется под влиянием различных факторов. Особенно важную роль при этом играет общение со значимыми другими, которые, в принципе, и определяют представление человека о самом себе.

Различают Я-наличное, Я-желаемое и Я-представляемое. В середине XX в. возник целый класс теорий когнитивного соответствия. Их основная идея в том, что когнитивная структура не может быть несбалансированной, дисгармоничной; если же обнаруживается дисбаланс, немедленно возникает тенденция изменить это состояние и восстановить внутреннее соответствие.

Ф. Хайдер вышел на проблему баланса, изучая восприятие человеком социальных объектов. Он заметил, что люди воспринимают их как нечто целое. Именно по отношению к этому целому возникают определенные чувства. При этом важно, чтобы отношение к целому и чувства не противоречили друг другу. Ф. Хайдер построил модели сбалансированного восприятия, выделив целостности РОХ, где Р — личность субъекта, О — другой человек, Х — любой объект.

Одна из важнейших в истории социальной психологии — теория когнитивного диссонанса Л. Фесталгера, которая фиксирует внимание на случаях нарушения соответствия.

Жизненная важность для субъекта быть принятым другими людьми отражается в самоотношении. Основой самоотношения становится потребность в самоактуализации.

Существуют стандартизированные самоотчеты, характеризующие отношение испытуемого к самому себе в различных сферах.

Примером нестандартизированного самоотчета является тест «Кто я?» Испытуемого просят в течение 12 мин дать 20 различных ответов на вопрос «Кто я?». Ответы даются спонтанно, непоследовательно, а затем они обрабатываются с помощью контент-анализа.

Самоотношение понимается как выражение смысла Я для личности (В. В. Столин). Для измерения самоотношения было отобрано девять измерений (модальностей), которые наиболее существенно характеризуют самоотношение в адрес Я:

- осознанность Я;
- самоуважение и уверенность в себе;
- саморуководство и последовательность Я;
- ожидаемое отношение других;
- безусловное самопринятие;
- переживание ценностей собственной личности;
- чувство привязанности к своему Я;
- непонимание себя, переживание конфликтности Я;
- чувство самообвинения.

Испытуемому предъявляется тестовый буклет и бланк ответов, где значатся два варианта ответов: «согласен» — «не согласен».

Люди различаются между собой по тому, как и где они локализируют контроль. Существует два типа такой локализации: интегральный (внутренний) и экстернальный (внешний). Имеется связь между данными свойствами личности и характеристиками Я.

Для исследования локуса контроля применяется или шкала Дж. Роттера, или метод исследования уровня субъективного контроля (последний является вариантом шкалы Дж. Роттера).

Самооценка личности изучается с помощью различных шкал, в том числе личностного дифференциала. Личностный дифференциал позволяет изучить самооценку личности, ее самосознание.

Важное значение он имеет для изучения не только ментального пространства, но и когнитивной сферы (впрочем, разделить их можно только условно — личность имеет психологический подход, активно развиваемый В. Ф. Петренко). В этом контексте интерес представляет и методика репертуарных решеток. Важное значение имеет диагностика уверенности в себе как устойчивого позитивного отношения личности к собственным навыкам, умениям и способностям (А. Фарелл и др.).

Рассмотрим диагностику социально-психологической компетентности личности.

Социально-психологическая компетентность личности означает ее осведомленность о социально-психологических явлениях и знания о коммуникации, познании и интеракции (влияния).

Основу ее составляют научные картины мира.

Конкретно социально-психологическая компетентность складывается из коммуникативной, перцептивной и интерактивной компетентности.

Для измерения социально-психологической компетентности личности используются разнообразные методики. К сожалению, далеко не все из них теоретически валидны.

Методика «КОС-1» предназначена для выявления коммуникативных (К) и организаторских (О) склонностей (С) личности (умение четко и быстро устанавливать деловые и личные контакты, умение влиять на людей). Методика содержит 40 вопросов, на каждый из которых обследуемый должен дать ответ «да» или «нет». Время для ответов на вопросы не должно превысить 10 — 15 мин.

Имеется масса популярных, нестандартизированных тестов, например «Общение», «Уровень коммуникабельности», «Умение слушать», «Умение излагать свои мысли» и т.д. Они предназначены для изучения коммуникативной компетентности. Но в научных целях данные методики не применимы. Пожалуй, исключение составляет экспресс-тест на самоконтроль в общении, или «тесты М. Снайдера». Данная методика позволяет оценить, в какой степени человек контролирует себя в общении с другими людьми.

Имеется тест «Социально-коммуникативная компетентность». Тест содержит следующие шкалы:

- социально-коммуникативная неуклюжесть (29 вопросов);
- нетерпимость к неопределенности (21 вопрос);
- чрезмерное стремление к конформности (15 вопросов);
- повышенное стремление к статусному росту (20 вопросов);
- ориентация на избегание неудач (28 вопросов);
- фрустрационная нетолерантность (20 вопросов).

Трудно согласиться с теоретической валидностью данного теста. Но некоторые шкалы все же «работают» на изучение коммуникативной компетентности («итеф-центр»).

Одной из «составляющих» социально-психологической компетентности личности является ее наблюдательность.

Психологическая наблюдательность является профессионально важным личностным качеством в деятельности и относится к достаточно эффективным и доступным способам познания людей, участвующих в совместной деятельности, которая обеспечивает человеку получение определенной информации с целью управления конкретной производственной системой.

По мнению И. В. Кульковой, психологическая структура и содержание психологической наблюдательности включает: перцептивный компонент, имеющий в своем основании сенсорно-перцептивную организацию личности; когнитивный компонент — определяет особенности мышления, памяти и когнитивного стиля личности в осуществлении процесса психологического наблюдения; рефлексивный компонент — как осознание себя и особенностей своего взаимодействия с другими; эмпатийный компонент — включает в себя аффективно-когнитивные способы взаимопонимания людьми друг друга, а именно идентификацию, децентрацию и эмпатию; мотивационный компонент — определяет содержательную избирательность психологической наблюдательности и осознанную установку на наблюдение за поведением окружающих человека людей; прогностический компонент — позволяет предвосхищать поведение партнеров по общению и развитие ситуации взаимодействия в целом.

Для диагностики психологической наблюдательности применяют следующие методики: «Поведенческий портрет», «Список личностных черт» (А. М. Эткин), «Рисунок эмоций» (В. А. Лабунская), «Диагностические игры», «Экспертный опрос».

Именно профессиональной наблюдательности с помощью тренингов и в рамках полевого практикума нужно обучать практических психологов, чтобы они могли диагностировать не только на основе разработки программ и с помощью громоздких методик, но и осуществлять психологическое портретирование быстро и качественно с использованием экспресс-методик, а также симптоматики.

Кроме того, выделяют *аутопсихологическую компетентность*. Она складывается из умений, направленных на самодиагностику,

самокоррекцию, саморазвитие, самомотивирование, эффективную работу с информацией, психолингвистическую компетентность, и характеризуется адекватным самооцениванием и стремлением к профессиональному росту.

Что такое социально-психологическая диагностика статусно-ролевых характеристик личности?

Статус — это место человека в конкретно определенной социальной структуре. Под ролью понимается нормативно одобренный образ поведения, ожидаемый от каждой личности, занимающей данный статус.

Традиционная методика изучения статуса личности — *социометрический тест*, предложенный Дж. Морено (1934). Суть этой методики заключается в том, что на основании выборов членов группы определяется индивидуальный статус (лидер; предпочитаемый; изолированный). Эта методика обширно представлена в отечественной литературе.

Процедура социометрического опроса сводится к определению целей исследования и содержания вопросов на основе критериев и ограничения возможных выборов, проведению опроса и обработке результатов. Используются и другие версии социометрического теста, в частности В. Грабала.

В классическом виде социометрический статус C_c определяется по формуле:

$$C_c = \frac{K_n}{K_o},$$

где K_n — количество полученных членом группы вопросов, K_o — количество его ответов.

В. Грабал выделяет также и такие индексы, как индекс влияния, или воздействия, популярности, симпатии.

Большими возможностями в области изучения статусно-ролевых характеристик личности обладает визуальная психодиагностика. А. Штангель приводит различные характеристики поведения человека.

Походка и осанка человека позволяют судить о статусно-ролевых характеристиках личности. Типичный подхалим наклоняет весь торс вперед, взгляд при этом устремлен на собеседника, на лице широкая подобострастная улыбка.

Непринужденная осанка — свидетельство свободы от какого-либо ограничивающего принуждения. Вялая осанка — символ покорности, смирения, угодничества.

Весьма информативными для анализа статусно-ролевых характеристик личности является плечевой пояс и в целом верхняя часть тела человека.

Положение ног и ступней также является способом изучения статусно-ролевых характеристик личности.

Жесты также выступают в качестве способа изучения статусно-ролевых характеристик личности. Например, руки соединены за спиной, подбородок поднят вверх — типичная авторитарная поза (так стоят высшие руководители и т. п.).

Об этом же самом говорят характеристики голоса и дистанция в общении. Есть ближняя зона (интимная), личная дистанция и дальняя зона.

Одной из методик изучения статусно-ролевых характеристик личности является стилистический анализ речи. В стиле речи выражены специфика профессии человека, его ценности. Различают несколько стилей речи: обиходно-бытовой, художественный, деловой, научный, нелитературный (криминальный). В результате стилистического анализа речи (какие слова употребляются в речи, обороты, их частота, термины и т. п.) можно сделать вывод о том, какой статус занимает личность и какие доминирующие роли она выполняет.

Особое значение в данном случае имеет анализ сленга.

По происхождению сленг в большинстве случаев представляет собой лексику, свойственную одной ограниченной профессиональной, социальной или другой какой-либо особой группе населения.

Теперь рассмотрим психодиагностику эмоциональной сферы личности и социальных чувств.

Эмоциональная сфера личности включает разнообразные элементы:

- элементарные переживания, связанные с биологическими потребностями организма (голод, жажда, усталость);
- аффекты и страсти (ярость, ужас, отчаяние);
- ситуационные чувства (радость, восторг, обида, нетерпение);
- различные психические (эмоциональные) состояния (настроение).

Социальные чувства возникают в процессе общения. В результате контактов возникает взаимное возбуждение, которое, во-первых, может распространяться, во-вторых, усиливать или ослаблять индивидуальные переживания.

Социальные чувства качественно отличаются от аналогичных явлений индивидуального порядка. Довольно часто они представляют собой значащие переживания. Важное место среди них занимает общественное настроение. В него включены осознанное и неосознанное, эмоциональное и рациональное. В общественном настроении отражаются социальные условия. Оно обладает особым динамизмом. К социальным чувствам и эмоциям относятся и те переживания, которые возникают в результате деформации социальных отношений, например изоляции.

Одним из таких социально-психологических явлений выступает состояние одиночества. Одиночество может быть и психологическим состоянием, и свойством. Для измерения этого явления применяются различные шкалы.

Одним из проявлений настроения является состояние оптимизма и пессимизма, которое изучается с помощью соответствующей шкалы, т. е. диагностики жизненной позиции личности (оптимизм — пессимизм)*.

В собственном смысле настроение измеряется посредством шкалы под названием «оценка настроения».

Для оценки эмоциональных состояний личности используется тест цветовых предпочтений Люшера (1955, 1971), который заключается в ранжировании по предпочтению набора лишенных текстуры цветовых поверхностей (8 квадратиков из цветной бумаги). За каждым цветом закреплено символическое значение, поэтому психолог-практик расшифровывает и прочитывает полученную от испытуемого цветовую последовательность («раскладку») как некую информацию о его эмоциональном состоянии:

- синий (№ 1) — цвет покоя, погружения в медитацию;
- зеленый (№ 2) — отражает степень волевого напряжения;
- красный (№ 3) — цвет крови, символизирует возбуждение;
- желтый (№ 4) — выражает возбужденное напряжение;
- фиолетовый (№ 5) — индикатор психической и половой зрелости;
- коричневый (№ 6) — символ примитивных чувств радости;
- черный (№ 7) — символ кризисного состояния;
- серый (№ 8) — это нейтралитет, граница, отделяющая человека от каких-либо переживаний.

Для диагностики самочувствия, активности и настроения используется методика «САН». Опросник состоит из 30 пар противоположных характеристик, по которым испытуемого просят оценить свое состояние. Каждая пара представляет собой шкалу, на которой испытуемый отмечает степень актуализации той или иной характеристики своего состояния.

Для оценки эмоциональных состояний используется метод экспертного визуального определения. Данная методика разработана на основе опыта психологической квалиметрии, которая представляет собой оценку психологического качества, в данном случае количественную оценку эмоциональных состояний человека.

Визуальная оценка эмоциональных состояний может быть более объективной при формализации комплекса основных внешне-эмоциональных показателей, дающего основание предполагать наличие у человека определенного эмоционального состояния.

Скоординированное совместное наблюдение за эмоциональными состояниями обеспечивает более объективную их оценку, давая возможность количественной обработки результатов наблюдения отдельными экспертами.

* См.: Сборник психологических тестов. — Киев, 1992.

На основе показателей с наибольшими коэффициентами весомости (рот, глаза, брови, цвет лица, движение рук, дыхание и интонация высказываний) была построена таблица *экспертной оценки эмоциональных состояний*, которая присваивает один из пяти баллов показателям эмоциональных состояний.

Каждому баллу эмоционального состояния соответствует определенный набор показателей его содержания.

Способность к сопереживанию — эмпатия — является отчасти социально обусловленной чертой личности, отчасти генетически предопределенной.

Опросник А. Меграбяна состоит из 83 пунктов. Степень согласия с каждым вопросом-утверждением оценивается испытуемым в регистрационном бланке по 9-балльной шкале (от -4 до +4 с шагом в 1 балл).

Опросник позволяет измерить следующие компоненты эмпатии:

Э — эмпатическая тенденция, способность к сопереживанию, впечатлительность.

П — тенденция к присоединению, способность к проявлению тепла, дружелюбия, поддержки.

СО — сенситивность к отвержению, соответственно способность к возникновению адекватного чувства вины, восприимчивость к критике в свой адрес.

Известны шкалы для определения тревоги (Ч. Спилберг, Ф. Тейлор), депрессии, невропатизации личности и т.п.

Насилие как социально-психологическое явление имеет разные формы проявления, в том числе оно имеет место и на личностном уровне. Насилие выражается в агрессии.

Под агрессией понимают свойство личности, характеризующееся наличием деструктивных тенденций, как правило, в области конфликтных отношений.

Выделяют два типа агрессивных проявлений: мотивационная агрессия как самоценность и инструментальная как средство.

Наиболее часто для диагностики агрессии используют опросник Басса — Дарки. Вопросник состоит из 76 пунктов. Его авторы выделили следующие виды реакций:

— физическая агрессия — использование физической силы одним субъектом против другого;

— косвенная агрессия, окольным путем направленная на другое лицо;

— раздражение — готовность к проявлению негативных чувств при малейшем возбуждении (вспыльчивость, грубость);

— негативизм — оппозиционная манера в поведении от пассивного сопротивления до активной борьбы;

— обида — зависть и ненависть к окружающим за действительные и вымышленные действия;

- подозрительность — от недоверия до обсуждения того, что другие люди планируют причинить вред;
- вербальная агрессия — выражение негативных чувств через словесные реакции: крик, визг, проклятия, угрозы;
- чувство вины — выражает возможное убеждение субъекта в том, что он является плохим человеком.

Для диагностики агрессии используются проективные техники (от лат. *projectio* — выбрасывание вперед; проективные техники, основанные на выявлении проекций личности с последующей их интерпретацией).

Темы для обсуждения

1. Характеристика основных методов социально-психологической диагностики.
2. Социально-психологическая диагностика личности.
3. Социально-психологическая характеристика отношений и общения.
4. Социально-психологическая диагностика малых неформальных групп и семьи.
5. Социально-психологическая диагностика социальных организаций.
6. Диагностика массовых социально-психологических явлений.

Рекомендуемая литература

- Лабунская В. А.* Экспрессия человека. — Ростов н/Д, 1999.
- Методы социальной психологии / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. В. Семенова. — Л., 1977.
- Рогов Е. И.* Настольная книга практического психолога в образовании. — М., 1995.
- Прикладная социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 1998.

Глава 14. СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

14.1. Социально-психологическая компетентность как составная часть профессионализма

Компетентность означает доскональные знания в какой-либо области. Компетентный человек — это знающий, хорошо осведомленный о чем-либо человек, т.е. компетентность, как правило, связывают с квалификацией специалиста, имеющего исчерпывающие знания в какой-либо профессиональной области.

Однако существуют сферы, в которых многие считают себя компетентными без всякой на то подготовки, например спорт, медицина, педагогика, искусство, политика. Действительно, здесь, казалось бы, хватает и житейской мудрости, и жизненного опы-

та, но это еще не говорит о том, что данный человек социально-психологически компетентен. Это объясняется тем, что социально-психологическая компетентность — категория прежде всего научная.

Социально-психологическая компетентность личности представляет собой специальные знания об обществе, о политике, экономике, культуре и др. Иными словами, социально-психологическая компетентность по своему содержанию напоминает то, что в свое время называлось мировоззрением. Она позволяет личности ориентироваться в любой социальной ситуации, принимать верные решения и достигать поставленных целей.

Антиподом социально-психологической компетентности являются некомпетентность, неграмотность, невежество, суеверие, мистика, оторванная от жизни фантазия.

Социально-психологическая компетентность — явление многомерное.

Она складывается из коммуникативной, перцептивной (когнитивной) компетентности и знаний в области взаимодействия, поведения.

Коммуникативная компетентность, по мнению профессора Л. А. Петровской, имеет двойкий смысл — это и эмпатическое свойство (сопереживание), и знания о способах ориентации в различных ситуациях, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения. Перцептивная компетентность означает степень соответствия сформировавшихся картин мира, стереотипов, образов научным картинам мира. Компетентность в области взаимодействия сводится к знаниям о природе социальных влияний.

Научная картина мира — это система общих принципов, понятий, законов и наглядных представлений, формируемая на основе синтеза научных знаний. Выделяют три типа научных картин мира: общенаучную, естественно-научную и социально-историческую, частно-научную.

Научная картина мира связывается с интерсубъективным опытом восприятия посредством понятия «жизненный мир», которое включает базисное знание структуры релевантностей и типов.

Особое значение для социально-психологической компетентности имеет эмпатия, оказывающая влияние на когнитивную сферу, глубину проникновения в ситуацию, идентификацию. При этом социально-психологическая компетентность проявляется на разных уровнях: макроуровне (политика, деятельность верхних эшелонов власти), среднем уровне (социальные институты и общности), микроуровне (межличностное общение).

Социально-психологическая компетентность делится на два вида: житейская и профессиональная.

Житейская социально-психологическая компетентность — результат социализации, т. е. адаптации к конкретным условиям. Быть

на высоте в вопросах общения, познания заставляет жизнь. Социально-психологическая компетентность в нормальном обществе выгодна, потому-то ценятся улыбка, вежливая манера обращения, культура общения.

В основе житейской социально-психологической компетентности лежат бытовые картины мира, стереотипы, художественные образы, многолетние наблюдения, народный опыт, знания в той или иной области. По-другому ее называют народной мудростью, которая получила свое выражение в мифологии, фольклоре, пословицах, поговорках, традициях, обычаях, укладе жизни, наблюдениях в виде примет, говоря иначе, — в менталитете.

Взять такой обычай, как сватовство. Задолго до появления службы знакомств, использующей информационные банки о потенциальных кандидатах в супруги, простые люди неплохо справлялись с задачей по выбору жениха или невесты. Чтобы избежать ошибок, выбор производился на основе тщательного изучения «кандидата» и многочисленной его родни. Здесь можно говорить о своеобразном лонгитюдном (длительном и систематическом) исследовании, продольном срезе с использованием методов: биографического, обобщения независимых характеристик, наблюдения. Конечно, нельзя идеализировать этот обычай, но рациональное зерно в нем есть. Он более эффективен, чем уличные знакомства.

Редко на социально-психологическую компетентность оказывают влияние предрассудки (суеверия), особые психологические способности, на которых спекулируют хироманты, астрологи, экстрасенсы, знахари и разного рода шарлатаны (чревовещатели, предсказатели судеб и ясновидцы).

Современная житейская социально-психологическая компетентность связана с необходимостью адаптации к рыночным отношениям. В основе ее лежит переоценка ценностных ориентаций: ставка не на коллективную ответственность и образ жизни, а на индивидуалистическое жизнеустройство, собственные возможности, внутренний локус контроля.

Если современная житейская социально-психологическая компетентность в нормальном обществе базируется прежде всего на знаниях законов, то при переходе от тоталитарного государства к демократическому ценится способность обойти закон.

Житейская социально-психологическая компетентность проявляется в различных сферах: семейной (в виде своеобразной науки «ладить»), услуг (круга связей), в общественных местах (транспорт, дискотеки, стадионы, клубы, театры), в межнациональных отношениях и т. д. Однако в названных сферах часто наблюдаются антиподы социально-психологической компетентности. Так, в сфере услуг вежливость и внимание проявляются только по отношению к нужным людям, а ко всем остальным — равнодушные, в общественных местах вместо доброжелательности — агрессия, бес-

пардонность, почтительность — только по отношению к начальству, а по отношению к остальным — хамство.

Профессиональная социально-психологическая компетентность складывается из *научных картин мира и знаний в области общения.*

Социально-психологическая компетентность имеет особое значение для следующих профессиональных групп: представителей властных структур, работников сценического жанра (актеры, чтецы и пр.), социальных работников, дипломатов, педагогов, психологов и врачей, сотрудников спецслужб и правоохранительных органов, работников сферы услуг, управленцев и предпринимателей.

Данные специалисты, как правило, имеют соответствующую подготовку и глубокие познания в области делового общения (умение устанавливать контакт, вести переговоры), закономерностей восприятия и познания людьми друг друга на основе внешности, поведенческой симптоматики, визуальной диагностики, психического воздействия.

Такие лица являются неплохими контактерами, физиономистами не случайно. Они, используя возможности трансактоного анализа, умело маскируют свое поведение, завоевывают друзей не только по методу Д. Карнеги, но и с помощью других методик, достаточно полно освещенных в литературе.

Рассматривая социально-психологическую компетентность, нельзя не сказать о кастовой и профессионально-преступной компетентности. Первая представляет собой знания специфической системы этикетного общения в замкнутых для широкой публики общностях: политической элиты, аристократических кругах, масонских ложах. Здесь используется свой «птичий» язык, основанный на особых нормах, понятных узкому кругу лиц. Вторая говорит о наличии знаний, используемых преступниками для профессионального совершения противоправных действий. В этой связи следует отметить так называемую социально-психологическую компетентность мошенников.

Представители этой преступной квалификации обладают знаниями и способностями «работать» на доверии, т.е. входить в доверие к людям и совершать кражи и аферы.

Особо высокие требования предъявляются к уровню социально-психологической компетентности представителей власти — системе знаний, позволяющей учитывать последствия принимаемых решений и воздействовать на ход событий с позиции соблюдения прав человека и обеспечения национальных интересов. Если с этой точки зрения проанализировать компетентность представителей власти, то результаты получаются малоутешительные. Еще сплошь и рядом встречаются случаи безответственных заявлений, прогнозов, обещаний, принятых без всякого серьезного обоснования и научного прогнозирования, например, в области государственного устройства, экономики, национальной безопасности, эко-

логии. В период проводимых в стране реформ встает вопрос о социально-психологической подготовке представителей власти, об овладении ими знаниями о стратификации общества, социальных общностях и институтах, о качестве жизни, основах конфликтологии, управления, культуры отношений, а не только о создании собственного имиджа.

Социально-психологическая компетентность связана с этическими проблемами, так как базируется на доскональных знаниях о технике овладения «ролевыми масками», позволяющими личности скрывать истинное лицо, вести двойной образ жизни, хитроумную игру, заниматься интригами и даже перейти на нелегальное положение. В одних случаях это оправдано необходимостью выполнения служебных функций, например деятельность дипломатов, сотрудников спецслужб, актеров; в других — ситуациями, которые отрицают прямолинейность и требуют «святой лжи». Нередко социально-психологическая компетентность ассоциируется с «синдромом Талейрана» и используется в качестве инструмента интриг и вероломства.

Социально-психологическая компетентность определяется следующими факторами:

- индивидуальными особенностями (при этом большую роль играет тип личности, в частности является ли она интро- или экстравертной, аутичной или неаутичной, а также ее интеллект);
- психическими состояниями (астеническое и стеническое) и типичными настроениями;
- эффективностью социализации (например, нарушение социализации приводит к возникновению эмоциональной глухоты, комплексов, агрессивности);
- влиянием культурных различий;
- специальной социально-психологической подготовкой.

Одним из факторов, оказывающих существенное влияние на социально-психологическую компетентность, в связи с чем о нем следует сказать отдельно, является когнитивная сложность личности. Имеются когнитивно простые и когнитивно сложные люди. В основе когнитивной простоты лежит одномерное восприятие мира: или в черном, или в белом свете без полутонов и оттенков. Когнитивно простая личность подразделяет людей на «своих» и «чужих». Для нее «социальная шизофрения» — норма поведения: кто не с нами, тот против нас. Когнитивно сложная личность воспринимает мир во всем его многообразии и положительно влияет на социально-психологическую компетентность. Изучение характеристик, анализ кадрового аттестования показывают, что до когнитивной сложности многим людям еще далеко (об этом можно судить, например, по их позиции к предпринимателям и фермерам). Между тем происходящие социальные изменения заставляют учиться деловому общению, чтобы быть компетентным в со-

циально-психологическом отношении. Такая потребность существует не только у бизнесменов, менеджеров, но и у многих других людей. Сегодня без социально-психологической компетентности нельзя обойтись практически никому.

Социально-психологическую компетентность следует отличать от *психологической готовности* и *профессионального мастерства*.

Природа социально-психологической компетентности состоит из соответствующих знаний, представлений и стереотипов.

Психологическая готовность и мастерство включают в себя не только знания, но и умения, и навыки, и другие компоненты.

Социально-психологическая компетентность сводится к знаниям, но это не значит, что она не играет никакой практической роли в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Социально-психологическая компетентность имеет самое прямое отношение к теории *Я*-концепции. Различают как психофизиологическое и психическое, так и социально-психологическое *Я*. В целом *Я* включает три измерения: наличное *Я*, желаемое *Я* и представляемое *Я*. К наиболее известным теориям социально-психологического *Я* относятся теории зеркального *Я*, социального сравнения и самовосприятия. Складываясь из отражения социальных оценок (мнений других людей), социально-психологическое *Я* регулирует поведение и деятельность личности.

Иначе говоря, известная схема «внешнее преломляется через внутреннее» означает формирование когнитивной сферы личности в результате внешнего воздействия и затем указывает на ее роль в регулировании поведения и деятельности. Сформировавшаяся под внешними воздействиями когнитивная сфера (картины мира, образы) приобретает самостоятельное значение и выступает в качестве регулятора. Внутренний образ зависит не только от соответствия научным картинам мира, но и от ушербности, психотравмированности *Я* в процессе социализации.

Самооценка и *самоуважение* — наиболее важные регулятивные функции *Я*. Следовательно, то, как человек рассматривает самого себя, должно быть отражением того, что, по его мнению, думают о нем другие, хотя совершенно не обязательно, чтобы они действительно так думали.

Социально-психологическая компетентность предотвращает деформирование *Я*, и поэтому положительно воздействует на адекватность картины мира, самооценки, регуляцию профессиональной деятельности личности. Но чем выше социально-психологическая неграмотность, тем выше вероятность деформирования *Я* со всеми вытекающими последствиями.

Профессиональная *Я*-концепция содержит представления личности, организует процесс ее познания и взаимодействия, т. е. влияет на социально-психологическую компетентность субъекта.

14.2. Прикладная социальная психология в образовании

Так случилось, что примерно с конца 20-х гг. XX столетия и до «хрущевской оттепели» (50—60-е гг.) отечественная социальная психология в собственных рамках не развивалась. Пробел в ее развитии связан с прямым запретом заниматься социально-психологическими исследованиями в то время.

Впрочем, это не совсем так. Социально-психологическая проблематика разрабатывалась, но на школьном материале. Это понятно. Изучать, скажем, социальные конфликты и другие реальные социально-психологические проблемы было невозможно.

В связи с этим социальная психология ушла как бы под «крышу» педагогической науки. Несомненно, что последняя от этого оказалась в выигрыше. Что же касается социальной психологии, то она отдала в педагогические руки целую прикладную отрасль — «Социальную психологию образования».

Последствия этого заметны не только для самой социальной психологии, но и для педагогики и педагогической психологии.

Дело в том, что в конце концов историческая справедливость почти всегда торжествует. И социальная психология образования, как и другие прикладные отрасли, со временем вернется в материнское лоно.

Хуже дело обстоит с ситуацией, которая сложилась в педагогике и педагогической психологии. Речь идет о последствиях заимствования, мягко говоря, из социальной психологии. Конечно, без взаимопроникновения идей и положений из одной науки в другую представить современный научный процесс нельзя.

Любопытно другое: в какой степени компетентно распоряжаются педагогика и педагогическая психология теми материалами, которые они заимствовали в прошлом у социальной психологии, и продолжают это делать?

Содержание программ по педагогике и педагогической психологии во многом социально психологизированно. В них нетрудно отыскать все основные социально-психологические понятия: социально-психологические теории личности, общение, конфликт, различные виды групп, фрагменты организационной психологии, социально-психологические тренинги, методики групповой работы, элементы социально-психологического консультирования и, разумеется, социально-психологическую диагностику, используемую «от» и «до».

При этом искажается общепринятый социально-психологический понятийный аппарат (непонятно, почему надо вместо термина «социально-психологический тренинг» употреблять «педагогический тренинг», хотя имеется в виду одно и то же, и т.д.). Чего стоит одно только выражение «сознательно коммуникативный метод», употребляемое в методической литературе! Перевод сего выражения означает следующее: «сознательно коммуникативный ме-

тод — это передача (объяснение) грамматических моделей языка с помощью определенных средств общения». Но передавать языковые модели можно не только на сознательном, но и бессознательном уровне, в частности с помощью внушения и пр. Что имеется в виду под понятием «сознательно коммуникативный метод», так и не ясно. То ли «бессознательной коммуникации» вообще нет, то ли педагог должен быть всегда вменяемым, то ли что-то третье. Непонятно. И таких неточностей — масса, хоть отбавляй. Терминологический туман лишь усугубляет ситуацию.

Выход — в соблюдении *компетентности* и *корректности*. Каждому свое. Каждый должен заниматься своим делом: социальная психология — социально-психологическим; педагогическая психология — соответственно своим.

Применительно к данному случаю это означает, что должна развиваться социальная психология образования. Она имеет возможность это делать.

Образование — это своего рода поле, которое нужно вспахивать своим плугом, а не чужим. Если нет собственной теоретической, диагностической и другой возможности это делать, уступить следует место другим, т. е. социальной психологии, профессионалам.

Чтобы создать хотя бы учебный курс «Социальная психология образования», нужны исследования, литература. Это нужно для того, чтобы профилизировать курс «Социальная психология» в педагогических учебных заведениях. Студент должен не только получить знания по социальной психологии, но и уметь практически их применять в сфере образования.

Как один из вариантов предлагается тематический план курса «Социальная психология образования» (табл. 2).

Таблица 2

**Примерный тематический план курса
«Социальная психология образования»**

Часть, раздел, тема	Количество часов			
	Всего	В том числе		
		Лекции	Семинары	Практ. занят.
Часть I Основы социально-психологической теории образования Раздел I. Введение Тема I. Предмет социально-психологической теории образования, ее значение и место в социально-психологической науке	4	2	2	—

Часть, раздел, тема	Количество часов			
	Всего	В том числе		
		Лек-ции	Семи-нары	Практ. занят.
<i>Тема 2</i> Социально-психологическая характеристика образовательной деятельности	4	2	2	—
Раздел 2. Социальная психология личности в сфере образования				
<i>Тема 3.</i> Социально-психологическая характеристика субъекта и объекта в сфере образования	4	2	2	—
<i>Тема 4.</i> Социально-психологические особенности личности педагога	4	2	2	—
<i>Тема 5.</i> Социально-психологическая характеристика личности обучаемого (учащегося, студента)	4	2	2	—
Раздел 3. Социальная психология педагогического общения				
<i>Тема 6.</i> Социально-психологическая характеристика педагогического общения	4	2	2	—
Раздел 4. Социально-психологическая характеристика общностей и социальных институтов в сфере образования				
<i>Тема 7.</i> Образование как социальный институт	4	2	2	—
<i>Тема 8.</i> Организационная психология (культура) образовательных учреждений, их стратификация	4	2	2	—
<i>Тема 9.</i> Малые неформальные группы в образовательных учреждениях	4	2	2	—
<i>Тема 10.</i> Семья как социальный институт	4	2	2	—
<i>Тема 11.</i> Социальная психология общественных организаций в сфере образования	4	2	2	—
Раздел 5. Социальная психология напряженности и конфликтов				
<i>Тема 12.</i> Социальная напряженность в образовательных учреждениях	4	2	2	—
<i>Тема 13.</i> Социально-психологическая характеристика конфликтов в сфере образования	4	2	2	—

Часть, раздел, тема	Количество часов			
	Всего	В том числе		
		Лек-ции	Семи-нары	Практ. занят.
<i>Тема 14.</i> Техника снятия социальной напряженности и урегулирования конфликтов в сфере образования	4	2	2	—
Раздел 6. Социально-психологическое воздействие в сфере образования				
<i>Тема 15.</i> Образование как фактор социализации (развития) личности	4	2	2	—
<i>Тема 16.</i> Социально-психологические способы воздействия в сфере образования	4	2	2	—
Часть II				
Основы прикладной социальной психологии образования				
Раздел 7. Введение в прикладную социальную психологию образования				
<i>Тема 17.</i> Предмет, структура и задачи прикладной социальной психологии образования	4	2	2	—
Раздел 8. Социально-психологическая диагностика и воздействие в сфере образования				
<i>Тема 18.</i> Организация социально-психологической диагностики и характеристика ее основных методов	8	4	4	—
<i>Тема 19.</i> Социально-психологический тренинг и консультирование в сфере образования	10	6	4	—
Раздел 9. Групповое и личностное развитие в сфере образования				
<i>Тема 20.</i> Социально-психологическая диагностика личности, семьи и малых неформальных групп	12	6	—	6
<i>Тема 21.</i> Групповая работа в сфере образования	10	4	—	6
Раздел 10. Организационное развитие образовательных учреждений				
<i>Тема 22.</i> Социально-психологические аспекты организационного развития образовательных учреждений	14	6	—	8

Таким образом, социальная психология позволяет повысить социально-психологическую компетентность учащихся и внести реальный вклад в развитие образования.

Темы для обсуждения

1. Возрастание значения социально-психологической компетентности личности.
2. Различные точки зрения на понимание социально-психологической компетентности.
3. Характеристика компонентов социально-психологической компетентности личности.
4. Понятие проницательности личности.
5. Факторы, определяющие социально-психологическую компетентность личности.
6. Основные сферы применения прикладной социальной психологии.

Рекомендуемая литература

Жуков Ю. М., Петровская Л. А., Растяжников Л. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. — Киров, 1991.

Зыкин В. Г. Психологические основы проницательности. — М., 1994.

Петровская Л. А. Компетентность в общении. — М., 1989.

Прикладная социальная психология / Под ред. А. Н. Сухова, А. А. Деркача. — М., 1998.

Сухов А. Н. Социальная компетентность власти // Безопасность: Сб. — М., 1992. — № 2.

Шекин Г. В. Визуальная психодиагностика и ее методы. — Киев, 1992.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3

Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Раздел I. Предмет социальной психологии, значение и место теории в социально-психологической науке	6

Глава 1. Предмет социальной психологии	6

Глава 2. Структура социально-психологической теории и ее значение ...	14

Раздел II. Социальная психология личности	26

Глава 3. Социально-психологические теории личности	26

3.1. Специфика социально-психологических теорий личности	26

3.2. Характеристика социально-психологических теорий личности	27

Глава 4. Социально-психологические аспекты социализации личности	43

4.1. Понятие, стадии, институты и механизмы социализации личности	43

4.2. Асоциализация, десоциализация и ресоциализация личности	53

Раздел III. Социальная психология отношений, общностей и социальных институтов	60

Глава 5. Сущность, структура и функции социальных отношений и общения	60

5.1. Понятие, виды и функции общения	60

5.2. Характеристика делового общения	74

Глава 6. Социально-психологическая характеристика общностей и социальных институтов	83

6.1. Понятие и виды общностей и социальных институтов	83

6.2. Социально-психологическая характеристика стратификации общества. Образ, качество и стиль жизни	89

Глава 7. Малые неформальные группы, их структура и динамика	97

7.1. Понятие и виды малых неформальных групп	97

7.2. Социально-психологическая характеристика различных видов малых неформальных групп	110

Глава 8. Психология социальных организаций	120
8.1. Функции и эффективность социальных организаций	120
8.2. Понятие и составляющие организационной культуры	128
Глава 9. Психология больших социальных групп и движений	135
9.1. Признаки больших социальных групп и движений	135
9.2. Характеристика массовых социально-психологических явлений	139
Глава 10. Психология толпы	149
10.1. Социально-психологическая сущность толпы	149
10.2. Характеристика различных видов толпы	154
Глава 11. Социальная психология конфликтов	163
11.1. Основы конфликтологии: понятие о конфликтах, их структура, функции, стадии протекания и виды	163
11.2. Конфликты в различных общностях	168

Часть II. ОСНОВЫ ПРИКЛАДНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 12. Предмет, структура и задачи прикладной социальной психологии	173
12.1. Структура и предмет прикладной социальной психологии ..	173
12.2. Функции и задачи прикладной социальной психологии	188
Глава 13. Диагностика конкретных социально-психологических явлений	195
13.1. Характеристика основных методов социально- психологической диагностики	195
13.2. Социально-психологическая диагностика личности	210
Глава 14. Сферы применения прикладной социальной психологии	221
14.1. Социально-психологическая компетентность как составная часть профессионализма	221
14.2. Прикладная социальная психология в образовании	227